

Дмитрий Григорьев

Господин Ветер

роман

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

УДК 882
ББК 84 Р 7
Г 83

Григорьев Д. Господин Ветер. — Санкт-Петербург:
Свое издательство, 2012. — 278 с.

ISBN 978-54386-5139-0

© Д. Григорьев, текст, 2012
© Свое издательство, оформление, 2012

Предисловие автора к новой версии

Роман «Господин Ветер» уже имеет свою собственную историю. Началось все в середине девяностых, когда один известный издатель, прочитав несколько моих рассказов об автостопе, предложил написать приключенческую книгу в жанре road story. После одобрения заявки (типа тех, что пишет некий ДГ в четырнадцатой главе этой книги) я сел за работу. И меньше чем через год принес в издательство книгу «Господин Ветер». Она немного отличалась от книги, которую вам предстоит прочесть, и совсем не соответствовала первоначальному замыслу.

— Ты меня обманул, — сказал Главный редактор, — обещал боевик, а принес книгу.

— Но как же, — возразил я, — вот, например, встреча с бандитами, а вот и сюжет, изложенный в заявке.

И я показал ту самую пару страниц, где некий безумный писатель генерирует сюжеты приключенческих романов.

— Что ж, пока под твою книгу у нас нет подходящей серии. Но рано или поздно мы ее издадим. Пусть ждет.

И я тогда выложил первую версию «Господина Ветра» на сайте «Лито им. Лоренса Стерна», созданном замечательным писателем Александром Житинским.

Прошло время, люди, которые послужили прототипами моих героев, изменились, да и сам автостоп стал другим. Расцвело множество автостопных организаций, превративших этот способ передвижения в спорт. Многие мои друзья, в том числе и я сам, пересели на машины, и, разумеется, стали подвозить стопщиков во время своих путешествий.

Изменился и «Господин Ветер». За пару лет я добавил несколько историй, воскресил одного из второстепенных героев, увидел по-другому некоторые сны Кристофера. Однако все внесенные мной изменения не затронули ни время действия, ни основную линию сюжета. Я завел свою собственную страницу, и раз в год вносил в текст изменения.

«Скоро можно будет вешать баннер, — шутили мои друзья, — «Текущая версия романа устарела, читайте новую версию!»»

В 1998 году вышла в свет книжка стихотворений «Господин Ветер». Это был сборник стихов, получившихся во время написания книги. Я пишу «получившихся», поскольку они произрастали из текста романа независимо от моего волевого усилия. Некоторые из них были напрямую связаны с повествованием и даже включены в него, некоторые — достаточно опосредованно. Мой московский приятель Джон, издатель полулегальной растаманской газеты «I-таймс», предложил сделать маленькую подарочную книжку стихотворений. Галерея «Борей» также поучаствовала в ее создании. Однако когда книга была уже напечатана, но еще не сшита, злые люди посадили Джона в тюрьму. Что поделаться, у всякого настоящего растамана есть трава, а тогда Джон был настоящим растаманом. Часть тиража удалось спасти, и мы с друзьями разрезали и сшили листочки этой книжки вручную. Стихотворения из нее можно увидеть в конце этой книги, после словаря.

Наконец, уже в XXI веке, мне позвонил Главный редактор.

— Мы нашли серию для твоей книги! «Поколение Y»!

Я очень обрадовался.

— Но чтобы книга лучше продавалась, — добавил он, — нужен подзаголовок «Роман о хиппи»!

— Какие хиппи, — закричал я, — у меня роман о дороге и людях на ней!

Все мои возражения были напрасны. Правда, на обратной стороне обложки мне удалось написать некий комментарий. Но кто читает обратную сторону?! И очередная, как мне казалось тогда, окончательная версия «Господина Ветра» вышла в издательстве «Амфора» в 2002 году.

В интернете же продолжала и продолжает гулять каша из разных версий одного и того же «Господина Ветра». Но книга, которую вы держите в руках, почти полностью соответствует варианту 2002 года.

И, в заключение, еще раз повторю слова, сказанные мною десять лет тому назад: За время существования «Господина Ветра», некоторые мои друзья, чьи черты были отражены в героях романа, ушли из жизни. Их памяти я посвящаю эту книгу.

От автора

Недавно одна моя знакомая побывала в гостях у арабских музыкантов. Они были настоящими музыкантами и большую часть времени играли музыку и пели.

— О чем эта песня? — спросила моя знакомая по-английски (арабского она не знала, а музыканты пели на своем родном языке).

— О любви, — ответили ей.

Они спели еще одну песню.

— А эта о чем? — снова спросила моя знакомая.

— О любви.

Они снова начали петь.

— А теперь о чем вы поете?

— Теперь о смерти, — ответили они, — и о любви. О чем же еще можно петь?

И если вы меня спросите, о чем же я пытаюсь писать, отвечу: «О Любви и о Смерти. О Пути». Я попробовал представить историю одного путешествия, точнее маленького фрагмента одного большого путешествия. Я старался записывать увиденное, а не придуманное.

И я хочу поблагодарить всех помогавших мне на этом пути, будь то мимолетная поддержка или долгое совместное путешествие. Это Люди Радуги (ведь герои книги тоже из их семьи) и просто мои друзья: Володя Волос, Ян, Махмут, Витя Банджо, Птица, Ваня Жук, Юля, Володя Голованов, Федор, Федя-барабанщик, Джон, Сурья, Сережа Брателло, Миша Шараев, Макс, Умка, конечно же, Вовка-блюзмен, Вовка Орский, Аленка, Никодим, Тошка Московский, Надя, Нина, Ленка, Лена, Костыль, уважаемый С. М. Печкин, с которым я незнаком, но архивом которого неоднократно пользовался, Павел Крусанов, Женя Кушнер, Саша Мазин, Володя Колосов, Тоня Галль, Оля Григорьева. Я назвал лишь немногих.

И поэтому, повторю еще раз, в полный голос:

СПАСИБО ВСЕМ!

На выходе из станции метро «Чкаловская», на металлическом полу сваркой напаяна надпись

«Я тебя люблю».

Ежедневно тысячи людей наступают на нее ногами. От этого она, отполированная до серебряного блеска, лишь становится заметнее.

Глава первая

Кое-что о смерчах и о любви

«...Говорят, купец один Беловодье найти хотел, торговать там. Большой, богатый караван собрал. А есть оно, Беловодье-то?

Проводник, говорят, у него был. Вроде как божий человек. Тот знал, где это Беловодье.

Так ушли они, а потом Мертвый Караван появился. Это тот караван и есть. И сейчас его увидеть можно... Караван как караван, верблюды, люди. А они и не люди давно. Люди так долго не живут. Тысяча лет им, а может и более. Но как люди, ничем не отличаются. И божий человек тот сзади идет. С посохом.

Семен, брат отца моего, дядя, значит, их видел. До немецкой войны, когда геологов водил. (Мы же, казаки, давно здесь живем.) Геологи-то сзади остались, а он вперед поехал. Поехал, а тут конь, конь у него послушный был, как станет. И дрожит весь. А с холма этот караван идет. Все как рассказывают. И нищий, тот, что сзади, вроде на земле посохом начертит что-то. И на Семена смотрит. А у того конь понес... Потом возвращался, черту эту искал. Не нашел.

А геологи, которые с ним были, ничего не видели. Потому и Мертвый Караван называется, что не всякий его видит. Семен понял, говорит, вернемся, дальше пути не будет. И не пошел. А геологи дальше пошли. И пропали все...»

Зап. от Меркулова Е. П., 1929 г., гор. Узунгач, опубл. в сборнике «Великий Шелковый Путь: прошлое и настоящее». Уральск, 1961

«Песок и пыль», — подумал Кристофер и повторил вслух:

— Песок и пыль. Плюс — ветер.

Ветер сдувал пот. Что было приятно. Но ветер делал не только это — он заталкивал во все дырки песок и пыль. Песок хрустел на губах, колол глаза, забирался в карманы, в складки одежды. Не про-

шло и половины дня, как армейские ботинки из черных стали темно-коричневыми, а выцветшие джинсы приняли цвет дороги.

«Теперь я сам — словно дорога... Путь... Путешественник сознания внутри тела». То ли близость Поднебесной навевала такие мысли, то ли недавний травяной разговор с Виком, — Кристофер встретил его в Бийске, у Валерки Дылды. Вик вернулся из Китая и ночь напролет гнал телеги обо всем: от Дао до китайских туалетов. Теперь он остался там, на вписке, а Крис уже третий день шел по трассе. В Алма-Ату. Ту-ту-ту. Кристофер запоздало взмахнул рукой.

Очередная машина пролетела мимо даже не притормозив. Ветер мгновенно закрутил пыльный шлейф и унес его в сторону. Так в степи получают смерчи. В настоящей степи. А здесь... Отроги Алатау. Или Казахский Мелкосопочник? Уже много лет Кристофер изучал географию с помощью «стопника» — атласа автомобильных дорог, в котором — лишь трассы и города. Еще реки. Горы, к сожалению, обозначены не были.

В самом слове «мелкосопочник» было нечто презрительно-пренебрежительное, мелкотравчатое. Пустыни, степи, плоские, бескрайние, как море, находились и севернее, и западнее, и восточнее. Но не здесь. Здесь трасса ползла среди многочисленных голых невысоких холмов.

Мелкие прыщики, гусиная кожа, покрывающая землю. Камень, песок, пыль. Ничего не растет. И смерч в таких местах погибает, не успев родиться.

То ли дело — Устюрт.

Кристофер вспомнил совсем другие места и времена. Тогда он тоже болтался по Средней Азии. Правда, ехал не из столь далеких мест. Из Бухары в Астрахань. На родину Хлебникова, первого Гуль Муллы, Священника Цветов, стихийного суфия.

Тогда Кристофер еще делил людей на пилл и цивилизованных, а Хлебников, великий поэт, в представлении Кристофера, был настоящим хиппи, по случайным обстоятельствам переместившимся в начало века и тусовавшимся с больше похожими на первопанков футуристами. Впрочем, и нынешний пилл, что тогда,

десять лет назад, что сейчас — не поймешь кто. Народ, одним словом. Люди разной степени клевости.

На Устюрте — совершенно плоской, выжженной солнцем местности между Каспием и Аралом, вообще не было трассы. По крайней мере, тогда, десять лет назад. Были: железная дорога, линия газопровода и по краю плато — обрыв в две сотни метров — к солончакам, следам ушедшего моря, столь же плоским, как и сам Устюрт. Подножие обрыва цело коричнево-красным — ночные водители, привыкнув к бесконечности плато, не замечали сброса. Комья железа, в которые превращались машины, убирать было некому, и они ржавели под редкими дождями.

Драйвер, взявший Кристофера, рассказывал про ложные огни, появляющиеся в пустыне и смущающие водителей: «Я сам чуть не купился. Принял метеостанцию за газопровод. А чего — светится и светится. Луна спасла, вовремя заметил».

Кристофер вспомнил, что весь их караван — три больших бензовоза, летящие по раскаленной земле, казалось бы, наугад, совершенно точно выехали к поселку. Поселок назывался Каракалпакия.

Был на Устюрте еще один ориентир — памятник и колодец. Памятник Серебряковой, не художнице, а путешественнице. Каким-то образом она оказалась посреди этой пустыни, в одиночестве, без еды и питья. Однако сумела найти чуть ли не единственный на всем плато колодец. И, разорвав всю одежду на мелкие полоски, привязала к ним кружку и пыталась зачерпнуть воду. То ли колодец был слишком глубокий, то ли самодельная веревка короткая, но героическая женщина умерла от жажды. А через несколько лет возле колодца поставили памятник.

Эту историю ему рассказывал все тот же водитель бензовоза — они в конце-концов сломались и, отстав от колонны, лежали на потрескавшейся сухой земле в тени цистерны. Кристофер помнил крупные мясистые помидоры и водку. Одна или две бутылки. К вечеру и Крис, и драйвер были совершенно в хлам. А на следующий день...

На следующий день поднялся ветер. И Кристофер впервые увидел смерч. Издали. Высокий серо-коричневый столб, колонну, медленно бредущую по пустыне.

Кто-то говорил Крису, что смерчи рождаются от движущихся машин. Завихрение воздуха ветер разгоняет, крутит. Он вспомнил, как в детстве лепил снеговики — чем больше ком, тем быстрее растет.

Еще одна машина. Легковая. Кристофер поднял руку. И улыбнулся. Улыбка давалась ему легко, на этой солнечной трассе он мог представить только два выражения лица — улыбающееся или уставшее. Усталости пока не было. И машина — пятерка, жигуль, остановилась.

— До Алма-Аты.

— Я поворачиваю. На Панфилов.

— Тогда до поворота.

Водитель кивнул. Аккуратная стрижка, футболка. Джинсовая куртка на заднем сиденье. Русский или немец. Массивные часы с калькулятором. Пингвин на присоске в салоне. Бумаги в папке. Вероятнее всего, коммерсант.

— Только я не заплачу.

Водитель снова кивнул.

— Ветер, — сказал Кристофер, усаживаясь на переднее сиденье. — Холмы, а ветер. Ремень накинуть?

— Не надо. — Машина плавно тронулась с места. — Скоро осень. Это еще не ветер... Ветерок.

Десять с лишним лет стопа научили Кристофера разговаривать с драйверами, причем так, что беседа протекала в русле, интересном и драйверу, и самому Кристоферу. Сейчас он думал о смерчах, и слово смерч само собой просочилось в салон машины, в речь водителя, и вскоре Кристофер уже не говорил, а слушал, пребывая в мягкой полудреме.

— Ну, ты знаешь, эти вояки здесь везде стояли, — рассказывал водитель, — на каждом углу. Я двадцать лет, бля, на них отпахал. Ну вот, как назло мне навстречу лейтенант на каком-то жопике. То что он лейтенант, я потом узнал... А я, значит, на этой, у меня уже эта была... Так, значит, вот он, ну, метрах в двадцати передо мной, навстречу прет. Значит, ветер был, да, но такой, знаешь, ни

то ни се. А тут вдруг — ухх. Я и сообразить-то ничего не успел. Я даже по тормозам не того. Как на самолете — поднимает, бя, пыль, темно, хлобысь, хлобысь, я-то понять ничего не могу, все, пиздец, но знаешь так, по автомату, заносит — значит, рули в сторону заноса, а сам помню о том жописе, что впереди, меня же в его сторону крутит-то. Потом чмок — еду. Бля, не поверишь — по противоположной полосе. — Водитель сделал паузу. — А с лейтенантом, он еще с сыном был — обосрешься. Я в зеркало смотрю. На дереве. Дерево-то одно на сто километров было. Ну вот его как раз промеж веток и всобачило. Ну я задним ходом. Живые. Оба. Тоже ни хуя не поняли. Так быстро все было. Но лейтенант говорит, видел краем глаза. Он давно в этих местах. Смерч говорит. Черный столб. А если бы не дерево — они в лепешку. Судьба, бля... А ты, значит, сам из Алма-Аты...

— Нее, я из Питера.

— Ого... А здесь отдыхаешь, значит... — Разговор принимал стандартное течение.

— Вроде того. В гости еду. А ты здесь живешь?

— В Аягузе. Уж двадцать лет как. В Питере у меня тетка. На Кирпичном, значит. Знаешь такой?

— В центре? Около Садовой?

— Где-то там... И ты так, значит, всю дорогу... Пешком?

— Автостопом, — поправил Кристофер, — а где на электричках.

— Не, бля... В гробу я видел такой отдых. Грязь, пыль... Я вот сейчас в Хоргосе возьму товар, у себя сдам. Тысяча баксов навару... Тут тебе и телки, и кабак...

— Каждый оттягивается по-своему, — сказал Кристофер. — С китайцами торгуешь?

— Больше не с кем... На этом, значит, и живем. Если бы еще бандитов поменьше.

— Много бандитов? — Кристофер знал, что много, предыдущий водитель уже сетовал на них, но этот вопрос возник спонтанно, так требовала сама беседа.

— До хуя... На этой трассе...

— То-то меня не сажали.

— Я бы тоже тебя не посадил. Любопытство разобрало. Что за человек такой — волосатый, бля, бородатый. Ни турист, ни геолог. С гитарой. Музыкант, что ли?

— Вроде как.

— Тут на повороте ГАИ будет. Я тебя, значит, высажу, они дальше посадят.

Кристофер улыбнулся: дальше посадят... Весьма двусмысленно. Гаишники, как и всякие менты, начинают с расспросов — кто, откуда, зачем? И Кристофер старался обходить ментовские будки стороной. Можно, конечно, подойти и прогнать какую-нибудь телегу типа Умкиной — я, дескать, пишу книгу об автостопе. Но это в крайнем случае. Когда трасса вконец обламывается. А обломать Кристофера было почти невозможно. Правда ему иногда добровольно помогали гаишники:

«Эй, парень, куда идешь?»

«Туда-то туда-то».

«А чего по трассе?»

«Денег нет».

И так далее, до:

«Сейчас я тебе быстро до «Туда-то туда-то» машину остановлю».

Но часто такая помощь оборачивалась подставой — водитель, посадивший пассажира по просьбе ментов (а попробуй откажи), но помимо своей воли, не испытывал к стопщику никаких симпатий. Это было насилием над драйвером, а Кристофер не любил насилие.

Поэтому он пешком миновал пункт ГАИ, затем прошел еще вперед. Ни одной машины. Нависающая над трассой будка вскоре превратилась в маленький белый прямоугольник — кусок сахара, возле которого копошился муравей-мент. Дорога хорошо просматривалась в обе стороны, сопки остались где-то сбоку, за пыльным маревом. Впереди трасса была пустынной — только несколько вертикальных треугольно-, прямоугольно- и круглоговых штрихов на обочине — дорожные знаки.

И среди них — едва различимая человеческая фигура.

«Стопит или торгует. Кому здесь торговать? — трасса почти пустая. Все торговцы дынями остались позади, на развилке».

Попутчики Кристоферу были не нужны. Разве что попутчицы — с герлой легче берут. Правда с ней и мороки больше. Вероятность встретить на восточных трассах попутчицу почти нулевая. Любая девушка, даже самая дурная дурнушка, путешествуя в одиночку, могла поплатиться не только честью-невинностью но и свободой-жизнью. Изнасилуют и пристукнут как нефиг де...

Кристофер замедлил шаг. Лучше быть первым. Да и вообще следует держать дистанцию между стоящими.

Он вспомнил Крым, лагерь в кипарисовом лесу, куда все добирались по трассе, и трасса просто была усеяна ярким волосатым и не очень волосатым народом, идущим по двое, поодиночке. «Надо держать дистанцию, чтобы не заморачивать водителя, — говорил тогда Доктор Хвост, — якобы мы едем не вместе, а каждый сам по себе, но на самом деле мы все едем... Едем...»

Воспоминания прервало появление колонны камазов. Кристофер развернулся лицом к машинам и поднял руку на западный манер — оттопырив большой палец. Это были так называемые поливальщики — торговцы дынями и арбузами, курсирующие с юга на север и обратно. Как правило, в них сесть было невозможно — в каждой кабине по три, а иногда и по четыре человека — водитель, плюс хозяин, плюс грузчики-охранники. Колонна промчалась, обдав Кристофера дополнительной порцией песка и пыли.

«А что поделявает тот, что впереди меня? Может, его таки взяли?» Любопытство заставило наклонить очки и приглядеться. Кристофер был близорук, носил очки слабее, чем требовалось, и для большей остроты зрения приходилось наклонять их. Удивительно! На трассе стояла девица.

Кристофер зашагал быстрее обычного. Девушка стояла неподвижно, лицом к нему. Вскоре он смог разглядеть ее полностью. Правильное лицо с европейскими и монгольскими черта-

ми одновременно — маленький подбородок, скулы, большие темные глаза, длинные ресницы, белая, не слишком загорелая кожа, черные короткие волосы, челка, спадающая на лоб. Что-то необъяснимо притягательное было во всем ее облике. Надо совсем не иметь башни, чтобы с такой внешностью выходить на эту трассу! Она старалась смотреть мимо Кристофера, и когда он приблизился, отступила на несколько шагов, пропуская его. Крис же продолжал пялиться на нее почем зря и подмечать все новые и новые детали.

«Вид весьма невеселый, припухлость под глазами — плакала, что-ли? Но сандалии, блузка и джинсы чистые. Значит, на трассе недавно. Цивильная, это факт — ни браслетов, ни фенечек...»

— Сударыня, — обратился к ней Кристофер, — могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Слабая улыбка в ответ. Девушка посмотрела на него, затем слегка покачала головой. Совершенно неопределенный жест, врубивший Кристофера лишь в одно: она ждет продолжения разговора.

— Позвольте предупредить вас, — сказал он, — в этих местах путешествовать по трассе одной весьма опасно.

Она опустила глаза. Большие, миндалевидные. «Нет, это не европейские глаза, это самые что ни на есть натуральные глаза восточной женщины, глаза плененной лани, впитавшие мудрость песков, так ведь сказал бы ты, Мастер Хайам, и не есть ли сия красавица обманкой, подставой дэвов, соблазняющих праведного суфия Кристофера, а?»

«Ты все шутишь, — возразил он сам себе, — а у девочки, может, серьезные проблемы».

Она, словно решившись, снова посмотрела на него:

— Я не боюсь.

— Меня зовут Кристофер. Крис. Можно Митя. Если ты едешь в Алма-Ату, предлагаю свою скромную персону в попутчики и охранники, — переключившись на чуть более серьезный тон, произнес Кристофер.

Девушка снова улыбнулась.

— Алиса.

— Ты едешь стопом? В Алма-Ату?

Она не ответила.

— Давай стопить вместе. Не бойся меня.

«Малолетка. Ей нет и восемнадцати. Статья на ножках, как сказан бы Вовка Блюзмен. Сбежала из дома, ничего не взяла. Можно вляпаться, если родители разыскивают».

— Хорошо, — согласилась она и еле слышно добавила: — Я не боюсь. А ты сам не боишься?

— А чего нам бояться, — шутливо произнес Кристофер, — папа и мама, что-ли, ищут?

— Не ищут, — резко ответила она.

«Вот, не успел познакомиться, а уже обидел».

Солнце постепенно садилось. На горизонте появилась машина — КамАЗ-самосвал. Такие машины обычно ехали недалеко, от силы двадцать-тридцать километров до ближайшего карьера, асфальтового или бетонного завода. И на мгновение Кристофер оказался перед мысленной развилкой: «Если застопить, то ночевать придется где-то на трассе. В темноте сейчас ведь даже с девицей не возмут. Но если не стопить? Нет никакой гарантии, что до ночи вообще кто-нибудь посадит». Остаться здесь Кристофер не хотел. И пока не представлял, как ночевать вместе с этой совершенно незнакомой, да еще к тому же цивилизной герлой. Кристофер поднял руку.

Машина остановилась. Большая улыбка. Большой дядька в очках.

— В сторону Алма-Аты. — Теперь Кристофер добавил к слову «Алма-Аты» «в сторону».

— Садитесь.

— Но мы не заплатим.

— Садитесь же...

Кристофер сел первым, затем подал руку Алисе. Где-нибудь в Европе, он пропустил бы герлу вперед, а здесь, на Востоке, некоторые могут не так понять. Типа: «Если сажаешь женщину рядом с драйвером — значит, предлагаешь ее...»

— Давно стоите?

— Не... Мы не стоим, мы идем, — весело ответил Кристофер.
— И никто не сажает?
— Почему, вон мужик до поворота подвез. Сам на Панфилов поехал.

— А я как раз оттуда. И каким же ветром вас в эту дыру занесло?

— С Алтая. В Алма-Ату к друзьям. А затем домой, в Питер.

— И все на перекладных?

— Ну да, стопом.

— А как же ночуете? Дороги-то неблизкие.

— Все с собой. Палатка, спальник.

Кристофер бросил взгляд на Алису. Испуганный зверек. Он взял ее руку в свою. Движение не укрылось от взгляда водителя.

— А чего подружка такая грустная? Обидел кто? — последняя фраза водителя относилась уже к Алисе.

— Нет, что вы, — ответила она, — устала только.

Больше вопросов к спутнице Кристофера не возникало. И снова потянулся разговор между толстяком и Крисом — о ветре, о погоде, о тяжелой жизни, о том, что немцы уезжают, что казахи работать не хотят... Все это Кристофер выслушивал уже не первый раз.

Рука девушки по-прежнему находилась в его руке. Тонкие длинные пальцы, ладошка-крыло. «На моих руках вены как ветки, синие ветки подкожных деревьев, да и сама кожа грубее и чернее».

Постепенно стемнело. Водитель включил фары. Алиса, казалось, заснула.

— Будить придется. — Драйвер бросил на нее быстрый взгляд. — Через пару километров поворачиваю.

— Ничего, ночь длинная.

Вскоре они снова стояли на трассе, и Кристофер уже не показывал оттопыренный большой палец, а энергично размахивал рукой, пытаясь задолго до приближения машины попасть в свет фар.

Алиса стояла рядом, закутавшись в его куртку.

— Стопить нет смысла, — наконец сказал он, — надо отойти. Перенайтовать. У меня есть спальник.

Выражения лица Алисы Кристофер разглядеть не мог.

— Приставать не буду, не бойся, — зачем-то добавил он и протянул ей руку, — пойдем.

Они поднялись по распадку на ближайший холм. Кристофер достал маленький карманный фонарик, осветил вниз.

— Вроде ровно. Помоги раскидать камушки.

Пока Алиса расчищала место, Кристофер вытащил полиэтилен. Почему-то он считал, что расстеленная на земле пленка защищает от змей, скорпионов и прочих «гадов ползучих». Неизвестно от чего спасала эта подстилка, но своим шелестом (а шелестела она и от ветра, и от движений самого Кристофера) часто вызывала в его голове образы этих страшных «гадов ползучих», мешая засыпать.

Вообще-то Кристофер был не очень аккуратным в быту, но в отношении устройства ночлега и сбора-раскладывания рюкзака соблюдал предельную серьезность.

Он вытащил флягу, свечку. Полиуретановую подстилку — Алисе, под себя же — свитер. Спальник расстегнул как одеяло — на двоих вполне достаточно. Рюкзак под голову. Ботинки и сандалии — туда-же, под рюкзак, под полиэтилен. Гитару в чехле — сбоку. Через некоторое время они уже лежали рядом друг с другом, оба на спине, глазами к небу.

— Ты хочешь спать? — спросил Кристофер.

— Не знаю. Я привыкла ложиться рано.

— Ты живешь с родителями?

— Нет.

После этого односложного ответа наступила пауза, которую тут же заполнили ненавязчивые, но богатые по своей гамме степные звуки, стрекот, тихое персвистывание, шелест и просто шум ниоткуда, может быть, голос самого неба.

— Степь, как и море, каждую ночь поет, — сказал Крис, — для меня нет ничего лучше этих песен.

— Крис... Или Митя. Почему у тебя два имени? — через некоторое время спросила Алиса.

— Это давнишняя история. Однажды, на одном флэту, то есть, сударыня, квартире, мы прикололись к одной, надеюсь, хорошо известной вам книжке. «Винни Пух и все-все-все». Ну и придумали каждому прозвища. Пятачок там, Иа-Иа. А я стал Кристофером Робинем. Все очень просто.

Крис помолчал, а затем добавил.

— А у тебя имя красивое: «Алиса». Мне фильм нравился «Алиса в городах». Вима Вендерса. Смотрела?

— Неа..

— Про девочку, которая любила смотреть телевизор. И про человека, который искал...

«Ты делаешь так много фотографий, — всплыла вдруг в памяти фраза, то ли из фильма, то ли придуманная Крисом, — чтобы убедить себя в реальности существования».

— Кого? — спросила Алиса.

— Пожалуй, себя. Давай, что ли, спать.

Кристофер повернулся к ней спиной. Ветер приносил множество разных звуков — шум трассы, пиликанье каких-то насекомых, ветер шелестел полиэтиленом, обдувал лицо. За спиной дышала Алиса. И, как и следовало ожидать, — вскоре пошло-поехало. После месяца аскетической жизни на Алтае близость девушки породила в голове Криса целый букет эротических фантазий.

«Надо отвлечься. На хрен тебе лишние заморочки, Крис... Как отвлечься? Скажем, считать... Шел один верблюд... Нет, это не поможет. Монах перенес девушку и оставил... А ты до сих пор несешь».

Отступление первое: Старинная дзенская притча о двух монахах

Один раз возвращались в монастырь два монаха. Монастырь был очень строгим, устав запрещал даже прикасаться к женщине. А тут — на дороге огромная лужа. И возле нее девушка — никак не может перейти.

Тогда один монах взял и перенес ее. Девушка поблагодарила, пошла своей дорогой. Монахи своей. И уже у самых стен монастыря тот, который не переносил, спрашивает:

— Как же так, брат, нам запрещено прикасаться к женщине, а ты перенес ее.

— Я-то ее перенес, да и оставил там. А ты до сих пор несешь.

«Странная девочка. — Мысли Кристофера снова вернулись к спутнице. — А может, и не странная. Алиса, Алиса... Просто что-то у нее случилось».

— У тебя... — тихо произнесла она. Или эта фраза послышалась Крису, но вскоре стало совершенно очевидным, вернее, отчетливо слышным одно — тихие всхлипывания за его спиной.

— Ты что? — Кристофер повернулся к ней, обнял. — Не плачь, не надо. Все будет хорошо.

Она уткнулась ему в плечо. От эротических фантазий не осталось и следа. В данный момент она нуждалась лишь в сострадании.

— Я хочу помочь тебе, — сказал Кристофер, — расскажи...

— Прости меня, ради Бога...

— Все будет хорошо, — прошептал Крис, — тише... Спи. Вот и ветер утих.

Она некоторое время лежала, всхлипывая, затем успокоилась. И, как ни странно, Кристофер, не выпуская ее из объятий, стал проваливаться в полусон. Какой-то хлам еще продолжал вертеться в голове. По жизни он сочинял песни, и этот хлам был именно тем сором, из которого рождались тексты Кристофера.

«Идолы на берегу... Над белой пеной прибоя... В синих тряпочках ветра». Но Алиса вдруг разбудила его. Ее пальцы прошли по спине Криса, робко коснулись головы. Совсем рядом он увидел ее лицо, большие темные глаза. Ее губы были так близко, что Крис чувствовал тепло, исходящее от них. Желание. Оно переполняло Алису, заставляло ее трепетать. И это желание перетекало к Кристоферу через каждое прикосновение, через каждый поцелуй. «Будь безупречен, — сказал себе Крис, — смири ярость своего нефритового меча! И получая свои кайфы, не забывай о ней».

С утра, едва рассвело, далеко на востоке затарахтел вертолет. Вертолеты в этих местах никого не удивляли — Казахстан долгое

время был большим полигоном и военным аэродромом-космодромом советской империи. Машины по трассе шли всю ночь, с перерывами около получаса, но шум их моторов почему-то не раздражал слух. А вертолет доставал.

Тарахтение постепенно переросло в гул. Низкий, казалось, колебания воздуха заставляют вибрировать землю. Крис разлепил глаза и... Не увидел ни вертолета, ни Алисы. «Боже, она ушла! А я спал, идиот! — он вскочил. — Землетрясение, что ли? Нет, звук слишком ровный». Он пережил два землетрясения и знал, как они начинаются. Здесь было похоже — тот же неожиданно появившийся страх, без причины, без представлений, древний, необъяснимый, сродни детскому страху темноты. Но этот страх не подчинял себе Крису, он был в глубине, на заднем плане. «Оделась и ушла. Словно сновидение. И свитера моего нет. — Крис вспомнил, как под утро, отдал ей свой свитер. — Значит, не сон...»

— Алиса, — закричал он, — Алиса!

Гул заметно уменьшился, словно его источник был не снаружи, а внутри, и этот крик позволил ему высвободиться, оставить Крису. Со стороны трассы словно в ответ раздался хлопок автомобильной дверцы. Уезжает! Почему! Гул тем временем перерос в звук автомобильного мотора. «Вот тебе и сегодняшний день. Что, уважаемый, размечтался, думал, будешь вместе с ней. А тут-то тебя и по носу — не привязывайся. Хорошая школа. Но ведь нам было хорошо. Радуйся хоть этому. Пожелай ей удачи. И пусть твой свитер греет ее несравненное тело». Последнюю фразу Кристофер произнес вслух.

Глава вторая

Ружье

... — путешественник Истинный путешествует в своем Эго или внутреннем мире, где тоже Синее небо и вечерние звезды; где солнце призрачно светит, а луна светит ясно, и нет на ней зайца, не читайте плохие джатаки, а хороших вы не найдете в наружном несовершенном мире... нету белого кролика, толкущего ветер в ступе... А Чаньэ живет на обратке, с зайцем, конечно, черным...

Б. Пузыно, «Отношение к путешествию»

Сбор рюкзака (а на этот раз у Кристофера был большой рюкзак — путешествовал он уже не первую неделю и большую часть времени провел в горах, на Алтае) представлял собой целое ритуальное действие, которое не мог нарушить никакой облом. Даже после шмона, иногда устраиваемого на дороге местным полисом, Кристофер собирал распотрошенные вещи неспешно и правильно. Возможно, в этом воплощалась его идея о доме: ведь дома, кроме этого рюкзака, у Кристофера не было — лишь питерская прописка в коммуналке, вечно полная родственников квартира родителей и брата в Москве, да многочисленные гостеприимные флэта в различных городах бывшей империи — так он именовал страны СНГ.

Коврик сворачивался трубой, внутрь опускался сложенный спальник, пара-другая книг, теплая и просто одежда, фотоаппарат и всякая мелочь типа запасных струн, слайда, кабадастра. Стопник — в задний нижний карман, туда же — алюминиевую флягу, в задний верхний — полотенце и кружку. В боковых кармашках обитали: с одной стороны — фонарик, спички, нож и бечевка, с другой — ложка, зубная щетка, паста и мыло. Клапан

предназначался для полиэтиленового тента-подстилки-накидки и маленького полотенца. Плюс сверху на специальные крепления пристегивался чехол с гитарой. Палатку Кристофер брал с собой редко — лишь когда ехал в холодные места с какой-нибудь герлой. Или на Рэйнбоу — в радужный лесной лагерь, человеческий муравейник, притягивающий множество различных кайфовых людей со всего света.

Там его прикололи не палатки — индейские типи. Это были настоящие дома — теплые, сухие, с очагом в центре, полные запахов леса, цветов, хвои, а не влаги и синтетики. Правда, в отличие от килограммовой палатки, типи весил около двадцати.

Отступление второе: Что такое радуга и как построить типи

Первый в Мирае Rainbow Gathering — Сбор Радуги состоялся в Америке в 1972 году. Приглашение на него выглядело примерно так (перевод с английского Васудэвы):

«НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ ГОРОД МАНДАЛА

для всех людей

Мы, братья и сестры, дети Бога, семьи жизни на земле, друзья природы и всех людей, дети человечества, зовущие себя племя Семьи Радуги, покорно приглашаем:

все расы, народы, племена, общины, мужчин, женщин, детей, личностей — из Любви;

все нации и национальных лидеров — из Уважения;

все религии и религиозных лидеров — из Веры;

всех политиков — из Милосердия

присоединиться к нам в нашем общем сборе, чтобы выразить наше искреннее желание мира на земле, гармонии между всеми людьми...»

Так это начиналось.

И несколько лет назад появилась Русская Радуга, которая пришла по душе людям круга Кристофера: я поостерегусь употреблять истертый

годами ярлык «хиппи», ибо многие из них, несмотря на образ жизни близкий к хипейному, хипями себя не считают, я не буду употреблять также слово «система» — поскольку оно напрочь искусственно и было придумано журналистами, проще сказать — Люди Радуги, Братья и Сестры. (В любом случае, определяя и называя, мы ставим какие-то рамки, пытаемся сузить и ограничить то, что ограничить невозможно.) Все коммуны похожи друг на друга, но в отличие, скажем, от Гауи, существовавшей еще в совдеповские времена, на Радуге не бывает той агрессии по отношению к «истэблишменту»: ментам и прочим представителям власти. Некоторые из Людей Радуги — вполне цивилизны. Я, например, тоже считаю себя членом этой огромной семьи, если не братом, то, по крайней мере, племянником или дядюшкой, и мне нравится, что свобода и ненасилие, как над другими, так и над собой (а есть ли граница между мной и другими?), один из главных ее принципов. На европейских Радугах народ поет песню, в которой повторяются слова:

«TRUTH, SIMPLICITY AND LOVE».

«ПРАВДА, ПРОСТОТА И ЛЮБОВЬ».

На Рэйнбоу я впервые увидел типи, определяемые в энциклопедии как «переносные жилища североамериканских индейцев: шалаши конической формы, покрытые бизоньими или оленьими шкурами». Люди Радуги вместо бизоньих и прочих шкур используют обыкновенный брезент.

По словам Волоса, одного из шаманов колхоза Сааремаа (об этом шаманском колхозе см. следующие отступления), типи устанавливается так:

«Сначала, однако, идешь в лес, шесты искать, рубить, тащить. Нужно штук четырнадцать: двенадцать на типи и два ветровых. И чтобы прочные были. Потом народ зовешь, типа «Бум шанкар» или чаю попить, и телегу гонишь, подписываешь всех: «Вот, хочу показать, как типи ставят, только помочь надо».

Затем шесты обтесываются от сучков и коры, чтобы на бошки не сыпалась, да и ткань не рвалась, не цеплялась. Затем треногу вяжешь, устанавливаешь. Правда, некоторые хиоки четыре шеста связывают, но на то они и хиоки (о хиоках см. следующие отступления). А остальные шесты вокруг этих трех по движению солнца, от входа. А вход на восток должен быть. И если ставит правильный индеец, то конструкция напоминает крылья, а если хиок, то — веер или пучок соломы. На последнем

шесте поднимаешь и закидываешь покрывку. Ее можно заранее сшить. А можно и на месте. Из двух палаток — чипи, из трех — типи. Типи от чипи только хозяином да размером отличаются. Покрывка — это настоящее индейское слово. Оттуда ведь поговорка пошла: «ни дна ни покрывки». Значит, ее натягиваешь, вставляешь два ветровых шеста в лопухи (лопухи — тоже настоящее индейское слово — это отвороты в верхней части типи для выхода дыма и вентиляции). Затем полог внутри делаешь, растягиваешь и к земле приваливаешь камнями, чтобы не дуло и тяга ништяк была.

Затем — очаг. Камнями его выкладываешь, Дорогу Огня ко входу проводишь. А если плавать в дожди не хочешь, то хорошо бы типи еще и снаружи окопать.

Затем много чего можно делать: кровати, крючки, сушилки и т. д. Слово типи из двух состоит «ти» «пи», то есть «предназначено для» «жизни», вот, пока живешь, все строишь, прикалываешься по-всякому».

Здесь же вдоль дорог встречались юрты, жилища, похожие на типи, но устроенные по-другому. Ведь в степи не так-то просто найти длинные шесты. А перевозить их с собой неудобно. Поэтому все части, из которых «складывается» юрта, более компактны. В самом верху юрты размещается деревянное колесо, диаметром около метра. Оно называется синанрах. К нему, точнее, в его обод втыкаются деревянные изогнутые стойки — ук, а ниже, по периметру, от земли до уровня груди располагается свернутая кольцом складная решетка кереге — палочки-дырочки-ремешки. Вся эта, легко разбираемая и собираемая полусфера, сверху обтягивается войлоком. К кольцу, в центре которого остается отверстие для дыма, подвешивается тяжелый казан (тяжелый — потому что он служит не только для приготовления пищи, но одновременно является грузом, прижимающим юрту к земле, чтобы ее не унесло ветром), под которым организуется очаг. Надо сказать, что в прошлом юрты использовали в русской армии: они теплее и комфортабельнее армейских палаток — я это проверил на собственном опыте.

— Но юрта, по счастью, была у меня, — продекламировал Кристофер, затягивая бечевку рюкзака, — как северный день голубая.

«Это у тебя, в чистых степях Поднебесной, уважаемый Бо Цзюй И, была голубая юрта, — продолжил он мысленно, — а здесь они серые от пыли. Как там дальше?»

Там весело прыгали блики огня,
от стужи меня сберегая.*

«И хавки небось в твоей юрте, и питья. Попить бы чего. Эй, подать сюда голубую юрту. Ну ладно, гони хоть скатерть-самобранку... Тоже нет... Ну, Бог с тобой, подавай ковер-самолет!»

«А сто километров пустой трассы не хочешь? Как ты, вонючий смертный, смеешь что-то требовать от духов великих поэтов!»

— Но юрта, по счастью, была у меня, — повторил Кристофер. Дальше, он не помнил.

В Киргизии, куда Кристофер первый раз приезжал два года назад, в одной из таких юрт находилось придорожное кафе. Там можно было поесть плов, выпить пиалку кумыса или терма.

«Терма? Или Дерма?»

Он улыбнулся, вспомнив, как драйвер предложил ему:

— *Дерьмо хочешь?*

— *Что? — Кристофер не верил своим ушам.*

— *Дермо... Кафе, дерьмо, лепешка кушать.*

Что такое дермо, а может, термо, Кристофер узнал уже в юрте. Это был похожий на квас мутный напиток из каких-то зерновых.

— *Дермо кушать — болезнь йок. Сто лет жить. Здоров — ууу как, — пояснил водитель.*

Кристофер накинул рюкзак и спустился на трассу.

«Что ж, сударыня, и мне пора в путь, — мысленно обратился он к Алисе, — и ветер слабенький. Кто же тебя увез?»

Он попытался разглядеть на обочине ее следы.

«И воду всю извели. А пить-то как хочется».

«Терпи, просветленным станешь».

«И умыться бы. Сто километров — это как рукой подать. А в Ате меня ждут. Галка, Серж, Саид».

«Ждут ли? Чего меня туда потянуло?»

* Перевод Л. Н. Гумилева

«Все что ни делается, неспроста. Тянет — тянись, пока ветер в спину. Тянем-потянем — вытянуть не можем. Акын Кристофер с потрескавшимся от жажды голосом. О... О... О... Стоп машина... — Он увидел на трассе стремительно увеличивающуюся легковуху. — Такая не остановится».

«Вот, не остановилась. Будь не я, а Алиса. Алиса в городах. Кого ты ищешь? Кто ищет тебя? Мама-папа?.. »

«Девочка совершила взрослый поступок и надумала вернуться. Все очень просто».

«Не то... Что же ты, папа Кристофер, суфий недоделанный, так и не можешь научиться не привязываться. Даже в мыслях. Прогнали. Оставь. Будь как ветер».

— Собака лает, ветер носит, — пропел он, снова повернувшись спиной к слабому ветру, единственному его слушателю.

Эту песню сочинила Умка. Однажды Крис даже играл с ней в каком-то московском подвале. Вместо Сталкера. Тот не пришел, и Кристоферу на некоторое время пришлось стать Умкиным соло-гитаристом, благо все эти темы он знал наизусть.

И желты фонари,
Собака лает — ветер носит,
и желты фонари.
Я знаю, каждая собака...
Носит ветер внутри.

«Ну что, где же тот КамАЗ-самолет, что домчит меня до Аты?» — продолжил Кристофер свой внутренний диалог.

А зачем тебе в Ату?
Тра-та-та ту-ту-ту.
Чтоб увидеть друзей.
Или Путь постигать.
Постегать его ногами.

«Главное — движение. Двигаться дальше. Но истинный суфий не привязывается даже к этому движению».

«Вот поэтому наши пути так спонтанны, поэтому я еду из Омска в Алма-Ату. Злые духи боятся кривых линий, и подобно китайцам изгибающим скаты крыш, я изгибаю свой путь. Злым духам он воистину недоступен. Ага, крутые идут». — Супермазы, мерседесы и вольво. Такие машины Кристофер узнавал издавека, даже не наклоняя очков.

Навстречу ему двигалась целая армада. Караван. Караваны грузовиков шли из Казахстана в Китай, так же как раньше караваны верблюдов. По тому же пути — Великому, Шелковому. Правда, теперь оттуда везли не шелк, а всякую электронную дребедень, туда же — хлопок, железо. После внутренних реформ Поднебесная стремительно развивалась, и торговлей с ней кормились все приграничные районы.

Отступление третье: Немного о шелковом пути словами древнего летописца

«У Тамтаджа — большая река и камыш, миновав которые по колодцам, через четыре фарсаха (один фарсах — расстояние, которое проходит средний осел, несущий выюк средней тяжести за один час) достигаешь Абарджаджа, близ которого холм, исторгающий тысячу источников. Воды их собираются в одну реку и текут не на Запад, как все остальные здешние реки, а на Восток. Река так и называется Баркуаб — Текущая Вспять. По берегам этой реки заросли тамариска и болота. Там охотятся на черных фазанов. — Так писал о Шелковом пути в книге «Китаб-ал-харадж» (триста сорок третий год хиджры) Кураша ибн Джафар. — После переправы начинаются горы Точильного Камня. Горы Точильного Камня тянутся на три фарсаха до самого Шавгара. Отсюда начинаются пастбища и населенные места, примыкающие затем к Таразу. От Тараза справа — горы, слева — теплые пески, где зимовья скота карлуков. За теплыми песками — пустыня из песка и гальки, а в ней — ехидны...»

А древний Шелковый Путь, покрывшись почти по всей длине асфальтом и кое-где передвинув изгибы своего тела, сущности своей не переменял. На то, собственно, и путь. Он тянулся через Хоргос в Урумчи или через перевал Торугарт в Кашгар, далее — в Турфан, и, через Внутреннюю Монголию, через Манчжурию, до самого Пекина. Как и в древние времена, Тянь-Шань и Памир разбивали его на несколько веток, по которым ползли пыльные караваны фирменных машин — понтовых, с полными фурами и полупустыми кабинами, но не берущих попутчиков ни на пути туда, ни на пути обратно. Вик говорил, что они заезжают вглубь Китая всего километров на пятнадцать — там товар перекидывают на местные грузовики — Китайской Народной Республике надо кормить собственных драйверов.

«Путешественник истинный путешествует в своем Эго... Вот Саид, скажем, никуда из Аты не вылезает. Да и куда вылезешь, если дома килограммы чуйской дури, дури огого какой, дунешь и летишь куда захочешь, хоть в Китай, хоть на света край. Причем не вставая с ковра, в замысловатых узорах которого можно читать слова древней книги Аджа ибн трам-там-там, повествующей о чудесах прошлых, настоящих и будущих. Каждый по-своему ее и читает», — Кристофер снова развернулся лицом к ветру, принесшему звук мотора, и поднял руку, так как появился КамАЗ, который, несомненно, остановится, потому что он тоже слово этой книги.

В кабине было двое. Хотя грузовик мгновенно пролетел мимо, Крис умудрился разглядеть белозубые улыбки на темных лицах драйверов. «Улыбаются, однако. И не берут. — Кристофер совершил очередной поворот на сто восемьдесят и театрально-безнадежно опустил руку. — И... Неужели?»

КамАЗ остановился. Но далеко впереди.

«Не про вашу честь, уважаемый, сломалось что-нибудь. Однако ведь сказал — и остановились». На обочину из машины выскочил коренастый человек в темных брюках, майке и «грузинской» кепке. Он подходил к каждому колесу и стучал по нему ногой — издали это напоминало какой-то ритуальный танец. Кристофер был уве-

рен, что не возьмут, однако шаги ускорил, почти побежал. Когда он добрался до машины, водитель уже сидел за рулем.

— Здравствуйте.

— Салям. — Водитель улыбнулся. — Далэко идешь, барат.

«Не казахи, не киргизы, не таджики. У машины джамбульский номер. Турки, может быть?»

— В Алма-Ату. Может, возьмете?

— Ноо, ми Джямбул.

— Ну до поворота.

— Малик, вазмем ходжу? — Он рассмеялся и добавил по турецки, обращаясь к некоему Малику, сидящему в салоне.

Вопрос внушал надежду.

— Садись, барат, — водитель снова высунулся в окошко, — а вообще ми только жэнщин бирем.

— А чего только женщин?

КамАЗ уже несся по раскаленной трассе, и Кристофер, высунув руку, ловил утренний, но теплый воздух.

— Жэнщин, — громко повторил водитель, — ми турки.

— Я понял.

— Ми джамбульские турки. Асобо ибливые. Турку еда — нэ надо, вода нэ надо, вино — нэ надо, а жэнщина... Эээ... Она для турка и еда, и вода. Так говорю, Малик? Всэх ибем.

— Но ты нас не бойся. Мы только женщин ебем. Не извращенцы. Даже пидорасов не трогаем. Ха-ха-ха. — Малик, в отличие от напарника, по-русски говорил почти без акцента.

— Я уже встречал на трассе турков. Тоже джамбульских.

— И не выебали? Ха-ха, — спросил Малик.

— Шутишь. Нормальные люди.

— Нас, турков, в Джамбуле целый район.

— И на родину не тянет?

— Здэсь у миня родина. Там никого нэт. Ни дедушка, ни бабушка, ни систра. У Малика дядя. — Водитель снова произнес фразу на турецком. — Он ездит.

— Нам пока и здесь хорошо, — добавил Малик. — Турку, кроме женщин, ничего не нужно.

Турки оказались «поливальщиками»: вчера они продали в Омске арбузы и теперь возвращались домой. Между собой они разговаривали по-турецки, и несмотря на экспрессию, с которой произносилась каждая фраза, их язык казался густым и пряным, словно восточные сладости. И узнаваемый русский мат был мухами, кружащими над сладостями.

КамаЗ тем временем обогнала полная людей девятка. Разговор турков переместился на нее.

— Ни нравятся мнэ они, — произнес вдруг водитель, — бандити, навэрно.

— Почему? — спросил Крис.

— Бандит, нэ бандит. — Водитель на мгновение отпустил руль и взмахнул руками. — Но почэму не уизжайют. Абагнал — уизжай.

— Сзати-то никого? — Малик зевнул и потянулся.

— Никого.

Девятка по-прежнему шла впереди, загораживая КаМАЗу дорогу.

— Стрелять умеешь? — спросил у Кристофера Малик.

Несмотря на серьезность вопроса, он и водитель улыбались.

— Плохо.

— Возьми ружье, покажи им.

Кристофер недоуменно посмотрел на турков.

— Вазми ружье, тибэ гаварят, сзати лэжит, под курткой, пакажи, — повторил водитель и кивнул на не желающую уходить вперед девятку.

Сверху, из кабины грузовика, машина, обогнавшая их, казалась Кристоферу маленькой, чуть ли не игрушечной, однако люди в салоне были вполне настоящими. Ружье напомнило Кристоферу отцовское. Иж-54, двустволка, двенадцатый калибр. Или очень похожее.

Он высунул темное спаренное дуло в окно.

— Приоткрыть дверь?

«Почему ж ты не боишься, а? Думаешь, до стрельбы не дойдет? Или крутым себя считаешь? Ковбой хренов, блин!» Нет, страха в сердце Кристофера (а он никогда не считал себя особо хра-

брым, скорее наоборот, весьма робким и трусливым) не было. Приключение казалось ему просто забавным.

— Нэ надо. Пакажи и все.

Однако те, кто ехал впереди, восприняли намерения Кристофера всерьез. Девятка резко рванула вперед, и когда Кристофер положил ружье на колени, была в сотне метров от КамАЗа.

— Нэ бандиты. Ашиблис. — Водитель продолжал улыбаться и после каждого слова резко ударял ладонью по рулю, словно вгоняя собственную речь в железное тело машины. — Ми, турки, народ сэрезный. Бандитов нэ баимся.

Кристофер погладил ладонью вороненый ствол. И вдруг вернулся в старый, более чем десятилетней давности, кусок собственной жизни. Дачной жизни, некогда отслоившейся от Кристофера, подобно старой змеиной шкурке, красивой, но бесполезной. Однако и на фоне воспоминаний он умудрялся продолжать начатый с утра внутренний диалог.

«Не храни дома змеиную кожу, о, суфий, даже если она была твоей собственной жизнью».

«Но как ты можешь забыть сухие болота, кишасщие змеями, и самих змей, которых ты ловил руками, изгоняя страх из своего тела, как ты можешь забыть огненно-рыжую веснушчатую девчонку, научившую тебя, неловкого, неумелого, несмелого, не-не-не-никакого...»

«Давай, давай, украшай сознание красивыми словами мыльных опер».

«А теперь ты уже папа, тебе тридцать, и на даче твоего детства играют сыновья твоих взрослых сестер».

«Ах, Крис, Крис! Почему ты все время влезаешь в старое время, которое тебя засасывает и перемалывает в фарш из множества пустых звуков. У суфия нет ни прошлого, ни будущего... И нечего цепляться: все, что происходило, — уже произошло, и теперь всего лишь книга, кинофильм, придуманный другим. Вчерашнее солнце покидает тебя, никогда не возвращаясь...»

Но сознание Кристофера тем временем строило образ за образом, размазывало пейзаж за окном, смешивало пряную турецкую речь с шумом мотора и превращало смесь в шелест листьев и чавканье глины под ногами.

Так ли сочиняется музыка? Одно оставалось неизменным — ружье, двустволка.

На всю их «охотничью бригаду» было лишь его, Митино, ружье и обрез, переделанный из винтовки времен войны. Отцовская дача находилась на высотах, в земле которых всякого военного хлама было больше, чем камней. Однако подземная сырость за несколько десятилетий выгрызла железо, съела механизмы: они крошились, оставляя на руках темно-коричневые следы. Хорошо сохранились ненужные вещи, те, что во время боя выбрасывали в первую очередь: противогазы, пустые цинковые ящики, флаги, коробочки с разными таблетками. Иногда попадались неистлевшие бумаги, иногда — полусгнившая обувь.

«И что ты можешь увидеть там, Крис? Яркие видения, обрывки нелепых разговоров, разрушенные временем, как это железо».

— В песке они обрастают густой рыхлой ржавчиной, в глине же — плотной коричневой коркой, — тоном знатока говорит Митя-профессор, очки в роговой оправе. Потом, через три года он станет Кристофером, да и очки изменятся, превратятся в стеклянный велосипед а ля Джон Леннон. Костик-Огурец тем временем неторопливо протыкает щупом землю. Митя видит пальцы Костики, коричневые от ржавчины.

Через две недели их оторвет взрывом детонатора, который Огурец, зажав в щель между досками крыльца, примется разбирать. Тогда будут и крик, и очередь красных капель, летящих из ладони, ею Костик начнет трясти в воздухе, расстреливая собственной кровью застывших от ужаса друзей. А сейчас пальцы Костики продолжают сжимать деревянную рукоятку щупа, и он легко входит в землю — здесь она мягкая.

Но вот Огурец натывается на что-то, и в дело вступает Митя, он откидывает землю саперной лопаткой, доходит до песка... Так, ботинки, каменно-кожаный, подошва, зеленые шляпки медных гвоздей.

— Ого.

Он вытряхивает из ботинка песок и кости.

— Не сгнили, — равнодушно констатирует Огурец.

Вот он, в одном из переливов змеиной шкурки, кадр, цепляющий, но банальный, как гравюры Добужинского, — созревшая земляника и, рядом с ягодами, человеческие кости.

Они копают дальше, и улов оказывается весьма удачным. Костик находит хорошее железо — почти целый винтарь. На следующий день они будут отмачивать винтовку в керосине, обрезать ствол, а через неделю Костику оторвет пальцы, но большой и указательный останутся, и на следующий год Огурец уже будет стрелять из собственного обреза.

«Почему он тогда не расточил ствол и патронник под двадцатый калибр? Из неприцельного обреза попасть пулей в летящую птицу весьма трудно».

«Видимо, потому, — сам себе ответил Кристофер, — что тогда с винтовочными патронами проблем не существовало». За два дня можно было набрать в лесу, по крайней мере, несколько десятков. Или купить-обменять в садоводстве. Правда, порой приходилось заменять и капсюль, и порох.

Охотиться ходили вниз, на Синявинские болота, точнее, на бывшие торфоразработки, карьеры, сухопутные перемычки между которыми были довольно узкими, и часто кому-нибудь из «охотников» приходилось разыгрывать роль собаки, добираясь вплавь до подстреленной утки.

Ползет, ползет пустая змеиная шкурка — киноплёнка, застрявшая на каких-то полусмысленных кадрах. Но вот снова — стоп кадр,

аппарат перегревается, пленка горит, огонь жжет Кристофера так, что больно смотреть и слезы наворачиваются на глаза.

*А в них смотрят другие глаза — две блестящих бусины, два глаза подранка, которого «собака» Митя не смог убить и при-
волок Копне, а тот с остервенением хлещет птичьим телом о
ствол дерева: «Живая, бя! Получи! Получи!». Митя не плачет, но
его тошнит, и тело разрывает боль, словно он сам — эта пти-
ца. Он идет сквозь болото, оставляя и ружье, и друзей навсегда
позади. «Митька — слабак, у кого четыре глаза — тот похож на
водолаза...»*

«Но что ты можешь поделать, если вдруг однажды стал этой
птицей и до сих пор не получил у себя прощения. И вот ружье
снова вернулось к тебе».

«Оставь эти глаза, этот хрип и крик, эту войну внутри. И рас-
скажи себе другую сказку, где нет смерти, а есть лишь смех и лю-
бовь. Ты еще много раз ходил в тот лес копать оружие, но боль-
ше никогда не охотился. — Кристофер положил ружье на место,
снова накрыв его какими-то тряпками. — Рассказывай, крути
кино, до Аты еще несколько десятков километров и турки вовсю
заняты разговором между собой».

«Эта история произошла позже. Огурец, Копна и Гарик уже
были в своих тюрьмах, Копна — в настоящей, Огурец — в тюрь-
ме под названием алкоголь, а Гарик — в тюрьме по имени семья.
А ты уже стал Крисом, ты учился в институте, и твоей тюрьмой
было одно — поиск свободы».

*Последний раз в лес за трофеями Криса вытащил бывший од-
ноклассник Леха. Тот был влюблен в хрупкую маленькую девушку
по имени Маша, но почему-то вместо обычных принятых цветов,
конфет и прочих мелких, приятных каждой женщине штучек, да-
рил украденные с военной кафедры предметы вооружения. Маша
уже была счастливой обладательницей противогаза, пулемет-
ного патрона и учебной гранаты.*

Но ко дню Машиного двадцатилетия требовалось принести что-то особенное, и Леха уговорил Кристофера совершить поход в лес. На этот раз они не копали, а смотрели на то, что лежало сверху, уже откопанное трофейщиками или саперами. Они нашли неподъемное сорокапятимиллиметровое орудие, столь же тяжелый станковый пулемет с полностью прохудившейся рубашкой, множество мин-летучек, полевую кухню, по оси сидящую в земле, танк со съехавшей башней и, наконец, — поеденное ржавчиной противотанковое ружье.

Его под видом дерева перевезли в город, почистили шкуркой, выкрасили в черный цвет, и Леха, повязав на ствол большой розовый бант, преподнес трофей возлюбленной. Кристофер не знал, насколько ей понравился подарок, ибо дарение происходило в интимной обстановке, но родителей Маши он в восторг явно не привел, и вскоре ружье вернулось к дарителю и несколько лет опасно висело над Лехиной кроватью.

«Вот ее бы этим туркам, а не жалкую двустволку».

Отступление четвертое, историческое

В прошлом путешествие по Шелковому Пути и его окрестностям также было небезопасным: камни на перевалах перемешаны с костями воинов и путешественников. Как правило, русские путешественники (Пржевальский, Семенов, Козлов) были военными. Семенов описывает один из перевалов, ведущих в Кашгарию: «... день уже склонялся к вечеру, когда мы вышли на «Мертвое Поле», сплошь засыпанное трупами людей и животных» (Морозная атмосфера горных высот препятствовала разложению трупов, и они сохранялись долгие месяцы).

Стать жертвой разбойного нападения было лучше, чем испытать на своей шкуре изысканные восточные пытки, которым могли подвергнуть путника многочисленные правители этих краев, подчинявшиеся кто — китайскому императору, кто — тибетскому Далай Ламе, кто — Кокандскому хану. Нынешние представители власти Казахстана и Киргизии также опасны для путешественника. От путника могут потребовать вид

на жительство и оштрафовать долларов на ...дцать за неимением оного, могут незаметно подкинуть в карман пакетик героина, а затем найти его при обыске и вымогать деньги.

— Ну что, барат, паедешь Джамбул. Гостем будешь.

— Не, я в Алма-Ату.

— Здесь до нее рядом, — сказал Малик. — Автобус часто ходит.

Он простился с драйверами и уютным грузовиком, ответившим Крису теплым солярно-дымным выдохом, и направился к автобусной будке. Та оказалась пустой — видимо, автобус недавно уехал. Здесь, возле города, стопить было труднее: останавливались часто, благо машины шли одна за другой, но, как правило, просили денег. Третья по счету легковуха взяла Криса. Старенькая единичка с еще более старым киргизом, который довез его почти до самого саидовского дома. Крис даже не стал предварительно звонить по телефону — в такую рань кто-нибудь на флэту да есть.

Дверь открыл сам хозяин — в сером халате и черно-белой таджикской тубетейке. С возрастом он все больше походил на Саида, в честь которого и получил это прозвище — невозмутимого героя песков, откопанного Суховым в «Белом солнце пустыни».

— Привет. — Саид поздоровался так, будто бы Крис выходил на пять минут за сигаретами. — Проходи.

Кристофер скинул обувь, носки и зашел в ванную, где вымыл ноги. «Как хиок», — сказал бы какой-нибудь шаман из Сааремаа. Затем — босиком — в комнату.

Отступление пятое: Немного о хиоках и о времени

История, описываемая в этом отступлении, произошла одним прекрасным утром в лагере Радуги, выросшем в глухих лесах между Питером и Москвой, за два месяца до основных событий книги. Это слова моей гражданской «писательской и хроникальной» части, другая же часть, или ипостась (увы, я еще не обрел абсолютной цельности) склонна полагать, что «времени не существует», так написано на бумаге, которой я

заклеил окошечко моих элетронных часов, эти же слова повторит большинство друзей Кристофера, ведь они, в том числе и шаманы из Сааре-маа (о том, кто такие шаманы из Сааремаа, и об их жизни — в следующих отступлениях), считают, что время течет только в нашем сознании и говорить, что было до, а что после — бессмысленно. Здесь и Сейчас. И, отбросив цифры, можно сказать — хорошее время, красивое время или — плохое время.

Итак, Крис проснулся. Туман, перемешанный с дымом уже остывающих костров, ибо утреннее небо, как сказал бы Дэгэ, «уже опустило свой белый зад на мягкий ковер леса, где типи и палатки стоят среди сосен, словно большие грибы или цветы, вплетенные в общий узор». Умеющий летать в этом вязком небе смог бы прочесть в перекрестье тропинок знаки судьбы. Крис взмахнул руками, подражая птице, и вроде даже почувствовал некоторую легкость, однако не взлетел, а направился пешком к центру лагеря, читая свою судьбу собственными ногами.

И первый знак появился в виде темной фигуры с ярким желтым солнцем на груди. Это мог быть только Сурья. Шаман не видел Криса: Сурья задумчиво вертел в руках небольшой белый цилиндрик и никого вокруг не замечал.

— Доброе утро Сурья. — Крис сложил ладони в приветствии. — У тебя солнце на футболке как противотуманная фара.

— А, Крис. Действительно доброе. — Сурья откинул рукой с загорелого лица дреды и продолжил возню с пластмассовым цилиндриком.

— Что это у тебя?

— Вот видишь, подарили кофемолку, а там ганжа. Надо ганжа размолоть, высыпать, кофе сварить. Только ручки нет.

— Ручку можно из палки сделать.

— Палка ломается быстро, железаку бы какую найти.

— У Сереги, который Брателло, гвоздь есть.

— О, гвоздь, наверное, подойдет.

— Но Брателло спит небось.

— Не спит. Час назад он у большого костра в барабаны стучал. А теперь, наверное, с комарами воюет.

Основой хижины Брателло были четыре сосны, как бы отмечающие углы почти правильного квадрата, на их стволы крепился полиэтилен в качестве крыши и плетенка из веток в качестве стен.

— Серега! — позвал Сурья.

— Угу.

— У тебя гвоздь есть?

— А?

— Понимаешь, подарили кофемолку с ганжей, но без ручки. Нам надо кофе смолоть. Дай гвоздь, мы ручку сделаем.

Раздалось шевеление, затем из веток, словно диковинный, внезапно выросший плод, появилась рука с гвоздем. Сурья ткнул гвоздем туда, где крепилась ручка. Но отверстие оказалось слишком маленьким.

— Однако гвоздь не подходит. Дырка маловата.

— Сейчас.

Серега раздвинул ветки и выбрался наружу. Заспанное лицо, в волосах — хвоя и листья, собранные со стены в момент выползания.

— Надо к Махмуду пойти, у него спица была.

— Извини, что мы тебя разбудили.

— Я и не спал вовсе.

Дорога к типи Махмуда была короткой — всего метров двести, но утренний туман поочередно выплеснул и присоединил к любителям кофе еще две сомнамбулических бессонных фигуры — Рыбу и Дэгэ.

— Эй, Махмуд. Тук-тук-тук.

— Кто это там?

— Это мы! — сказал Дэгэ.

— Чего надо?

— Однако за советом пришли.

— Входите.

И все по очереди полезли почему-то не в дверь, а под полог, с той стороны, где лежало тело Махмуда, упакованное в спальник, — говорящая мумия, а рядом еще спальник — мумия молчащая. Серега Брателло зацепил ногой посуду, и она загремела.

— Чего же вы как хиоки входите? — спросил Махмуд, не вылезая из спальника.

— Почему как хиоки?

— Хиокам входить в двери просто неприлично.

— Однако это не двери, это стены.

— Это окна такие, — пояснил Махмуд и высунулся из спальника, — хиоки всегда в окна входят. Хм, это кто?

Махмуд склонился на мумию, лежащую рядом, затем сел и слегка приоткрыл ее там, где должно было находиться лицо.

— Ага. — Он вернул спальник соседа или соседки в прежнее положение.

— Слушай, Махмуд. Вот вы говорите хиоки, хиоки, а кто такие хиоки я и не знаю, — произнес Дэгэ.

— Хиоки — это такие люди, которые все делают наоборот, — пояснил Сурья. — Или почти все наоборот. Например, в окна входят.

— Во всяком племени есть хиок, — продолжил Махмуд, — в переводе с лакотско-русского хиок — это человек наоборот. Покажи руки.

Дэгэ протянул Махмуду ладони.

— Ну вот, ты не настоящий хиок. Руки настоящего хиока должны быть черными.

— Хиоки перед едой моют не руки, а ноги, — добавил Сурья.

И Крис вспомнил гостеприимный Алмаатинский флэт Саида, куда вписывался два года назад — там все гости мыли ноги, ибо на полу лежали ковры великолепной ручной работы. Собственно, кроме ковров в доме ничего и не было.

— Но ноги-то моют руками.

— Ну да, руками, — Махмуд задумался, — и все очень чисто получается.

— Это надо записать, — сказал Дэгэ и полез за блокнотиком.

— А нам, видишь ли, кофемолку подарили с ганжей, — продолжил Сурья. — А ручки нет. Вот и что делать не знаем.

— Что делать, — тоном знающего человека ответил Махмуд. — Ганжу вытряхнуть, кофе смолоть.

— Однако спица нужна, чтобы ручку сделать. Дай, Махмуд, спицу. Да и кофе у нас нет.

— И спица есть, и кофе. Возьми. — Он кивнул в сторону собственных ног.

Спица подошла, и вскоре Дэгэ держал двумя руками спицу, а Сурья крутил в ладонях кофемолку, все это немного напоминало добычу огня трением.

— Что-то плохо молется. То бишь мелется.

— Она же кофемолка. Для кофе. А не для этой соломы, — продолжал учить Махмуд. — Вытряхни ее нафиг.

— Можно кофе с ней варить.

— Эх, молоко бы.

— Возьми молоко. — Махмуд снова кивнул в сторону ног. — То что надо. Сгущенное. Сегодня здесь в девятнадцать ноль-ноль Хаккер устраивает какое-то собрание по дзен-буддизму.

— Где?

— В моем типи.

— А чего не на поляне? На природе оно правильней будет, — сказал Дэгэ.

— Не знаю. Он попросил.

— А как правильней сказать с точки зрения настоящего дзен-буддиста — в девятнадцать ноль-ноль или в семь вечера? — с иронией спросил Крис.

— Буддист бы просто сказал: в семь, — ответил Дэгэ. Они наконец расправились с травой и теперь мололи кофе.

— Или в восемь. Восемь — священное число.

— Или сто восемь.

— Настоящий дзен-буддист не стал бы проводить семинар, — подытожил Сурья, — давайте лучше семинар по времени проведем.

Последняя фраза была произнесена на фоне постепенно нарастающего за стеной гитарного звона и хриплого голоса. Слов разобрать было невозможно. Гитарист прошел мимо типи и удалился в сторону поляны.

— Все здесь хорошо, вот только радио мешает.

— Поэтому я с краю и стою, — сказал Дэгэ, — никого нет, кроме Лехи.

— Леха один десятерых стоит.

— Мы тоже с краю, но слышим весь лагерь.

— Несколько радиостанций. Ближайшая — растаманский типи.

— У них музыка спокойная. Акуна-Матата.

— А Кэните рядом с собой глушит, у них ребенок.

— А я не глушу.

— А может, здесь храм построить, — сказал Махмуд, — храм тишины.

— Зачем его строить. — Дэгэ размешал палочкой в кастрюльке смесь воды, молока, ганжи и кофе, затем этой же палочкой пошевелил угли в костре. — Храм везде, этот лес — храм. Ты сам тоже храм. Вешать не будем.

Последняя фраза относилась к кастрюльке.

— Да, ставь на угли.

— Для индуса любой камень на дороге может стать храмом, — добавил Сурья.

— Но это не все понимают. — Махмуд сел по-турецки и положил руки на колени. — Некоторым надо приходиться куда-то, чтобы помолиться.

— А вот ты давеча другой семинар задумал. — Дэгэ посмотрел на Сурью. — На тему «Имеют ли комары природу Будды».

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил Сурья всех.

— Думаю, да. — Дэгэ потер пальцами лоб и оставил на нем пятно сажи.

— Теперь ты настоящий хиок, — сказал Крис.

— А?

— Теперь у тебя руки, как у хиока, грязные. И лоб.

— Это я на лбу тилаку поставил. — Дэгэ улыбнулся. — Знак Шивы.

— А я вот так решил. — Сурья продолжал семинар о комарах и природе Будды. — Когда мы их замечаем, то имеют, а не замечаем — не имеют.

— Верно, однако.

— Это все болтология, а насчет храма верно, — Махмуд провел рукой по клинышку бороды, — каждый из нас храм.

— Вот Костыль, он все время меняется, сейчас такой, завтра другой. Где тут храм?

— Ну если храмом считать нечто неизменное... — медленно проговорил Сурья. — Мне кажется, храм — это дыхание. Процесс. Акт вдоха, акт выдоха. Пока я жив, храм со мной.

В этот момент закипел кофе, и маленький язычок пены, поднявшейся до края кастрюли, сполз по наружной стенке и, зашипев, лизнул углы.

Все как и два года тому назад: сонный пипл, запах восточных благовоний в пространстве абсолютно пустой комнаты. Мойте руки перед едой. Мойте ноги, входя в комнату Саида: на полу — классный, ручной работы, ковер, ведь Заира, жена Саида, потомственный ковровых и гобеленных дел мастер, и ковер, застилающий комнату — как бы фамильная реликвия. Мебели же нет, потому что Саид любит пустоту, и геометрия комнаты предельно проста: прямоугольники — стены, прямоугольник — окно, занавешенное снаружи зеленою деревьев, растущих вплотную к дому, и столь же узорный прямоуголь-

ник — ковер. Плюс на ковре — большой прямоугольный металлический поднос с пепельницей, чайниками и пиалами. Как бы дастархан.

Зато в соседней комнате — встроенные в стену шкафы плюс довольно мощный компьютер с кучей всяких прибабасов, ибо Саид не просто какой-нибудь хиппи-бродяга, а дипломированный системщик, то есть системный программист, и в различных крутых Алмаатинских конторах налаживает сети. Другую половину комнаты занимали ящики, цветные мотки, рамы, на которых натянуто бесчисленное множество нитей, — струн неслышных инструментов, играющих музыку красок.

— Привет, народ.

— Крис! — Галка с визгом бросилась к нему на шею, они закружились по комнате, и сухой ворс ковра, словно подстриженная трава, защекотал пятки.

Сидящий в углу спиной к стене Серж поднял раскрытую ладонь.

— Желанным гостям — хай!

Вскоре Крис сидел возле дастархана с пиалами и тремя пузатыми, белыми в желтых разводах керамическими чайниками. «Средний стиль чаепития: по китайской традиции даже древний чайник должен блестеть, как новенький, по японской — наоборот, и на новом чайнике должен быть налет времени — трещинки, потертости и прочие признаки старины. Здесь же — сохраняется след прошлого чая, возможно черного, хотя сейчас — зеленый... И тот, кто пил его до меня, оставляет мне свое послание», — все это хотел сказать Кристофер, но вопрос Сержа сбил его с мысли:

— Как дорога ?

— Ничего, не без приключений. Найтовал на трассе. Осень скоро. Ветер, пыль.

— А мы тебя ждали. Я уехал на неделю раньше тебя, — сказал Серж. — Не брали, что ли?

— Брали. Просто я тормозил в Бийске. Ты же знаешь Дылду. Посидим, покурим... — передразнил бийского приятеля Кристофер, — Еще Вика видел. Тот до сих пор в Китае.

— Как это?

— Да сидит и гонит всякие китайские телеги. О туалетах. Турист, блин. Самые сильные его впечатления.

Отступление шестое: О восточных туалетах, или китайские приключения вика

Вик, человек ушлый, приехав в Урумчи, умудрился вписаться не в гостиницу, а через своих автобусных попутчиков в некое строительное общежитие. Дешево и сердито — один доллар в ночь за кровать в каморке, тазик и кувшин с водой. Туалета в «номере» не было. И через некоторое время после вселения Вик отправился на его поиски. Сначала Вик попытался спросить об этом у вахтерши на английском. Затем на прочих известных ему языках. Та улыбалась, но ничего не понимала. Тогда Вик попытался изобразить с помощью пантомимы, что он ищет. Здесь, видимо, ему не хватило то ли умения, то ли таланта. Наконец, он нарисовал на листочке унитаз и писающего человека. Девушка сменила улыбку на серьезное выражение лица, вышла из-за стойки и повела Вика на второй этаж. Они прошли по коридору в холл, остановилась напротив настенных часов. Вахтерша указала на них.

В конце концов, нашелся человек, говорящий по-английски, и объяснивший Вику, что туалет находится снаружи, возле стройки. Уличный туалет оказался обычным, похожим на наши бесплатные — бетонный домик, в полу которого штук десять очков-дырок.

Но на этом «туалетные» приключения Вика не закончились. Ночью, перед сном, он вновь отправился туда. На улице было уже тихо и темно, лишь на стройке в свете прожекторов всюду шла работа. Вик, освещая перед собой дорогу фонариком-жуком, отправился к безлюдному домику. Но когда он вошел внутрь, то от неожиданности чуть не упал в обморок. Тусклый свет фонаря высветил желтые блестящие шары вместо лунок. Лишь затем Вик увидел лица: шары оказались касками — судя по всему, у одной из бригад был перерыв. Привычка к коллективным действиям сказывалась и здесь — все места были заняты. Рабочие сидели молча — неподвижные изваяния с бумагами в руках. Вик решил не мешать и отправился к ближайшей подворотне.

Крис повернулся к хозяину.

— Саид, а можно в душ.

— Горячей воды нет. Уже давно.

— Я холодной. Чуть погодя.

Он опустил голову на ковер. Запах сандала пропитал и его.

— Твой ковер удивительно пахнет. И мушек нет.

— Каких мушек? — спросил Серж.

— О, досточтимый, это долгая история. — Крис улыбнувшись, посмотрел на Галку. — Ты можешь заткнуть уши.

— Это про то, как один человек, напившись, заблевал ковер другого человека, — сказала Галка, — известного, между прочим, переводчика.

— Тогда ты и рассказывай.

— Ну вот, а переводчик положил ковер отмокать в ванну. И, естественно, на время забыл о нем. А потом, через неделю, мыться-то надо, вытащил из ванной и кинул куда-то на пол. Может, месяц прошел. Ну пипл, естественно, запах учуял, чего, говорят, у тебя воняет. Нашли ковер, он уже сгнил совсем. По частям вынесли. И тут появились мушки. Целое облако. Огромное. Ну, Крис к нему пришел, смотрит, тот с пылесосом стоит.

— Думаю, совсем крыша у чувака поехала, — добавил Крис, — никогда не видел, чтобы Виктор сам убирался.

— А он, оказывается, мушек в пылесос засасывал. Я, говорит, засасываю, так они с другой стороны вылетают. — Галка рассмеялась.

— Ты красиво смеешься. Я давно хотел тебе сказать.

— Как умею.

— Нет, бывает, люди смеются неприятно. Гы-гы-гы. Или: кхе-кхе-кхе. Смех — что такое? Судорожные сокращения грудной клетки. А ты классно смеешься. Как музыка.

— Ну спасибо.

— Нет, реально.

— Крис, миленький, скажи, почему ты такой зануда?

— Все, я пошел под холодную воду. Вода хранит тайну, трава смиренна, — продекламировал Крис уже из коридора.

Глава третья

Птица Абу Харун

Мир — мгновенье, и я в нем — мгновенье одно,
Сколько вздохов мне сделать за миг суждено?
Будь же весел, живой! Это бренное зданье
Никому во владенье навек не дано.

Омар Хайям, «Рубаи» (пер. В. Державина)

Белое низкое небо, стук колес. Эти удары пронизывали позвоночник, и где-то в голове постоянно вертелось одно слово — катетер, катетер, катетер. В небе быстро, словно стрела, пролетело солнце, белое, вытянутое в сторону движения. Неожиданно пришло осознание больницы — небо оказалось потолком длинного больничного коридора. Фарфоровый ангел. Он летел в этом белом небе. Откуда этот фарфоровый ангел? Этот нелепый блестящий пупс, с застывшими глазами, без единого движения плывущий над головой.

Игрушка, отраженная в кафеле. Тележка резко развернулась и въехала в помещение палаты.

Щелчок, еще щелчок.

— Электроды, — услышал он жесткий голос ангела.

Крис не видел, но знал, что к его вискам тянутся пиявки с резиновой кожей и электрическими внутренностями, знал, что эти пиявки вскоре присосутся к его вискам, к его лбу, чтобы выкачать все, о чем он может думать.

Он попробовал пошевелиться, мотнул головой. И ангел тут же отреагировал на движение.

— Завяжите ему глаза. И зафиксируйте, наконец, голову.

Темная пелена упала на Кристофера. Но перед этим он увидел руки и лицо. Гладко выбритое лицо сорокалетнего мужчины.

«Он шутить не умеет, — вдруг подумал Кристофер, — страшны те люди, что не понимают шуток».

С этой мыслью Крис проснулся. Он ощутил на своем плече тепло — Галка спала рядом, уткнувшись в него носом. Остальной народ уже сидел возле подноса с чайниками и чашками. По кругу шел косяк. Кристофер видел струйку дыма, ползущую вверх.

— А в Сибири что, в Сибири негры живут, им полотенца раз в год высылают, вот они на них и вешаются.

Крис попытался вспомнить, где он это уже слышал.

Да, точно, Венечка Ерофеев в исполнении Сени Скорпиона, олдого волосатого сторонника винного опьянения. Крис, будучи еще совсем пионером, видел его у Дэгз, Сеня жил выше этажом, с какой-то симпатичной герлой, кажется Региной, и вписывали они с Дэгз по очереди — ибо у Дэгз — родители, а у Сени — сосед-мент, но тогда родители Дэгз специально скипнули, потому что была его свадьба: жених в военной форме с медалями на спине, полуцивильная невеста в чем-то шелковом розовом и гости, кучка испуганных воистину сайгоновским размахом пьянки одноклассников, плюс те, кто творил этот размах. На стене комнаты были горы, такие же, как здесь, за окном, за пеленой домов и деревьев, и тощий ангел, и картина под названием процессия, и старинный шкаф в углу, с которого кто-то что-то вещал. Эта дикая пародия на цивильную свадьбу (Дэгз препоручил подготовку своим друзьям, а те, сообразно собственным желаниям купили банку огурцов — как бы на закуску — и несколько ящиков водки) продолжалась несколько дней, с криками «Борька!» вместо «Горько!», с бесконечным блюзом-блюзом-рок-н-роллом, со стуками соседей в стену, с хавкой, которую притаскивали гости, и вот, в один из этих дней, когда Ляп проверял качество принесенного торта-наполеона путем сжимания его в кулаке: «Настоящий наполеон должен хрустеть, а этот — не хрустит!», когда за столом, по-прежнему уставленном бутылками водки, стали обсуждать вкусовые качества одеколонов, Сеня вспомнил «Москву-Петушки». Венечка еще был жив, а книга ходила в виде перепечатки, и Сеня цитировал рецепты коктейлей, а затем про Сибирь и негров.

Крис осторожно выполз из-под спальника.

— Доброе утро.

— Смотрите, у Криса прямо нюх на траву.

— Да я не любитель, но...

— Крис, короче. Бум шанкар? — спросил Саид.

— Бум. — Кристофер перехватил протянутый косяк и затянулся.

Трава сразу куда-то потащила, куда — Крис еще не знал, каждая трава работает по-своему... Вчера курил, позавчера курил, а сегодня такой сон.

— Бум Шанкар, тут-тум-тум-тудум.

Да здравствует Джа. Суфии прославляют Джа и солнце. Зеленый, желтый и красный — это цвета ковра под моим телом, цвета растафари, и отсюда, из центра Азии, до Ямайки всего один шаг, одно движение руки, вставить кассету и нажать плэй. Кристофер встал на четвереньки и подполз к подносу.

— Сон дрянной снился. — Он взял первую попавшуюся чашку и отхлебнул глоток, словно чай мог смыть изнутри неприятные остатки сновидения. — Больница.

— Плохо там — хорошо здесь, — лениво произнес Гора, продолжая раскачиваться в такт музыке.

— Галка проснется, чаю попьем и на трассу. Суфий нигде не гостит больше трех дней.

Крис посмотрел в ее сторону. Галка уже разлепила глаза, и он подполз к ней.

— Солнце уже высоко. Пора вставать. Пора лететь, Галка, — сказал Крис и легко прикоснулся к ее губам.

— Угу. — Она снова прикрыла глаза.

— Наш незримый самолет уже на взлетной полосе. — Кристофер любил рассказывать сказки, и сейчас трава потащила его на очередную телегу. Он видел этот самолет, маленький, застывший посреди взлетного поля. — Музыка будет шлемом авиатора, он взлетит над собственным сном, — продолжил Кристофер. — Вот он идет по упругой земле, чтобы разогнаться и взлететь. И этому полету не помешают ни тяжелые сапоги, ни груз дней за его спиной. У его птицы большие крылья. Вот

он надевает кожаные перчатки, он пристегивает парашют. Защитные очки блестят на его лице. Но что это? — Кристофер сделал паузу, и Галка улыбнулась. — Почему он остановился неподалеку от взлетного поля? Что так привлекло его внимание? Маленький цветок, самый красивый из всех, что он когда-либо видел. И он не может идти дальше, он не может оторвать взгляда от радужных лепестков. Они дрожат на ветру, а тяжелая машина продолжает стоять на поляне, сверкая серебром, как огромный кусок льда. И все полеты вдруг приобретают для него новый смысл. Он понимает, что сейчас взлетит сам, такой как есть, ибо для настоящего полета не нужно никаких шлемов, парашютов, перчаток, дирижаблей, воздушных шаров и аэропланов, он будет разрезать свинцовые облака и небо прольет ласковый дождь на цветок, жизнь которого, как и жизнь пилота, — одно мгновение, но за это мгновение тучи разбегаются, словно испуганные овцы, и пилот возвращается вниз по радуге.

— Значит, он был в Раю? — Галка потянулась. — Ведь радуги ведут в Рай.

— Не знаю, где он был... Может, и в раю, но я вижу и его, и цветок. Я хочу сегодня на трассу. Как ты? Едешь к своему Сэнди?

Крис давно знал Галку. Он знал также, что в Ебурге ее ждет не дождется некий Сэнди, полуцивильный парень, владелец музыкального клуба и предмет незлобных насмешек Криса. «Это у тебя от ревности, — сказал он сам себе, — не привязывайся. Галка — птица свободная».

— Сэнди пока далеко, — просто ответила Галка, — а я с тобой.

После этого разговора был чай, и трава, и долгие сборы — то Кристофер, то Галка все время тормозили, и лишь к середине дня они оказались на выезде из города.

Однообразная бесконечная трасса, отороченная зарослями кустарника. И те же песок и пыль. Правда, осень на некоторое время уступила место лету и ветра не было.

Сначала их взял пожилой казах на МАЗе. Немногословный, типичный восточный драйвер, лицо которого напоминало высохшую

луковицу. И разговор в кабине протекал по типичной схеме, выглядевшей приблизительно так:

— Откуда? — спрашивал водитель не отрывая взгляд от дороги.

— Из Алма-Аты (Ташкента, Бухары, Самарканда и т. д.).

Далее следовала долгая пауза — гудел мотор, водитель по-прежнему смотрел на дорогу и, казалось, напрочь забывал о пассажирах (пассажирах). Этот момент Кристофер любил переразвивать в компании друзей: надувал щеки, гудел и, устремив взгляд вдаль, сжимал руками несуществующий руль.

— Живешь где? — через полчаса следовал второй вопрос.

— В Питере.

И снова — полчаса молчания. Только голос мотора.

— Дети есть?

— Нет пока.

Паўза. Бжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжжж.

— Ты геолог?

— Нет, путешествую.

БЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖЖ.

Далее, после очередной паузы, вопросы варьировались. Но очень часто следовало:

— А борода зачем?

Борода на востоке была признаком олдвости. И ее обладатель должен был быть либо по крайней мере пятидесяти лет от роду, либо иметь хотя бы троих детей.

Этот разговор не успел достичь вопросов о бороде и о Галке, как МАЗ свернул на проселок и остановился.

— Тебе туда. — Водитель указал рукой на трассу, затем развернулся к проселку. — Мне туда. Домой.

Они вернулись к шоссе.

— Ого, — сказала Галка, — смотри, птица.

На холме сидела большая, в человеческий рост, каменная птица.

— Ей, наверно, лет двадцать. Во времена застоя таких птиц здесь до хрена было.

По прошлым путешествиям Кристофер помнил множество придорожных скульптур, отлитых из цемента по единым образцам: трассы Киргизии и Казахстана помимо птиц разных сортов и размеров изобиловали и человеческими фигурами, и фигурами животных. Часто, например, встречались каменные мужик с теткой: тетка стреляет из лука, который можно только угадывать — концы, как правило, обломаны, а иногда оторваны и руки. Или бабай (бородатый восточный старец в халате) с бараном — это произведение придорожной скульптуры шоферы окрестили «двумя баранами». Или баран (сайгак, горный козел, олень и т. п.) в одиночестве, без бабая. На одной из горных дорог Тянь-Шаня Крис встретил «писающего медведя» — по замыслу, из бочки в лапах у стоящего медведя должна была течь вода (медведь, был соединен трубой с родником), однако она нашла себе другой путь — чуть ниже.

В России подобных фигур то ли было меньше, то ли они просто терялись среди деревьев. Кристофер вспомнил двух космонавтов на Тихвинско-Череповецкой трассе. Головы покорителей космоса, сверкая позолотой, лежали в нескольких метрах от бетонной ракеты и гордо стоящих тел. По этой ли дороге ехал пушкинский Руслан?

— Давай поднимемся, — предложила Галка и побежала наверх.

Когда Кристофер подошел, точнее, подполз к ней, она уже гладила шершавое, изъеденное ветром, солнцем и дождем крыло.

— В великой книге Аджа иб Ад-Дунья, — возвышенно начал Кристофер, — говорится, что есть птица Абу Харун. Днем она сидит недвижно, как этот камень, а ночью находит влюбленных и поет так жалобно, что у них разрываются сердца.

— О, птица Абу Харун, — сказала Галка и подняла с земли камень. — Прими наш скромный дар, в виде этого цветного камня, но не лишай нас сердец.

Кристофер забежал за статую и прохрипел:

— О, моя юная почитательница, дитя птичьего рода моего. Я принимаю твой скромный дар и не брошу свою тяжелую тень на тебя и твоего возлюбленного, я не буду петь этой ночью для

вас, а отправлюсь в великий Багдад, ибо там премного чистых сердец, коими я питаюсь.

— О, птица Абу Харун, открой мне тайну, сколь долго мы будем торчать на этой... благословенной трассе.

— О, безмятежное дитя мое. Тайна сия велика, но не пройдет и третья машина, как вы уже будете ехать в сторону севера. Но не стой долго перед моими очами, ибо велико искушение запеть для твоего чистого сердца.

— Прощай, птица Абу Харун.

— Погоди, дитя мое, — птица стала нутужно кряхтеть.

— Что ты делаешь, птица?

— Не бойся, дитя мое, — Кристофер уже задышался от смеха, — я делаю не то, о чем ты подумала. Я хочу снести волшебное яйцо и преподнести тебе его в дар.

— Но где же оно?

— Встань по другую сторону крыльев, и ты его обретишь.

Галка обогнула птицу и попала в объятия Кристофера.

— Здравствуй, дар птицы Абу Харун. Только на яйцо ты не похож. Скорее на птенца. Каково же имя твое?

— А имя мое — великий маг и чародей Абу Джа фар Крис ал Масуд, о огненноокая красавица, и рожден я птицей Абу Харун, дабы спасти тебя от дэвов, кои водятся в местах сих в великом множестве. — Кристофер прислушался. — Постой, никак машина.

Галка побежала вниз, на трассу.

— Не торопись, автобус. — Кристофер увидел его прежде, чем она спустилась. — Автобусы не стоим.

— Первая прошла, — сказала Галка уже на обочине, — когда же вторая?

Вторая появилась незамедлительно. Жигуль, полный людей. А третья.

Третья — такой же жигуль, но пустой. И он, подняв облако пыли заехал на обочину и остановился.

— Вот видишь, — сказал Кристофер, — предсказания сбываются.

— На Балхаш. — Он сунулся в кабину и про себя зачем-то мысленно добавил: «Мы возем Хаш на Балхаш». На самом деле

никакой дури ни Кристофер, ни Галка не везли. Любой придорожный мент таил опасность, да и сам Кристофер предпочитал быть чистым перед законом. Среди народа ходили слухи, что маленький косяк считается дозой потребления, и за него наказывать не должны. Но Крис не брал с собой в дорогу даже маленького косяка. Самое стремное, если свинтят на трассе.

Он вспомнил недавний разговор с Бахытом. Тот, будучи до конца человеком травы, всегда брал с собой немного гаша или пыли. Не анаши.

«При шмоне обычно не находят», — говорил Бахтик, уже несколько лет ведущий жизнь дервиша.

«Однако именно в этих местах его и заментовали, — отметил про себя Кристофер, — причем даже не на трассе, а в поезде».

Какой-то человек оставил в вагоне электрички целую сумку травы и казахский конвой, обнаружив ее, стал искать хозяина. Ну и в Макушино на перроне взяли трех подозрительных молодых людей — Бахыта и двух путешественников, с которыми тот познакомился в поезде. Их отпустили быстро, а у Бахтика в рюкзаке была пыль и мешочек с семенами: пыль сначала не нашли, только семена, и лишь в Петухово, куда привезли Бахтика, обнаружили и ее. Однако сумку на несчастного дервиша повесить не удалось. В итоге — всего лишь три месяца курганской тюрьмы. Много это или мало — три месяца?

Отступление седьмое:

История ареста Бахтика,

изложенная языком официальных документов

ПРОТОКОЛ

личного обыска задержанного

28 сентября 1996 года

Я, Ст. О/У ОУР ЛОВД по ст. Петухово ст. лейтенант милиции Корковенко П. В.

В присутствии понятых: 1. Пенякова Виктора Андреевича, проживающего г. Петухово, ул. Красная, 231, 2. Птицина Николая Юрьевича

ча, проживающего г. Петухово, ул. Воронежская, 2/45 произвел личный обыск Наджинова Бахыта Абдуловича, 15.09.1971 г. р., уроженца г. Ферганы.

Доставленный одет: джинсы черного цвета, пуловер коричневого цвета, рубашка клетчатая, туфли коричневые, из левого кармана рубашки изъят паспорт Е-ЕА №600054 выдан 5.01.87. года ОВД Усинского гор-ма Коми АССР на имя Наджинова Б. А. 1971 г. В рюкзаке темно-синего цвета, принадлежащего Наджинову, находятся: 1) портсигар из металла белого цвета, 2) записная книжка, 3) 3 купюры по 200 рублей, 4) ремень брючной, 5 банка сгущенного молока, 6) сумка поясная, 7) шкура телячья, 8) сапоги кожаные, 9) кожаный мешочек коричневого цвета, в котором находится вещество зеленого цвета растительного происхождения со специфическим запахом конопли, 10) конусообразная трубка с сердечником внутри, коричневого цвета, 11 замшевый мешочек, внутри которого находится вещество зеленого цвета растительного происхождения.

При осмотре рюкзака Наджинова из подкладки левой лямки рюкзака изъят твердый кусочек вещества зеленоватого цвета растительного происхождения, завернутый в кусочек ткани.

В присутствии понятых твердый кусочек вещества зеленоватого цвета растительного происхождения, кожаный мешочек коричневого цвета с веществом зеленого цвета растительного происхождения со специфическим запахом конопли, трубка из камня белого цвета, трубка с сердечником и замшевый мешочек с веществом зеленого цвета растительного происхождения внутри помещены в бумажный конверт, который был упакован и скреплен двумя мастичными печатями ЛОВД ст. Петухово «для пакетов» и подписями понятых и обыскиваемого Наджинова. Протокол личного обыска составлен верно, замечаний и дополнений нет.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу №7/64

по обвинению

Наджинова Бахыта Абдуловича

в совершении преступления, предусмотренного ст. 224 ч. 3 УК РФ.

(Я цитирую лишь малую часть этого документа, он изобилует повторами и довольно скучен. Видимо, в этом кроется причина красивой описки, допущенной его создателем: «вещество твердого цвета»).

...30 сентября 1996 года СО ЛОВД на ст. Петухово было возбуждено настоящее уголовное дело ном 7/64 по факту обнаружения и изъятия у гражданина Наджинова Б. А. вещества зеленого цвета растительного происхождения с характерным запахом конопли (л. д. 1).

Поводом для возбуждения уголовного дела послужил рапорт ДПНО ЛОВД на ст. Петухово майора милиции Евсеева К. И. (л.д. 2) Расследованием, проведенным СО ЛОВД на ст. Петухово, установлено, что 28 сентября 1996 года в дежурную часть ЛОВД на ст. Петухово был доставлен гр-н Наджинов Б. А., у которого при досмотре личных вещей было обнаружено и изъято вещество зеленого цвета растительного происхождения с характерным запахом конопли. Согласно проведенной по делу физико-химической экспертизы, вещество, изъятое у Наджинова является наркотическим, а именно высушенной марихуаной, весом 14,5 грамм и гашишем, весом 3 грамма.

Данные наркотические вещества Наджинов изготовил сам из дикорастущей конопли, собранной им в окрестностях г. Туран, Тувинской республики в период с 10 по 15 сентября 1996 года для личных целей. Марихуану и гашиш Наджинов хранил и перевозил с собой в пригородных электропоездах, добираясь до г. Уфы, но в пути следования был задержан работниками милиции, и данные наркотические средства у него были изъяты.

Допрошенный по делу в качестве обвиняемого Наджинов Б. А. по существу предъявленного ему обвинения по ст. 224 ч. 3 УК РФ вину свою признал полностью и показал, что в конце августа 1996 года он выехал из Санкт-Петербурга в Сибирь. Остановившись в окрестностях г. Туран Тувинской республики, Наджинов насобирав в поле дикорастущей конопли и в период с 10 по 15 сентября 1996 года изготовил из нее наркотик для личного употребления. 15 сентября 1996 года Наджинов решил уехать из Тувы до Уфы. Твердый кусочек наркотика завернул в материю и поместил в подклад лямки рюкзака, а вторую часть в рассыпном виде поместил в коричневый мешочек и положил в рюкзак. В пути следования до Уфы 28 сентября 1996 года Наджинов был задержан милицией и доставлен в дежурную часть ЛОВД на ст. Петухово...

...Также в присутствии Птицина Н. Ю. у Наджинова Б. А. были взяты срезы ногтей с обеих рук и волос с головы, которые были также

помещены в бумажный конверт, который был скреплен печатью ЛОВД на ст. Петухово и подписями понятых...

...Допрошенный по делу в качестве свидетеля Белецкий И. З. показал, что 28 сентября 1996 года он заступил на службу в качестве постоянного милиционера на ст. Макушино. После прибытия утреннего электропоезда из Петропавловска он обратил внимание на мужчину нерусской национальности. Когда Белецкий попросил этого мужчину предъявить документы, тот отказался. Тогда Белецкий задержал этого мужчину и на дневном электропоезде доставил его в дежурную часть ЛОВД на ст. Петухово...

...Обвиняемый Наджинов Б. А. по месту учебы показал себя следующим образом: за время обучения показал себя слабоуспевающим студентом. В апреле 1989 имел дисциплинарные взыскания за пропуски занятий без уважительных причин. В общественной работе себя не проявил, принимал участие в подшефном совхозе и сельхозработках. Отношения с товарищами по группе хорошие...

На основании изложенного
ОБВИНЯЕТСЯ.

Наджинов Бахыт Абдулович, 13.09.1971, уроженец г. Ферганы, Таджикской ССР, гр. РФ, таджик, образование среднее, не женат, ранее не судим, не работающий, без определенного места жительства, в том, что:

[Следует длинное перечисление уже процитированных фактов]

... Наджинов Б. А. совершил незаконное изготовление, хранение и перевозку наркотических средств без цели сбыта, то есть преступление, предусмотренное ст. 224 ч. 3 УК РФ.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 207 УПК РФ настоящее уголовное дело №7/64 подлежит направлению Курганскому транспортному прокурору для решения вопроса в пределах его компетенции к направлению дела по подсудности в народный суд г. Петухово.

Обвинительное заключение составлено в г. Петухово 27 ноября 1996 года.

И.О. следователя СО ЛОВД г. Петухово
ст. л-нт милиции Лентулов К. Н.

Водитель уже открывал заднюю дверцу.

— Ты садись вперед, — сказал он Кристоферу.

Вскоре начались стандартные вопросы: откуда-куда-как. Узнав, что Галка и Крис из Питера, водитель тут же вспомнил своих дальних родственников, переехавших туда. К питерцам, по давно сложившейся традиции, в дальних уголках бывшей империи, особенно в Прибалтике и на Востоке, относятся лучше, чем к москвичам. Все же культурный европейский город, а не большая деревня. Хотя сейчас что Питер, что Москва, что Тмутаракань...

— И чего же так путешествуете, — продолжал водитель, — не по-людски. Не на поезде. Может, вы из секты какой?

— Нет, не из секты, просто денег мало.

— Я тут одного буддиста подвозил. «Что в дороге ешь?» — спрашиваю. «А вот», — он мне корку показывает.

— И больше ничего?

— Ничего. А сам худющий... И еще волосатее тебя. Ни мяса не ест, ни пива не пьет. Пять дней одну корку.

— Мы, суфии, едим все, — улыбнувшись, сказал Кристофер.

— Суфии, говоришь. А это что за секта? Алла-алла?

— Не совсем. Суфии, они, конечно же, появились в мусульманской среде. Омара Хайама, поэта, знаешь?

— Это того, что про вино и про баб?

— Того, того. — Кристофер рассмеялся. — Так вот он был суфием. Даже суфийским мастером.

— Тогда я тоже запишусь в вашу секту.

— Так секты-то и нет. Каждый из нас в некоторой мере суфий. В каждом из нас Бог. Считаю, ты стал уже суфием.

— И как же вы молитесь?

— Каждый по-своему. Вообще-то древние суфии познавали Бога через танец. У них были юбки, отороченные свинцом. Ну, в подол свинец был зашит. И они крутились в танце, как юла. Как летающие тарелки. Это была их медитация. И сейчас есть такие реальные, настоящие суфии. А я стихийный. Молюсь как умею. Музыку играю. И стараюсь не причинять никому зла. Точнее, жить в гармонии с собой.

Глава четвертая

Города мертвых

Вот и вновь по радио Шизгара,
словно тридцать третьего бутылка
на столе, где коньяки, ликеры:
видишь, время пьяное застыло
как КамАЗ, застопленный на трассе,
ждет нас и мотор не выключает.

Д. Г.

Они ехали долго: драйвер, как истинный богатый суфий, угощал их шашлыками и чаем и высадил лишь под вечер, уже за Балхашем. И снова Кристофер с Галкой шли по трассе в сторону заходящего солнца, и снова наступило время телег, которые Крис гнал в промежутках между пролетающими мимо машинами.

— Ой, смотри, кладбище! — вдруг прервала его Галка.

Впереди, метрах в двухстах от трассы, подсвеченный неяркими лучами солнца, стоял маленький город из белого камня: минареты, башенки, флюгера с полумесяцами.

— Мне нравятся здешние кладбища. — Кристофер кивнул в сторону игрушечного городка.

— Они похожи на маленькие города для детей, — сказала Галка.

— В них живет смерть. Маленькая девочка по имени Смерть.

— Крис... — Галке не очень нравились подобные темы, но Кристофер уже не мог остановиться.

— А как, милая, ты представляешь себе смерть? Маленькая девочка, играющая отрезанной головой водителя под мостом. Сумасшедшего актера под недостроенным мостом, — уточнил Кристофер, — Помнишь фильм «Три шага в бреду»? Девочка-дьявол с удивительно взрослой порочной улыбкой. И ее сестра, девочка-ангел, воплощение чистоты и непорочности.

Галка кивнула.

— Они живут в этих городах, — добавил Кристофер, — и за мной придет первая.

И вдруг ему стало не по себе. Почему-то снова всплыла в памяти обстановка больницы, белый фарфоровый ангел в неживом мерцающем небе. И жесткий голос человека, не умеющего шутить: «Тише, тише, мы, кажется, его вскрыли». Затем эти образы плавно перенесли Кристофера в мир неприятных болезненных снов, в прошлое, плохое время, когда Крис лежал в реальной больнице, с реальным гепатитом. Там он видел сны чуть ли не каждую ночь. События варьировались, но обстановка оставалась одной и той же — старинный восточный город, залитый ослепительным желтым солнцем, радужная вода в реках, казалось, ее покрывала пленка бензина или масла, узкие улицы, безразличные, неживые люди, говорящие на незнакомом языке, и страх, растворенный повсюду. Полуценный страх.

И сейчас, на мгновение, в красном воздухе он увидел этот призрачный город. Кристофер схватился за ксивник, болтающийся на груди, словно тот был спасительной веревочкой, способной выдернуть из воспоминаний.

И он выдернул, но не совсем туда, куда хотел попасть Крис. Галка же, заметив движение приятеля, истолковала его по-своему.

— Не бойся, не оборвется. Хочешь, я тебе другой ксивник сошью?

— Нет, — сказал Крис, продолжая пребывать в другом времени и месте, — это память. Она связана со смертью Рыжего. Я тебе о нем рассказывал?

— Расскажи.

— Он был старше меня лет на пять и уже заканчивал универ, когда разбился. И его смерть была скрыта в нескольких вещах одновременно: в кузове грузовика, стоящего возле обочины, обычном, зеленом, деревянном, в цементовозе, кабина которого схлопнулась как картонный домик. А после, я это ясно могу представить, — было облако цементной пыли, ползущее над до-

рогой. Тяжелый цемент быстро осел на окружающие предметы, съев их цвета. Такой я вижу его смерть.

This is the end, beautiful friend,
this is the end, my only friend,
the end

— пропел Кристофер, уже ощущая себя полностью в «этой» реальности.

«Что же со мной было? Словно кислоты пожрал».

— Да, так вот, перед самым отъездом Сережи Рыжего мы говорили о Джиме Моррисоне. Мы были вдвоем, и Серега рассказывал о том, как Моррисон был свидетелем автокатастрофы, рассказывал об индейцах, грузовике, разбившемся на трассе, много крови, мертвые тела. Тогда мало кто знал о «Doors», книг-то не было. Моррисон был уверен, что души тех самых мертвых индейцев, которых он в детстве видел на трассе, вселились в него. А тут какая-то герла подарила Рыжему ксивник, да, да, вот этот самый, — Кристофер кивнул на свою грудь. — Рыжий сказал мне, пусть у тебя поживет. Смешной был человек. Выходил на трассу в костюме и с дипломатом, в белой рубашке, в галстук. Никаких фенечек, абсолютно цивилизный мэн. И поэтому, когда нас в Тарту на фестивале ментовали, помнишь, я тебе рассказывал, как менты с собаками вывезли всех волосатых на автобусах в Псковские леса, его вообще не тронули. Он тогда на химфаке учился. И в тот день, когда Рыжий разбился (а это было на обратном пути, уже возле самого Питера) в Красном Селе, мне приснился сон. Желтый город, солнце, радужная вода. И навстречу шел Рыжий, он что-то пытался говорить, но на каждом слове губы странно отслаивались, ну, как старая краска, и то, что отслаивалось, превращалось в бабочек с темными, почти черными крыльями. Они крутились вокруг него, как пепел сгоревших бумаг. И я четко помню, он был в костюме, с дипломатом в руке, а на мне был вот этот ксивник. И тогда он подошел и запихнул мне в ксивник какую-то фотографию: мужик с бородой. И я понял, что это Джим

Моррисон. И за Рыжим я увидел... — Кристофер задумался, и на его лбу появились морщины, он словно постарел на десять лет. — Или это я потом достроил, индейцев. Сейчас уже не помню. Ну вот, а на следующий день я узнал о его смерти. Я потом искал эту фотографию. Ты понимаешь, реальные фотографии Моррисона совсем не похожи на ту, что я видел во сне. Он в основном без бороды был. Но я хорошо запомнил **ТУ** фотографию. И пока я ношу... — Кристофер вытащил из ксивника маленький прямоугольничек. — Специально из книжки вырезал и под пластик закатал. Тут он хоть с бородой. Пока не найду настоящую. А Вику, кстати, в ту ночь тоже снилось. Мясо. И Рыжий. Их же с Рыжим братьями называли. И он ночью, стопом из Зеленогорска, там он у какой-то герлы жил, примчался. Так что все это неспроста... Ну что, будем стопить или спать пойдем?

— Здесь мне найтовать не хочется, — сказала Галка, — да и время еще есть.

Кристофер развернулся и теперь шел спиной вперед — он смотрел на Галку и машины, которые по-прежнему не стопились, он размахивал рукой и одновременно строил Галке смешные рожи, он был ее отражением в кривом зеркале, отражением, давно потерявшим облик оригинала и живущим самостоятельной жизнью.

— Боишься, что души мертвых позовут за собой? — спросил он.

— Нет. Просто неприятно, мертвецы.

— Есть особый кайф ночевать в подобных местах. Я тебе рассказывал про Научный?

— Научный?

— Поселок такой есть, в Крыму. Неподалеку от Бахчисарая. Год назад Умка подписала нас поехать туда. Якобы в Рэйнбоу деревню, в Крым. Но вся затея частично оказалась подставой. Это был лагерь, где собирались разные продвинутые... Не хипаки. И наш непродвинутый пипл в эту тусовку не вписывался. Помнишь на Вуоксовском Рэйнбоу эзотерических бабушек? Которые на хипанов наезжали, что, дескать, те коноплю в кашу добавляют.

Галка кивнула.

— Так вот эти вроде них. Хорошие люди, но порой грузят. Но речь не о них. Один раз мы пошли гулять на Ежик. Это гора такая. Там на вершине древнее поселение. Тепе-Кармен, кажется. Там сначала был караимский пещерный город, затем христианский монастырь. Как на Чуфут-кале. Ты ведь была?

Галка снова кивнула, а Крис поднял руку: на трассе появилась легковуха.

И одновременно с ней выплыл из воспоминаний и отчетливо вырисовался перед глазами Кристофера склон, белый известняк, тропинка, ползущая к плоской вершине, и странная зловеющая фигура на фоне яркого, до боли в глазах, неба. Сначала Крис принял ее за птицу, но приглядевшись внимательнее, понял — это человек в темном, развевающимся на ветру плаще.

Откуда, из каких времен принесло этого странного человека-птицу на вершину горы и почему его образ столь отчетливо проявился сейчас, над пылью трассы, над Галкой, над приближающейся машиной, в которой скрывалось множество возможностей, — курил траву, а состояние кислотное, — эй, машина, увези меня от воспоминаний, подальше от этого места покоя, от игрушечного города мертвых...

А человек в плаще оказался одним из веселых одесситов, приколовшихся к играм со снами, к общению с расширенной реальностью, и когда появились на склоне двое спутников незнакомца, чувак и герла, в обычном, туристском прикиде, все встало на свои места.

Стоило достроить воспоминание, как вызванные Крисом образы исчезли, слились с облаками, от которых никогда не дождешься дождя. Не дождешься дождя. Дождь тот, кого дожидаются. Так, что ли?

— Крис!

— Что?

— Мне становится страшно, когда ты такой.

Теперь перед ним была лишь Галка, классная девчонка, настоящая заботливая сестренка, и она загораживала собой трассу от Кристофера и Кристофера от трассы.

— Какой?

— Никакой.

— Отойди в сторонку, меня не видно. — Крис улыбнулся. — Вот так.

Машина пронеслась мимо, став линией, отделяющей предисловие от собственно рассказа, и Крис продолжил:

— Ну вот, поднялись, а в этих пещерах — одесский пипл. И ночуют они в гробах. Там, где раньше лежали останки монахов. Специально, чтобы смотреть особые сны. Говорят, очень вставляет.

— А что с ними стало потом?

— Ничего. Две недели пожили, домой поехали. Там с водой тяжело. На горе нет, приходилось вниз спускаться. И нас тоже вскоре эзотерики достали, мы в Симеиз свалили. Вдесятером. Даос, Умка, Леха, — начал перечислять Кристофер.

— Про кипарисы ты рассказывал.

— Или вот еще, — продолжил Кристофер, — мой одноклассник, Колян. Он работал во ВСЕГЕИ. Геолог. На Васильевском. Ну так вот, я как-то остался на шестнадцатой, знаешь вписку у Ленки. И вдруг в шесть утра — звонок в дверь. Там звонок дверной такой хитрый — раз нажмешь, полчаса звонит. Не проснуться нельзя.

— Знаю, — Галка кивнула.

— Открываем, смотрим — Колян... Весь в земле, в репьях каких-то. Я спрашиваю: «Ты чего?» А он: «Извини, брат, не в том склепе спал». Оказывается, всегеишники нажираются на Смоленском кладбище, а потом ночуют в склепах. В условиях, близких к походным. Поля-то отменили, денег в конторе нет.

— А в Крыму, эта якобы Рэйнбоу-деревня, она постоянно действует?

— Не знаю. Был там организатор, Саша Макаров. Дядька лет сорока пяти. Кстати, я не сразу этот лагерь нашел. Умка сказа-

ла — возле кладбища. Я совершенно запарился — никто ничего не знает. И было совсем уже обломался, слышу, кто-то блюзны в кустах лабаёт. Смотрю — Ваня Жук. Он-то меня и привел. Оказывается, не за кладбищем, а за солнечным телескопом. Смотри, КамАЗ идет. Пустой.

Рука Кристофера превратилась в пропеллер, а на лице появилась широкая дурацкая улыбка.

— Не кривляйся, так вообще не остановятся.

Однако, вопреки Галкиному предостережению, машина осталась. Водитель улыбался.

— В сторону России, — сказал Кристофер.

— До Караганды. Но я спать скоро буду.

— Отлично. Когда будете спать, мы вылезем.

Драйвер кивнул.

— Только мы не заплатим.

— Ничего страшного.

Машина тронулась, и Кристофер продолжил рассказ о Начном. Судя по очкам, европейскому, немного лошадиному, но с признаками интеллекта, лицу драйвера, тот к такому продолжению должен был отнестись спокойно.

— Ну вот, и эти крымские эзотерики поголовно практикуют голотропное дыхание.

— Какое-какое?

— Голотропное или холотропное. Это некто Гроф придумал. А начинал он вообще-то со сходного — ЛСД-терапии. В общем, сначала он кормил людей кислотой, а затем предлагал вспоминать момент рождения.

Галка недоуменно посмотрела на Кристофера.

— Ну, по теории этого Грофа, многие, если не все, заболевания человека связаны с трудностями рождения, с родовыми травмами. И человек, поев кислоты, снова проходит этот путь, исправляя прошлые ошибки. И таким образом становится здоровым.

— Туфта типа дианетики, — сказала Галка. — Я под кислотой ощущаю совсем другое.

— Я тоже так думаю. Хотя не нам судить. Может, если бы ты специально, в терапевтических целях настраивалась на момент рождения, ты бы пережила его.

— Угу. — В ее голосе чувствовалась ирония.

— Я, правда, тоже так не думаю. Я думаю, что ты пережила бы запрограммированную этим самым Грофом иллюзию. Но дело в другом. В какой-то момент он понял, что кислота не нужна, достаточно пересытить организм кислородом. То есть под определенного рода музыку предельно глубоко дышать. А затем наступает момент врубa.

— Мы это в школе делали, — влез в разговор водитель, — дышишь-дышишь, потом тебе кто-нибудь на грудную клетку надавливает и тебя выключает.

— И мы, — сказала Галка.

— Нет, это немного другое. Но делать сию процедуру следует в присутствии опытного человека. Так, по крайней мере, они утверждают.

— А кислота, это что? — спросил драйвер.

— Кислота — это ЛСД. Диэтиламид лизергиновой кислоты. Или его аналоги.

— Так эти ваши дианетики, выходит, просто наркоманы.

— Тут разные вещи. Дианетика это не голотропное дыхание. Совсем другое. Еще хуже. Религия без бога, придуманная посредством фантасом. — Кристофер снова, уже который раз на дню, вошел в роль профессора. — А про наркоманию трудно говорить. Вот вы водку пьете?

— Ну, скажем, да. По праздникам. — Водитель рассмеялся.

— А для чего?

— Ну, расслабиться. С друзьями.

— А наркоманом или алкоголиком себя считаете?

— Нет, конечно же.

— Потому что нет болезненного пристрастия. Я думаю, так же и с травой, и с кислотой. Она кое-кому тоже нужна, чтобы расслабиться. Или расширить двери восприятия. И пока нет зависимости, человек наркоманом не является. Это, конечно же, мое

личное мнение. Я понимаю наркоманию гораздо шире — наркомания это любая болезненная привязанность.

— Есть же слово трудоголик, — добавила Галка.

— Но меня оно не касается, — улыбнулся водитель.

— Нас тоже.

— А вот это, увы, касается меня. — Он кивнул на гаишника с жезлом, неожиданно появившегося на трассе. — Вылез, паучина.

— Драйвер-то, однако, культурный, — сказал Кристофер, когда тот, прихватив бумаги, выскочил из машины и принялся базарить со стражем порядка. — Говорить умеет.

— Хорошо в школе учился. Много книжек читал.

— Во, уже идет.

— А как вы назовете болезненное пристрастие к деньгам? — Водитель уже вошел в кабину. — Вот где настоящая наркомания.

— Они говорят, их дорога кормит.

— Вот, вот, дорога кормит. Ряхи наели. Казахская мафия.

— Мафия везде, но... — По интонации драйвера Крис понял, что тот сел на своего любимого конька, и попытался увести разговор в сторону от «о наболевшем», однако водитель уже не мог остановиться.

— Именно мафия! Вы же знаете как. Здесь всяк свояк свояка тащит. А работают русские, немцы. Ты посмотри на поселки вдоль трассы. Там, где домик голубенький, деревья вокруг, штакетничек, огород — значит, немец живет. А у казахов ворота на распахку, заблевано, засрано, простите за выражение, пьяный хозяин на крыльце лежит, вокруг дети грязные бегают. А как начальником назначат, сразу — пузо, гонор. Я в институте работал, так директор или начальник цеха обязательно казах. А главный инженер — уже из меньшинств. Все на себе и тащит.

— Но не все же казахи такие. Вон на трассе водителей сколько.

— Не все. Но многие. Про них даже анекдот есть. Хотите...

Кристофер и Галка одновременно кивнули.

— Значит, попали на необитаемый остров русский, казах и украинец, — начал драйвер громким голосом, словно выступал перед тысячной аудиторией, — делать, значит, нечего, рус-

ский стал дом строить, дорогу провел, украинец свиней поймал, приручил, а казах... Казах ничего не делает, похаживает, живот поглаживает, в доме живет, сало ест. Надоело русскому и украинцу, подступили они к казаху с кулаками. Ты чего это... — водитель сделал театральную паузу, — а он в ответ: «Меня трогать нельзя, я ваш участковый». Ну мент, то есть.

— Здесь еще хорошо, резни нет.

— Так им резать лень, — сказал водитель, но тут же поправился, — нет, я не спорю, казахи народ незлой. Хороший даже. Камней за пазухой не держат. Но ленивый.

— А в институте тоже водителем работали? — спросил Кристофер.

— Нет, в цехе. Я инженер-технолог. Но вот уже скоро пять лет как на себя пашу.

— На себя?

— Машина — моя личная. Арбузы, дыни вожу. В Балхаше друзя на бахче. Корейцы. Завод сейчас не прокормит. Вот и гоняю грузы туда сюда.

— А зимой?

— Зимой здесь хреново. Лапу сосу. Только случайные перевозки. Все. Через полчаса совсем темно станет. У следующего ГАИ остановлюсь на ночевку.

— Там мы и выйдем, — сказал Крис.

— А утром снова могу вас взять. Если никого не поймаете.

На прощание драйвер подарил им большой, килограммов на десять, арбуз, и теперь они шли мимо прижавшихся к обочине фур, мимо мерцающих примусами, пахнущих различными вкусами водительских биваков, мимо гаишной будочки, мимо площадки, заводы, где машин и водителей было еще больше чем у дороги, мимо одноэтажных строений, назначение которых в темноте было невозможно определить. «Словно отара овец, сбившаяся в кучу от волков, поближе к собакам и пастуху, — подумал Крис, — однако если пастухами считать ментов, то стригут они не меньше бандитов».

Один из кружков, где, как показалось Крису, говорили по-узбекски, источал отчетливый запах травы. Крис увидел красный огонек косяка.

— Смотри-ка, ганжу курят.

— Ну да...

— А я чего-то и не хочу. У меня, как уехал с Алтая, что-то не то. Приходы ни с того, ни с сего, как от кислоты. Или это проснувшись двухмесячной давности флэш-бэки.

— Ты о Холме?

— Холм, сударыня, был в прошлом году. А в этом, перед моим отъездом было всеобщее съезжание крыш.

Холмом называлось странное сообщество питерских людей, раздобывших где-то огромное количество кислоты и превративших одну из квартир в Томас-Вулфовский автобус проказников, сам Крис тогда впервые попробовал кислоту, или, точнее, то, что называлось «кислотой», скорее всего это был ПСП или какой другой из дешевых аналогов, но вставило все равно довольно сильно, и через полчаса после приема дозы — ням-ням, с ложечки, пер орально, его начало закручивать, и в голову вошел настоящий рэйв — УПца УПца УПца электронные барабаны, и Майкл, заиклившийся на фразе «акутное произношение», вдруг стал лодкой, которую болтает на быстрой воде, потому что она привязана к столбику по имени Акут, а Леха-ха-ха — со своими тяжелыми телегами — горой, и Крис гонял по нему свои тележки, прикалываясь к материализации образов, а затем девчонки надели цветные блестящие юбки и платформы, откуда они их взяли, у Кэт, что ли, и хипня ушла в Нору, там за стойкой работала какая-то их приятельница, а Крис тоже подумал: УПца УПца УПца, и вышел в город, и сидел одинокой чайкой на бетонном берегу там, где залив смыкается со Смоленкой, и слушал музыку ночных машин.

«А ты помнишь другой раз, помнишь, как начиналось всеобщее съезжание крыш, и была кислота, ты поделил ее с Ленками — пять доз на троих, и вас, точнее тебя, снова потянуло к

Смоленке, и ты оказался на кладбище, где быстро потерял всех, даже самого себя, и, оставив свечу в склепе возле одной из дорожек, бежал по тропинке между темными словами о любви и смерти, узкий проход выталкивал тебя наверх, ты медленно расправил руки, и некая сила отрывала тебя от земли, на которой ты еще недавно прочно стоял, и поднимала тебя наверх, мимо сплетения веток, мимо пузырей воды на картинах Чюрлениса, ты же помнишь эти картины и музыку, наверх, к фиолетовому городскому небу, и ты уже не боялся упасть, потому что падение — это тоже полет, и ты летел совершенно один, легкий как воздух, пока не оказался у дерева, чья крона стала новым зеленым небом, и ты вошел в это дерево и был там, пока горела оставленная тобой в склепе свеча».

«И кого ты там встретил?»

«Никого. Ты просто чувствовал, что ты — и земля и небо, ты чувствовал всех умерших, ушедших в землю, в прошлое, и ты чувствовал всех, что еще придут».

«Лишь потом ты понял, что они никуда не уходили и не приходили, они были вместе с тобой всегда, ибо нет ничего кроме «всегда».

«На следующий день у тебя продолжали сыпаться искры из глаз. Вы с Настей зашли в кафе на островах, где теннисные корты и какие-то новые русские, или уже совсем не новые, а у тебя были деньги, насейшененные в кабаке, — можно было поесть и выпить, — «всегда» продолжалось, и не было ничего недоступного.

Вы сели за белый пластмассовый столик, чудесный столик в зеленой траве, о котором ты подумал: вот настоящий кислотный столик в зеленой траве: если бы его еще обработать спреями, красными, синими, желтыми, он стал бы как большой городской цветок. Потом ты пошел за едой, и тебе навстречу — здоровенный рыжий котяра, — крутолобый и какой-то уж очень человеческий.

— Привет, кот, — сказал ты, — как поживаешь?

Ты почувствовал, что кот понял твой вопрос. Но не ответил, а повернулся и лениво отошел в сторону, уступая тебе дорогу.

Затем начался разговор с Настей, обычный «холдэж ни о чем», как сказал бы Транк, вы беседовали друг с другом ради самой беседы, которая пробежала мимо вас подобно ручью, и вдруг ты увидел, что кот направляется к столику и пересекает этот словесный ручей даже не замочив шерсти. И ты был уверен, что он запрыгнет к тебе на колени, потому что он хотел этого, а ты чувствовал все его желания.

— Рыжий пушистый дым, — сказал ты, — ложись ко мне на колени.

Он лег, и Настя погладила его, утопая ладошкой в шерсти.

— В его роду точно были персы.

И ты снова увидел веер цветных искр, летящий от ее руки. Ты поймал одну и попытался уцепиться, уйти в то пространство, откуда они исходят, пространство, находящееся далеко за пределами этого мира.

Чудесное путешествие тогда только начиналось, но через день его перебила какая-то суета, и все вокруг словно походили с ума, остались не люди, — обрывки фраз, и ты понял, надо уезжать отсюда, ехать и ехать, и на последние деньги взял билет. Ты едешь до сих пор, и уже никакая кислота не нужна».

— Крис, очнись. Что с тобой? О чем ты думаешь?

— О том, что мне не нужна кислота. Как, впрочем, и трава...

Наконец они миновали последние строения и вышли в степь. Ровное темное тело земли и дорога — серая полоса, упирающаяся в еле видимую линию горизонта. Проходящие по трассе машины обдавали фигуры путников светом и ветром, и хотя Крис еще задолго до приближения автомобиля начинал подпрыгивать и даже размахивать фонариком, никто не останавливался.

— Без мазы, — сказала Галка, — пойдем спать. Заодно и арбуз съедем.

Они долго продирались сквозь окаймляющий дорогу невысокий кустарник, затем долго искали ровное неколючее место, чтобы расстелить полиэтилен, затем Галка светила фонарем, а Крис разбирал рюкзак, затем они зажигали и устанавливали на

камень свечу, затем, наконец, сели рядом друг с другом, и Крис принялся разделять арбуз.

— Смотри, — сказала Галка, — свеча горит, а ни одного мотылька.

— Осень уже. Летают только листья.

«Да здесь и этих нет», — отметил он про себя.

— Спелый какой. При свече совсем черный. — Галка взяла двумя пальцами ломтик.

— Арбузы хорошо есть по-другому. Так, чтобы всей рожей вгрызаться в красную мякоть, ам-ням. — Крис попытался изобразить, как он это делал бы. — Но главное в этом — другая обстановка: жарыща, голые мужики, гора арбузов, сладкий сок, текущий по волосатой груди. А ты, — теперь выражение его лица стало пародийно-брезгливым, — пальчиками, аккуратненько, словно какой-нибудь аристократ: «хрум-хрум».

Крис вспомнил, как он сидел на хвосте у каких-то астраханских студентов и те бросали арбузы в реку, чтобы проверить на спелость — незрелые были тяжелее и глубже уходили под воду.

На смену этим воспоминаниям пришла Бухара, городской парк и неподалеку от усыпальницы Самонидов чайхана, где всегда тень, неторопливый разговор и плов, — Крис проводил там каждый день и на вторую неделю уже знал всех завсегдатаев.

Однажды в чайхану зашел человек с длинным лицом и густыми бровями, узбек, совершенно непохожий на узбека, он принес хозяину арбузы и с одним из них подсел к дастархану Криса.

— Для гостя, — пояснил он, — лучший.

Он сжал арбуз с двух сторон ладонями и сделал еле заметное движение. Зеленая корка хрустнула, и когда незнакомец разъединил ладони — в одной руке оказалась полупустая чаша, а в другой — такая же чаша с горой ярко-красной мякоти. Он отложил полупустую половину на дастархан, вырывал освободившейся рукой красную сердцевину и протянул Крису — на, ешь, красное сердце в черной руке. Крис переместил воспоминание: такой же хороший день и тот же дастархан, только теперь напротив си-

дел местный священник: седая длинная борода, чалма на голове, очки в позолоченной оправе...

«О чем мы говорили... Да, о суфиях, о суфиях в стране неверных, ведь мы, христиане, с вашей точки зрения, неверные, и мусульманская угроза...»

— Нет, уважаемый, нет, — священник хитро улыбался, — вы, христиане, верите в пророка Иссу, и это уже хорошо. Вы лишь заблуждающиеся, заблудившиеся на пути к Богу, а вовсе не неверные. Неверные — это язычники и атеисты.

— Я больше не хочу. — Пока Крис сидел в чайхане, Галка успела съесть несколько кусков. — Давай оставим на завтра.

— А я вспомнил Бухару. Там был чувак, который руками разрывал арбузы.

— Надо чем-то накрыть. Могут муравьи залезть.

— Да вроде здесь и муравьев нет.

— Муравьи везде есть. А вот вода?

— Полная фляга. — Крис протянул Галке фляжку.

— Ого, вся какая-то пупырчатая.

— Это особая история. Умоешься — расскажу.

Отступление восьмое: О вмятинах на фляге Кристофера

Фляжка у Кристофера была знатная — армейская, алюминиевая, вся измятая. Вмятины объяснялись одним прошлогодним приключением. Однажды летом Крис как-то решил съездить на дачу Сереги Князя, затерянную в глухих вологодских лесах. Кристофер добирался стопом и лишь к ночи приехал в поселок, от которого до деревни Князя оставалось около двадцати километров. И, не дожидаясь попуток, отправился к Князю пешком. Низкие облака висели над дорогой, и тьма стояла такая, что хоть глаз выколи. «Вот уж сравнение, — подумал тогда Крис, — кому и зачем выкалывать глаза посреди этой тьмы».

Он прошел уже большую часть пути, как вдруг впереди, в нескольких метрах от Кристофера, раздался рев, причем настолько резкий, что Крис даже не успел испугаться: страх пришел после, вместе со звуком копыт.

Ему вспомнились рассказы о лосях, однажды подстреленных и после этого агрессивных по отношению к человеку, о кабанах, бесстрашно охраняющих молодяка от любого, кто покажется им врагом, о прочих опасных лесных обитателях, и Крис спешно ретировался.

«Надо попробовать спугнуть». Крис взял камень, вылил воду из фляги и, придерживая ее за цепочку на горлышке, принялся отстукивать ритм. Получилось громко и звонко. А для усиления эффекта и поддержания собственного боевого духа Крис еще и запел. Как ни странно, в голову первой пришла матерная частушка:

Мимо тещино дома
я так просто не хожу:
то ей хуй в окно засуну,
то полжопы покажу.

Эта долбаная теща
мне покоя не дает...

На этих словах снова раздалось фырчанье. Зверь не то что не испугался — он наступал. И Крис, продолжая отстукивать камнем по фляге, позорно бежал на холм.

Лишь через два часа, на рассвете он увидел зверя — им оказался обыкновенный конь. Как потом объяснил Князь, этот конь — этакий Неуловимый Джо: никому, кроме хозяина, не дается, и увести его невозможно, а в распадке стоит, ибо там ветерок, который сдувает всяких комаров и мошек.

А от ударов камня вся фляга покрылась мелкими вмятинами словно кто-то долго и упорно пытался разжевать ее.

Галка вернулась и легла на расстеленный спальник.

— Ты хотел что-то рассказать.

— Про флягу. Но это неинтересно. Давай лучше сказку. Я тебе обещал по вечерам сказки рассказывать... Только руки вымою. Липкие.

— Сказки рассказывают с чистыми руками, горячим сердцем и... — Галка рассмеялась.

— Сказки рассказывают лежа на спине и глядя в небо.

— «И державе своей под вагонную тряску, сочиняет король уgomонную сказку»*, — начал Крис. — О чем, сударыня, вы хотите услышать?

Галка ответила не поворачиваясь к нему, тоже в небо:

— Придумай сказку о верблюде... который хотел залезть на облако.

— Ну, это не то что просто, это очень просто. Один верблюд хотел залезть на облако. Это, кстати, сударыня, ничуть не проще, чем, скажем, пройти сквозь игольное ушко. Ты видела по дороге вдоль трассы мертвых верблюдов. Думаешь, их сбила машина?

— Фу, — сказала Галка.

— Это особенные верблюды. Никто их не сбивал. Они просто упали с неба. Объемшись облаков. Ибо верблюда хлебом не корми, дай только облако сожрать. Ты посмотри, какие у них раздутые животы.

— Можешь не продолжать.

— Это еще не сказка. Сказка начинается с того, что один верблюд хотел залезть на облако. Ты спросишь, зачем ему это понадобилось?

— Зануда.

— Облако было похоже на верблюжьего бога. Так ему показалось. Сначала он долго подпрыгивал. Но он был слишком тяжелым. Тогда он начал строить лестницу. Но копытами много не построишь. А рук у верблюда не было. И он отбросил этот путь. Однажды он слышал от людей такое выражение «Попасть на небо». Да, ведь речь идет о верблюде, который понимал человеческий язык. Однако чтобы попасть на небо, следовало умереть. «А кем я буду в следующем рождении? — подумал верблюд. — Может, птицей, может, летчиком, а может, змеей. Хотя бы бабочкой. Но если я убью себя, то уж точно не взлечу на небо. Скорее моя душа будет бродить, не находя себе места».

И ему стало грустно. Он сел на песок, не обращая внимания ни на пустыню, ни на колючки, растущие вокруг. Он смотрел на

* Строка из поэмы Александра Галича «Кадиш».

небо, на редкие облака, на звезды, которые казались ему добрыми глазами верблюдьего бога, зовущего его к себе. И потихоньку горбы на его спине сплющились и обвисли как два осенних листа. Чтобы находиться в их тени, верблюд должен был придерживать их передними лапами. Он сидел так долго, что лапы приросли к бывшим горбам, а те расположились симметрично по обе стороны от позвоночника. Морда верблюда вытянулась и заостенела. И однажды он увидел над своей головой летящих через пустыню журавлей. О, как он захотел быть там, вместе с ними. И он повторил передними лапами движение их крыльев. И вдруг понял, что пока он сидел, лапы, сросшиеся с горбами, попросту превратились в крылья. Он взмахнул ими, раз, другой и взлетел. И теперь летает подобно журавлю.

— Он стал журавлем?

— Почти. Он понял, что его богом был полет. Но веравля, так его называют, или журблюда можно отличить от журавля. У него остались копыта на задних ногах. Поэтому среди журавлиных следов иногда можно увидеть следы копыт.

— Классно.

— Такие дела, — произнес Кристофер, снова обращаясь к звездам, — надо спать. Ты хочешь?

Он приподнялся на локте и коснулся ее губ.

— Спать? Нет.

Они когда-то были удачной парой. Крис умел улавливать ее желание и превращать его в свое (впрочем, часто было непонятно, кто кого захотел первым), правда, оно почему-то возникало в самых неудобных для интимного общения местах или в самое неудобное время. Потом наступил период увлечения Галкой Сэнди или Сэнди Галкой, и Кристофер исчез из ее жизни. А теперь вдруг она снова оказалась рядом с Кристофером. На пути в Екатеринбург. К Сэнди. Образец хипейной Санта-Барбары, как сказал бы Ян (см. отступление девятнадцатое). Но сейчас Крис не думал о Сэнди. Он был вместе с Галкой. Время и место тоже были вполне подходящими.

— Воды мало, да и палки нет, — отметила Галка.

— Какой палки? — Его пальцы уже начали медленное путешествие по ее телу.

— Ну, как этот фильм называется? Там, когда в степи трахаются, палку втыкают, чтобы все видели и не мешали.

— А... Урга. Мы когда-нибудь заведем специальный флаг.

— Всех цветов радуги.

— Хорошо, — прошептал он и легко, словно ветер, прикоснулся губами к Галкиным губам. В этот же момент реальный ветер зашелестел травой и полиэтиленом.

Желание порождает привязанности, а привязанности страдание. Страдать ни Крис, ни Галка не хотели, поэтому всегда с радостью реализовывали желания. И ветер, и трасса, которая была так близко, что фары редких машин, высвечивая невысокие кусты, гнали целый табун теней по траве, по листьям, по телам Кристофера и Галки, и зарево на западе — то ли закат, то ли Кустанай, и ночные степные звуки лишь увеличивали кайф и не могли обломать.

Глава пятая

Авария

Плохих звуков не бывает.
Все звуки хорошие.

И. Жук

Крис купался в Неве с мостков, уходящих далеко в воду, чуть ли не до середины реки. Эти мостки, — цепь мелких плавучих понтонов и большой, дальний от берега, где Кристофер оставил свою одежду, были закреплены якорями, и их не уносило течением. Рядом с собой Крис видел мост лейтенанта Шмидта и немногочисленных прохожих на нем. «Переименовали его в Николаевский или в Благовещенский? — возник и тут же исчез вопрос. — Какая, собственно, разница... Проплыли». Наконец он выбрался на площадку и оделся. Но стоило ему ступить на понтонную дорожку, ведущую к берегу, как ближайший мосток ушел под воду. Крис едва успел отскочить назад. Серая, а внизу черная вода хлюпнула, словно приглашая: ступай, ступай. И тогда Кристофер понял, что есть лишь единственный способ добраться до берега сухим — надо бежать. Бежать не останавливаясь ни на мгновение, бежать настолько быстро, чтобы мостки не успевали тонуть под тяжестью тела. И Крис побежал, прыгая с понтона на понтон — тук тук тук тук. От этих ударов он проснулся и сразу сел.

Никто не стучал. Где-то, метрах в ста, по трассе медленно ехала машина. Галка лежала с открытыми глазами и смотрела на небо.

— Доброе утро, — сказал Крис.

— Доброе.

— Я не разбудил тебя?

— Нет, я давно... Сама. Знаешь, как вставляет: лежать и смотреть.

— Угу. — Крис сплюнул в сторону, взял флягу и встряхнул ее. Та оказалась почти пустой. — По глотку?

Он отхлебнул и протянул Галке. Она, не поднимаясь, поднесла флягу к губам и допила остатки.

Вскоре они стояли на трасе, и Кристофер расставив руки, отплясывал танец самолета вокруг окончательно проснувшейся Галки и пояснял:

— Можно выращивать жесты как цветы... Вот, например. — Он поднял руку, оттопырил в сторону большой палец, расставил ноги на ширину плеч и гордо запрокинул голову. — Это действует на каких-нибудь здоровых чуваков. Они видят мое стронг боди, мою крепкую руку и останавливаются. Приятно везти уверенного в себе и своем пути человека.

Кристофер совершил очередной круг возле Галки и продолжил:

— А можно так... Словно тореадор на арене. — Он взмахнул рукой и вдруг стал намного тоньше: жест получился воздушный, легкий, как взлетающая бабочка. — Это для эстетов. Для тех, кто прикалывается к тонкой природе... Тут нужен и прикид соответствующий, и все такое... А вот, например, — Крис начал подпрыгивать, стоять рожи, энергично двигать руками. — Это для тех, кто любит беседовать, ибо человек, много говорящий жестами, говорит также много слов.

Галка слабо улыбнулась.

— Но есть еще один. Беспроигрышный. Показать?

— Покажи.

— Смотри. — Он подскочил к Галке, обхватил ее чуть выше колен и поднял так, что она завизжала. — Сажаешь герлу к себе на плечи и теперь...

Усадить на плечи даже легкое птицеподобное существо типа Галки оказалось непросто: Крису пришлось опустить ее на землю и подставить спину.

— Садись, садись... Теперь мы как капитан Врунгель, двойной высоты, это для тех...

— Кто любит повеселиться? — донеслось сверху.

— Нет, для тех, кто плохо видит, — ответил Кристофер. — Сиди, сиди, мы сейчас застопим.

И действительно, первая же машина остановилась.

Водитель оказался круглолицим, рыжим, белокожим, как все рыжие, дядькой в клетчатой рубашке, синих чистых джинсах и кепке «Чикаго Булз». Словно с какой-нибудь американской трассы. Крис подумал, что и окрестные (на сотни километров окрест) места — пустыни, степи, мелкосопочник (здесь уже не отроги Алатау, а настоящий, центрально-казахстанский) и даже дороги весьма напоминают Америку, ту, которую Крис видел в фильмах и на картинках. Только машина была совсем не американская — старенький зеленый КамАЗ с прицепом.

— Смешные вы, — сказал водитель, когда они сели. — Я не дели две назад таких же смешных до Омска подвозил.

— Таких же как мы?

— Похожих. Двух таких музыкантов с чемоданом. На нем еще струны. Смешные. Он как-то еще называется.

— Мамушка, что ли?

— Ну-ну, вот именно, Мамушка.

— Ого! Это же знаешь кто?! — Крис повернулся к Галке. — Это Волос, Махмуд. Шаманы из Сааремааа.

— Откуда? — спросил драйвер.

— Сааремааа. Вообще-то это остров в Эстонии. Но и как бы священная страна. Там растет сосна, которая является осью мира.

— Ну-ну. Те тоже сказки рассказывали.

— Сказанное слово уже создает определенную реальность, — наигранно-обиженным тоном сказал Крис, — и если я говорю, растет сосна, значит она действительно там растет.

— Ну-ну.

— Эта сосна растет на вершине горы, — Кристофер обращался уже к Галке. — И она совершенно не имеет веток. И на вершине этой сосны находится педаль.

— Педаль? — переспросил драйвер.

— Педаль. Ни один шаман в одиночку не может повернуть эту педаль. Но когда они собираются вместе и поют свои шаманские песни, педаль проворачивается.

— Ну и чего?

— Тучи разбегаются, на небе появляется радуга, идет солнечный дождь и прочие кайфы для всех живых существ.

— Ну-ну. Чего же мы тогда в такой жопе? — Водитель улыбнулся.

— Наверное, им вместе трудно собраться.

— А я сейчас вам о судьбе расскажу. Ну, такой солнечный дождь, что и жить не хочется. — Драйвер вздохнул. — Прошлой зимой работал я на трассе Питер-Москва. Здесь-то всего три месяца. В командировке. А Питер-Москва, Москва-Питер часто. Ну, еду, смотрю — идет по трассе человек. Совершенно черный, грязный, ну бомж-бомжом. И не голосует. А морозище... Ну, градусов десять. Туда еду, он в Волочке был, обратно, через два дня — уже у Выползова. Потом опять в Питер — снова его вижу, уже ближе к Крестцам. Ну, остановился, взял. Мне чего, я за груз не боюсь — железо. И он рассказал. Отслужил в армии, вернулся, девушка, как водится, за другого вышла. Ну, с горя напился, устроил дебош, кого-то случайно зашиб. Попал в тюрьму. А дальше — только выбрался из тюрьмы, деньги в поезде украли. Поехал до родителей, а те за два дня... того. Оба причем. Отравились, что ли. А он не прописан был, ничего ему и не осталось. И документов нет. Тогда он к армейскому другу. Приходит, а тот тоже... В петле висит. Так он и остался без всего, ну, вообще ничего нет и немного того, — драйвер оторвался от руля и покрутил пальцем у виска, — пошел в Питер пешком еще к одному своему другу.

— А чего не на собаках? — спросил Крис. — То есть не на электричках?

— А он всего боится. Без документов ведь. И вот идет по трассе, пешком, питается тем, что подадут. А где спишь, спрашиваю, холодно ведь. А он, оказывается, спит на колесах. Ну, на покрышках. Собирает две три грузовых покрышки, на одних спит, другие жжет. Так и обогревается.

— Прикольно.

— Жутко, — сказала Галка.

— А у нас в Питере есть для бомжей такой фонд, — сказал Крис. — Ночлежка. Ксивы выдают и прочее... Помогают реально. Там очень человеческие люди работают. Свои. Людочка Судзуки.

Крис снова стал проваливаться в воспоминания — скоро тридцать — срок большой, совсем олдовый стал, а Людка еще олдвоее, а Галка — маленькая совсем, ей лететь и лететь, хотя кто-то мерит время годами, а кто-то фазами окостенения, волевым износом, локальными смертями, так, уважаемый Боря Пу, забытый в болотах Гатчины поэт, так, что ли? «Мне под восемьдесят, у меня за плечами моя осень со всеми ее печальями», — Крис вспомнил его медленный скрипучий голос, вставлявший так, что некоторое время стихи других поэтов Кристофер просто не воспринимал.

— Вот еще один из ваших стоит.

Кристофер бросил взгляд на обочину и... увидел Алису. Белая футболка, джинсы, его собственный серый свитер, обвязанный рукавами вокруг пояса. Несомненно, это была она.

— Алиса! — Он перехватил недоуменный взгляд драйвера и Галки. — Я ее однажды на трассе встретил. Свитер отдал.

— Ну, — сказала Галка, — поправь очки.

— Да это она, точно. И свитер мой.

— Значит, ей не меньше пятидесяти, и она торгует дынями.

Водитель рассмеялся.

— Во-первых, это парень, во-вторых, у него...

Он недоговорил. От резкого торможения Кристофера бросило на лобовое стекло. Навстречу, раскачиваясь словно пьяный, летел КАМАЗ.

Пыльная морда грузовика стремительно надвигалась, и хотя время замедлило свой ход, его не хватило бы даже на то, чтобы распахнуть дверь. Крис увидел в двадцати метрах от себя три искаженных страхом лица, сверкающую в лучах солнца трещину на лобовом стекле, бумажку о техосмотре в правом углу, — его память словно сфотографировала это мгновение — все до последней детали. Он закрыл глаза, точнее моргнул, и в этот момент встречный КамАЗ немыслимым образом свернул, точнее, слетел

с полосы, перескочил дорогу, взбрыкнул кузовом, словно разъяренный бык, зарылся тупым носом в землю и, ломая кусты, повалился набок. Грохот пришел вместе с облаком пыли, выросшем над обочиной, вместе с писком Галки, потирающей ушибиленный лоб, вместе с глубоким выдохом драйвера.

— Ух! — Крис наконец почувствовал боль. Но стекло было цело, голова тоже.

Водитель пришел в себя первым.

— Живы?

— Угу, — сказал Крис и потянулся к очкам, которые во время удара слетели и болтались на цепочке. Он порадовался собственной предусмотрительности: цепочку он купил весной, просто ради прикола, а она вдруг оказалась весьма кстати.

— Как чувствовал. Неделю назад новые колодки поставил. — Драйвер распахнул дверцу, выскочил из машины и побежал к перевернувшемуся КамАЗу.

Кристофер, подхватив рюкзак, спрыгнул с противоположной стороны. «Бинт, анальгин — в ремнаборе, в заднем кармашке. Не зря брал», — мелькнуло в голове. Он бросил рюкзак на землю. Кабина была смята кузовом, Кристофер видел лишь вывернутое на сторону колесо и красно-черные металлические ошметки, оставшиеся от двери.

На обочине сидел водитель разбившейся машины. Все его лицо было залито кровью. Он размазывал ее руками по щекам однообразными автоматическими движениями — сверху вниз — и повторял высоким плачущим голосом:

— Приехал. Всё, приехал. Приехал. Всё, приехал.

Водитель, который вез Кристофера, успел вытащить из кустов второго. Тот тоже был в сознании и, мало того, неестественно оживлен.

— Через стекло вылетел, представляешь, даже видел, блядь, дорога, она в стороне, а потом смотрю — земля, трава! — кричал он. — И ничего не сломано! Отпусти!

— Там третий был! — Кристофер закричал еще громче, — где третий?

— Где третий? — повторил водитель, обращаясь к спасенному, словно тот мог знать, что стало с его спутником.

Кристофер продрался сквозь кусты к кабине. Под ногами покатилась картошка, вылетевшая из кузова, и он, поскользнувшись, больно упал на колени.

«Если он внутри, то давно уже умер», — подумал Крис, пытаясь склониться еще ниже и заглянуть в сплюснутую кабину.

Темно. Рядом, из покореженного бака с глухим бульканьем текла солярка. И тут Крис услышал стон. Не из кабины, со стороны кустов. Кристофер переместил взгляд и увидел тело — серый дрожащий комок.

— Эй! — закричал Крис и пополз к пострадавшему. — Он здесь! Крис получился каким-то сдавленным.

— Говорить можешь? — спросил Кристофер, склонившись над самым ухом раненого.

— Могу. Ноги... — Человек снова застонал.

Крис провел рукой по мокрой штанине. Кровь. Она пропитала ткань и стекала на землю, где успело образоваться заметное пятно. Стопа была неестественно вывернута. «Эк тебя перерубило. Так все вытечет». Крис стянул с себя через голову футболку, скрутил и, не разрезая брючины раненого — ножницы в рюкзаке, а ткань тонкая и не мешает, не обращая внимания на его стоны и конвульсии, наложил жгут, благо в палках для затягивания недостатка не было.

— Крис... — Он услышал позади голос Галки.

— Анальгин в кармашке. Тащи скорее. И тем дай по две таблетки. И флягу. А, черт, она же пустая... Не шевелись, — он засунул конец палки под ткань. — Сейчас мы тебя перенесем.

Зеленая трава, запах солярки и кровь, где сгустками, где просто пятна. Только сейчас Кристофер заметил, что и сам изрядно перемазался.

Крис помчался за подмогой. Пока он возился с третьим, успели подъехать две легковухи, и какие-то люди усаживали в жигуль обезумевшего драйвера.

— Здесь, в кустах, — крикнул Крис, — Помогите же кто-нибудь!

Через пять минут все трое потерпевших уже были отправлены в больницу. Крис подошел к «своему» водителю.

— Будешь ГАИ ждать?

— Надо бы.

— А мы тебе нужны?

— Зачем? — Водитель пожал плечами.

— Как свидетели.

— Нет, тут дело ясное.

— Мы, что ли, пойдем. Спасибо вам.

— Идите, идите, я вас догоню, возьму.

— Чего нам спешить? — спросила Галка. — Ехали бы с ним.

Крис обернулся. КамАЗ, который их недавно подвозил, успел превратиться в еле заметную точку на горизонте.

— А тебе охота разбираться с ментами. Кто, откуда, зачем?.. И так далее. Тем более, он догонит, возьмет. И еще. Я не успел сказать. Утром сон видел...

Крис рассказал о Неве и о мостках.

— Значит, ты считаешь, нельзя останавливаться?

— Это касается меня. Я доверяю снам.

— А мне уже которую ночь вообще ничего не снится.

— Снится наверняка. Сны просто не проявляются в сознании.

— Я знаю. Мне в городе много снов снится. Я даже записываю.

— Дело полезное. Ты же знаешь, по Кастанеде, практика сновидения, — в последнем слове Кристофер сделал ударение на ви, — одна из необходимых для становления воина. Кто сказал, что реальность, которая во сне, менее реальна, чем эта? Снилось ли Чжуану Чжоу, что он бабочка, или бабочке снится, что она — Чжоу?

— Да я и не спорю. — Галка улыбнулась.

— Я тоже так думаю. Хочешь одну притчу расскажу. Ты, наверное, ее знаешь.

— Рассказывай, рассказывай. Меня до сих пор трясет. А ты говоришь, и я отвлекаюсь.

— А ты подумай, ведь они все живы остались. Это же чудо! И сразу легче станет. Так вот, учитель дзен задал одному ученику

задачку. Типа коан. «Вот на тебя напали два тигра. Ты побежал от них и оказался на краю пропасти. И уцепившись за лозу, пополз вниз. А внизу два таких же страшных тигра. Ну, висишь ты на лозе и тут видишь, как две мышки выбрались из норки и начали перегрызать ее. Что ты будешь делать?» Что ты будешь делать? — Кристофер обращался уже к Галке.

— Не знаю. Попытаюсь отогнать мышей. Криком, например.

— Они не боятся крика.

— Тогда буду висеть и ждать.

— Но ты упадешь.

— Значит, судьба.

— Знаешь, что ответил ученик? «Я проснусь».

Крис развернулся и теперь снова шел спиной вперед, лицом к Галке и к машинам. Он вглядывался в их окна, пытаясь увидеть свою странную попутчицу. Кристофер был уверен, что на трассе, за минуту до аварии, он видел Алису, а Галка и водитель просто обознались — ведь КамАЗ, несмотря на свое техническое несовершенство, тогда гнал за сотню, а на такой скорости трудно разглядеть стоящего на обочине.

— Я слышала похожее, но совсем другое, — сказала Галка. — Про землянику. Там была не задачка, а притча. Тоже на монаха напали тигры, и он повис над пропастью на какой-то веточке, и появились мыши, стали ее перегрызать, и тут он увидел перед собой две земляничины. Он съел их.

— И какие же они были вкусные! — продолжил Крис.

— Да, это были самые вкусные ягоды в его жизни.

— Это почти одна и та же притча. Он **проснулся**, когда почувствовал вкус ягод. Или наоборот, он почувствовал вкус ягод, потому что **проснулся**. Точнее, пробудился. Обрел природу Будды.

— Один корень, — Галка улыбнулась, — Будда-будить.

— Что ж, сударыня. — Крис выпятил грудь и надул щеки. — Я беру тебя в ученики.

— И чему ты можешь меня научить, о учитель?

— Гнать вот по этой трассе разные телеги. А вообще-то, — Кристофер заговорил совершенно серьезно, — как считает один

весьма продвинутый человек, научить нельзя ничему. Можно научиться.

— Ты не смыл кровь, — сказала Галка, — на локте.

— В том, что они не останавливаются, чужая кровь не виновата. В Караганде умоюсь.

— Если мы ее не проедем.

— Вряд ли. В Караганде нет объездной. Трасса идет через город. «Караганда, Караганда, ты уголька даешь на гора-года»*, — пропел Крис.

Угольный город Караганда. Черный, как антрацит. Почему-то Кристофер с детства представлял его именно таким. Кара — значит «черный». Черная ганда. Каракалпакия — «место черных колпаков», Каракорум — «место черных корумов», озеро Каракуль — «место черных кулей», Карачай — «черный чай», Каратау, Карадаг. Карабас.

— Знаешь, — Кристофер остановил мысленную игру с самим собой, — недалеко от Караганды есть поселок Карабас.

— Карабас-барабас. Может Леша Толстой своего Карабаса здесь и нашел.

— Может. Но самое прикольное название я видел в Мордовии. Деревня Морг.

— А я помню Засосье... Не от засоса, а от реки Сось.

— Ой, таких до хрена, — Крис начал перечислять, — Большие Задержихи, Стремутка — это на Псковской трассе, и там же, то ли до, то ли после — Мараморочка. Представляешь, Мара — это богиня смерти, и мор — тоже ясно, а тут еще и уменьшительно-ласкательное...

— А знаешь, там же, на Псковской, есть Карма.

— А если ехать из Белоруссии в Псковскую, первая после границы Лобок. Представляешь, что дальше... За этой деревней.

— Да...

— Да, да... Я где-то слышал, что до первой переписи населения было много всяких Хуевых, Блядовых. Эти слова имели менее бранный оттенок, чем сейчас. А Петруша приказал пере-

* Строчка из песни А. Галича.

делать Хуево в Зуево, Блядово, скажем в Лядово, Гавнищино — в Ганищино и Гавнюшкино в Ганюшкино и так далее... Я это Гавнюшкино навсегда запомнил.

— А что?

— Есть такой поселок в дельте Волги. Я раз как-то... давно это было, ехал из Гурьева к Астрахани. Кстати, дельта Волги — это полная жопа. Куча речушек и через них понтоны. Сплошное торможение. Хотя, сейчас, может, мосты сделали. И вот думаю я об этих понтонах, как ехать через них влом, а тут и вечер наступает, спать пора. Остановился я на берегу одной из таких речушек, неподалеку от трассы и от этого самого Ганюшкино. А поутру проснулся какая-то баба корову мимо меня ведет и так пристально на меня смотрит. Нехорошо смотрит. А я не тороплюсь, сел, решил письмо другу написать, дескать, что застрял в дельте Волги как рыба в сетке, и вдруг вижу — подъезжают. Точнее, я слышу стрекот мотоцикла, вижу над травой три фуражки с красными околышками и понимаю, что это про мою душу — бабка навела. Та, что с коровой. Причем так картинно, словно в кино подкатили, сначала двое передо мной соскочили — с заднего сиденья и с коляски, а третий обехал и со спины встал.

Галка рассмеялась

— Ну, заходят, — продолжил Крис, — потихоньку сжимают кольцо, каждый, как в ковбойских фильмах, руку на кобуре держит. Хотя в кобурах-то, может, ничего и нет. «Не двигаться! — кричит один. — Руки вверх!» Представь, я сижу как придурок на земле, руки вверх поднял, словно некую молитву к небу отправляю. А другой тем временем в мою записную лезет: «Ага, — говорит, — шпионской деятельностью занимаемся. Документы пожалуйста». А я: «Руки опустить придется». «Опускай», — говорит первый. Ну, я им студенческий отдал, паспорта-то нет. Смотрю — мент уже студенческий разглядывает, там чего — музыкальное училище, а другой тем временем вещи шмонает: фотоаппарат нашел, открыл, пленку засветил, гад. В общем, полный беспредел. Затем меня как беспаспортного под белы ручки да в кутузу. А там, представь себе, я чуть самолет не застопил. Со мной

летчик местной авиации сидел вместе — за пьяные разборки в магазине, а так он на кукурузнике местные поля опыляет. «Если вместе выйдем, — говорит, — я тебя, брат, до Астрахани доброшу, мне все равно на заправку лететь».

— И...

— Вместе мы не вышли. Его жена выкупила, а меня четыре дня промурыжили. А когда я вышел, летчика искать уже не стал... Смотри-ка!

Кристофер развернулся. Белая помятая четверка, которая, казалось, пролетела мимо даже не притормозив, остановилась метрах в ста и теперь ехала задним ходом по направлению к стопщикам.

— Про нашу честь. — Кристофер побежал ей навстречу.

За рулем сидел стриженный ежиком толстяк. Круглая голова, толстые подушечки-ладони на руле, улыбка-полумесяц, розовое лицо и несколько не соответствующая этой розовости недельная щетина.

— Караганда! — крикнул Крис в раскрытое окошко.

Драйвер кивнул.

— Только мы не сможем заплатить.

— Залезайте. Я не такси.

Крис сел рядом с водителем, а Галка, скинув сандалии, расположилась, точнее легла, сзади — четвертая модель жигулей в этом плане весьма удобна — задние сиденья были превращены в спальное место.

— Издалека?

— Из Алма-Аты. Второй день идем.

— А далеко? — Драйвер продолжал улыбаться.

— В Екатеринбург. А потом в Питер.

— Так я вас до Темиртау довезу. Это за Карагандой.

— Отлично.

Драйвер оказался веселым и разговорчивым. С такими Крис любил ездить — нет необходимости самому напрягаться, можно слушать полузакрыв глаза и согласно кивать, подталкивая речь собеседника в трудных ухабистых местах. И ехать сколь угодно долго, хоть день, хоть два. Крис исправно слушал рассказы о тяжелой жиз-

ни угольщиков, о детях, об охоте и рыбалке и уже начал проваливаться в полудрему, как машина резко остановилась.

— Стоп, — произнес водитель, — ставят где ни попадя.

— Случилось чего? — встрепнулся Крис.

— Стоп. — Водитель кивком головы указал на знак «СТОП». — Раз поставили, остановимся и подождем. Небось в кустах сидят.

— Плохой знак.

— Самый поганый знак не этот. «Сорок».

— Чего?

— Знак «сорок». Попробуй не нарушь. Анекдот даже есть. Постояли, поехали дальше. Теперь не прицепятся, — водитель медленно тронул с места. — Приходит гаишник к начальнику. Говорит, мол, жена родила, денег нет. А тот ему: «На вот, возьми знак «сорок» и ставь где хочешь». А мне не везет на знак «стоп». Все время его не замечаю.

Через несколько метров они свернули и тут-же налетели на гаишника, энергично размахивающего жезлом.

— Вот сука. Я сейчас. — Водитель припарковал машину и пошел к менту. Их беседа продолжалась сначала на дороге, затем страж порядка повел толстяка к спрятанной в кустах гаишной шестерке и принялся показывать ему какие-то бумаги. Крис успел вылезти, прогуляться до кустов и теперь ждал на обочине. Галка продолжала спать на заднем сиденье.

— Ну что? — спросил Крис драйвера, хотя ответ был уже очевиден.

— Знак «СТОП». — Он развел руки в стороны.

— Но ты же стоял!

— Я стоял перед знаком, а он мне показал правило, по которому нужно стоять перед перекрестком, следующим за знаком. Да ну его в жопу. Не за это, так за что-нибудь другое содрал. Поехали.

— Они за все сдирают. — Крис продолжил тему недавнего анекдота. — Я слышал совершенно реальную историю про другой знак. «Остановка запрещена». Врезался, значит, гаишник на своей частной машине в припаркованную чужую. А хозяина

той, в которую врезался, на его гаишное счастье, нет. Что делать? Бегом-бегом к начальнику за знаком, воткнул рядом. Получается виноват тот, кто припарковался.

— Да таких анекдотов до фига. Хочешь?

— Давай.

— Вот, например. Жена гаишника привела к себе любовника. А тут муж возвращается. Любовник сразу под кровать. А муж видит, кто-то у жены есть, начал искать. Найду, говорит, убью. В чулан заглядывает, тут, говорит, нет, в шкаф — и тут, говорит, нет, за занавеску, и тут, говорит, нет, под кровать — а любовник оттуда ему стольник протягивает, тот стольник хватает и в карман. И тут, говорит, нет.

Крис рассмеялся. Хотя он уже слышал этот анекдот, причем от похожего толстяка с похожей интонацией. «Дежа вю. Я словно проезжал здесь в прошлом году с этим драйвером, только трасса почему-то была на Украине».

Там и тогда вместо степей да пустынь вдоль дороги тянулись поля подсолнухов, красивых, отороченных гривой солнечных лучей, цветов, поля, полные огромных черных глаз, способных целый день не моргая смотреть на солнце. И не важно, что к осени солнечные ресницы становятся коричневыми, стебли сгибаются под тяжестью черных скорбных голов, смотрящих уже не в небо, а на землю.

На этих воспоминаниях Крис неожиданно заснул. И проснулся на перекрестке.

— Приехали. — Водитель улыбался. — Мне на Актау, а вам прямо.

— Ух. Извините, заснул.

Сзади зашевелилась Галка.

— Нормальное дело, — сказал драйвер, — вон подружка твоя всю дорогу проспала.

— Спасибо.

Крис и Галка выбрались из машины одновременно.

Галка надела сандалии и теперь стояла на перекрестке, раскачиваясь после сна.

— Тонкое стройное дерево на ветру, — сказал Крис, — это ты. А я рядом — камень. Так и останемся в памяти этой дороги.

— Где мы?

— На трассе. — Крис вытащил стопник и раскрыл его. — Вот здесь.

— Где?

— Вот здесь, — Крис ткнул пальцем и зевнул. — Ты все равно ничего в картах не понимаешь.

— На карте все так близко. — сказала Галка.

Через минуту они уже стояли на главной трассе, и Крис разма- хивал рукой, пытаясь застопить очередную машину.

Но она была переполненной и не остановилась.

— ПЖО, — сказал Кристофер, — знаешь, что это такое?

— Знаю, знаю, — Галка улыбнулась.

Отступление девятое: О том, что такое ПЖО, а также о Чапаеве, Штирлице и Лао-цзы

О том, что такое ПЖО, я уже писал в рассказе «Кристофер: лето»:

«...Это слово некогда придумал Фил. Ныне он не вылезает из своего дома дальше ларька с пивом или тещиногo садоводства. ПЖО расшифровывается так: «Полна Жопа Огурцов». Это цитата из анекдота про Чапая. Не того, московского Чапая, а настоящего незабвенного и легендарного героя гражданской войны и одноименного фильма. Так вот...

Однажды Фурманов загадал Чапаеву загадку:

«Василий Иванович, что такое два конца, два кольца, посередине вин- тик?»

Думал Чапай, думал, наконец не выдержал:

«Не знаю».

«Ножницы это, Василий Иванович, — отвечает Фурманов. — А хоти- те еще загадку?»

«Давай!»

«Дом без окон, без дверей, полна горница людей».

Смутился прославленный витязь:

«Не знаю», — говорит.

«Огурец это, Василий Иванович».

«Ну, — думает Чапаев, — пойду Петьке загадаю, пусть поломает голову».

Нашел Петьку, говорит:

«Слушай, Петька, какую загадку мне Фурманов загадал: дом без окон без дверей, полна жопа огурцов».

«Вовсе и не смешно», — скажет кто-то, а кто-то и улыбнется, но ни тот ни другой не поймут, что в этой истории под видом загадки скрыт дзенский коан, а Петька не кто иной, как ученик Чапая, аскета-отшельника, пытающийся обрести природу Будды...»

Вообще, количество анекдотов, порожденных фильмами «Чапаев» и «Семнадцать мгновений весны», неисчислимо, некоторые из них трансформировались в притчи, распространенные среди «народа» еще в начале восьмидесятых, где Чапаев, как и Штирлиц, чаще всего представляется даосом, другом Лао-цзы, или дзен-буддистом с неизменной шашкой, Фурманов — непросветленным, туповатым учеником, а порой магом, Мюллер — фигурой вообще непонятной, то конфуцианского, то даосского толка.

Отсюда взяли рост уже авторские телеги типа тех, что в романе Пелевина «Чапаев и Пустота» (эта книга, восхитившая меня, неоднократно издавалась, и каждый может легко ее найти) или притч Ра-Хари*, которые уже много лет гуляют по интернету.

Приведу некоторые из них.

Но сначала — анекдот из собрания Степана Маркельча Печкина (калька довольно известной истории о дзенских мудрецах):

«Василий Иваныч, Петька и Фурманов сидят на берегу Урала и задумчиво курят траву. Плавно выдыхая дым, Василий Иванович с чувством говорит:

— Да...

— Да!.. — мечтательно произносит Петька.

— Да-да... — подтверждает Фурманов.

Впоследствии Василий Иваныч выговаривает Петьке:

— Фурманова больше пыхать не бери! Болталив!»

* На самом деле под псевдонимом Ра-Хари скрывался Сурья, прототип Сурьи из пятого отступления.

А теперь пару-другую притч от Ра-Хари:

81. Однажды В. И. Чапаев встретил Лао-цзы и разрубил его шашкой. На это Лао-цзы отвечал: «Теперь есть два Лао-цзы».

92. Как-то пошел В. И. Чапаев к Лао-цзы и часа три донимал его разговорами о смысле существования. Последний его вопрос был: «Ну так почему же, как я ни стараюсь — не медитируется? Что же главное для медитатора?» — «Главное — это возможность быть одному когда захочешь и сколько захочешь», — с улыбкой ответил Лао-цзы.

162. Как-то раз решил Фурманов сделать миллион долларов. Пришел он к Лао-цзы и говорит: «Давай я построю тебе большой ашрам, сделаю рекламу, напишу о тебе книги, и деньги будут наши. Тебе и делать ничего не надо будет, только сиди, улыбайся...» А Лао-цзы сидел себе и улыбался и ничего не ответил.

165. Сидит как-то В. И. Чапаев под деревом Бодхи и точит свою шашку. Проходит мимо него Лао-цзы и спрашивает: «Ты чего это шашку точишь?» — «Да вот, собираю я завтра здесь семинар группидеров, ну и решил, что лучше их уж всех сразу...» — «Ну а сам-то ты тогда кто?» — с улыбкой спросил Лао-цзы. Подумал Чапаев и разрубил себя шашкой.

167. Однажды целая команда начинающих медитаторов пришла к Лао-цзы и давай его спрашивать о Смысле Существования. Час спрашивает, два спрашивает, Лао-цзы хотел уж В. И. Чапаева звать, но последний вопрос был задан: «Ну как там?» — «Так же как и здесь, только никто не доебывается». — устало, но с улыбкой ответил Лао-цзы.

Следующая была не ПЖО, но тоже не остановилась. Тогда Крис отцепил гитару.

И пошло-поехало: Крис играл и пел, а Галка изображала девочку на подпевках, затем они танцевали, и Крис учил Галку шаманским танцам типа «Мамушки» или «Стояка и коровяка», затем Крис снова играл, а Галка уже сидела на обочине, изображая пипл, который вставляется от его незамысловатых песен, затем Крис убрал гитару и достал книжечку поэта Мандельштама, и они принялись гадать на стихах, называя номера строчек и страниц. У Галки вышло на «Я список кораблей прочел до середины...», а у Кристофера «И блаженное бессмысленное слово...».

На этом остановилась машина. Ауди. И водитель-казах, который гнал и гнал, ни о чем не спрашивая, напевая про себя мотив, такой же бескрайний, как и пустынные места вокруг, и это длилось не пять и не десять минут, а час за часом.

Этот мотив заполнил голову Криса, не оставив внутри ни одной мысли. Дорога — закат, дорога — сумерки, дорога — тьма, лишь искры редких ночных насекомых в свете фар.

Водитель высадил Криса и Галку в предместьях Акмолы, они пошли гулять по городу в поисках места для ночлега, миновали новостройки и вскоре оказались на окраине, растянувшей вдоль дороги светящиеся ларьками берега, где торговая жизнь, и круглосуточное пиво, и круглосуточная хавка, а чуть в сторону — уже темно-темно, лишь редкие окошки одноэтажных домов да потягивание собак. На тротуаре под фонарями вовсю торговали хлебом, печеньем и прочей снедью.

«Смотри, Крис, какие прикольные тени: вот одна вырастает, затем умалается, тускнеет, а другая за спиной уже набирает силу, и чем тень меньше, тем она резче, в этом есть некий смысл, некая аллегория. Под кислотой, может, и врубишься, и пройдешь глубже в этот танец теней, а сейчас не стоит заморачиваться, просто в кайф идти и наблюдать, как тени меняются, тянутся к торговкам, словно любопытные покупатели, но мы сами ничего не покупаем...»

«Нам много ль надо? Краюху хлеба да каплю молока» — ты прав, Велимир, Гуль-Мулла, подметавший клешами пыль Ирана и Туркменистана. Таким Крис его представлял. «А вот воды бы не помешало — пить хочется, да и фляжку надо заправить».

— Должна быть колонка, — сказала Галка.

— Или колодец.

— Акмола большой город. — Крис зевнул. — Здесь обязательно будет кран.

— Хорошо бы. Я из колодцев не пью. А вскипятить негде.

На перекрестке стояли люди с ведрами. Полуотвернувшиеся в разные стороны местные жители и... возле крана с водой совершенно нетипичная для востока сцена: голая девица на кор-

точках и рядом с ней — парень в темных джинсах и футболке. Парень поливал ее из канистры, а она, подставив голову под струю, энергично ворошила соломенные короткие волосы.

— Пиплы! — увидев Криса и Галку, девица подпрыгнула: капли воды рассыпались вокруг нее искрящимся дождем. — Идите к нам!

— А мы к вам и идем.

— Надо же! С трассы? — продолжала радостно вопить девица. Кристофер подошел ближе.

— С трассы, однако. Не холодно?

— Не холодно. Мы сибиряки, — вяло произнес парень. Короткая стрижка ежиком, ботинки, кожаный ремешок на шее, он походил на питерского Свина образца начала девяностых, лидера группы «АУ», российского первопанка, героя множества прикольных историй и анекдотов, которые давно уже существуют отдельно от него.

Отступление десятое: Одна из самых популярных историй о Свине

Однажды Свин поспорил с друзьями, что нагадит у дверей квартиры небезызвестного лидера группы «Аквариум» Бориса Гребенщикова. И это ему с успехом удалось. А Гребенщиков тогда еще на Софьи Перовской в коммуналке жил. На самом верхнем этаже. Ну, сделал дело, гуляй смело. Да не тут-то было. Оказывается, соседи БГ успели вызвать милицию, которая не заставила себя долго ждать. Так что не успел Свин до второго этажа спуститься, как увидел ментов. Он и ухом не повел, поднялся вновь на пятый, взял свою кучу в руки и пошел навстречу ментам. Представители закона zenки вылупили, а брать панка как-то застеснялись. Так и вышли из парадной: впереди Свин свежие экскременты, словно Данко сердце, несет, за ним — доблестная милиция, за милицией — любопытные... На Невском менты отстали: дескать, что с больного возьмешь.

Сам Свин утверждает, что эта история полностью выдумана. Но пересказывали ему ее неоднократно. Даже на допросах в тогда еще существовавшем КГБ.

«Панки отмывают грязь, — подумал Крис. — Звучит почти абсурдно».

— Свищ, полотенце, блин, — закричала девица, — тащи полотенце!

— У Клеща в бэге.

— Блин.

Крис вспомнил, как Свин рассказывал ему о наличии молодых пионеров-двойников: «Есть второй я, второй Вилли, второй Скандалист. Тусуются где-то возле Московского. И прикид копируют и волосы».

«Свищ звучит почти как Свин, — подумал Кристофер, — и выглядит похоже».

Вскоре подошел и Клещ — маленький крепкий человечек лет семнадцати с ирокезом на голове и большим рюкзаком за спиной.

— О, пиплы! — Клещ был рад случайной встрече не меньше остальных. — Пиво пьете?

— Пьем. — Крис улыбнулся.

Панки никуда не спешили. Они работали в лавке какого-то акмолинского бабая по имени папа Чуло грузчиками-уборщиками, курили анашу, пили пиво и каждый день собирались стронуться с места. Так продолжалось уже вторую неделю. Жили они в сарае неподалеку от дома самого Чуло. И, судя по всему, пользовались покровительством этого человека — никто из местной гопоты панков не обижал.

Пиво пить начали уже по дороге к панк-резиденции, а продолжали во дворе, под старым бесплодным деревом — то ли яблоней, то ли грушей. Панки петь не умели и раскрутили Криса на маленький сольный концерт — некоторые блюзы вполне вписывались в их традицию и после пива были приняты на ура.

Сам же Кристофер после песен и пива «сильно устал», лег на землю и вскоре уже не говорил, а только слушал.

— Ну вот, пришел я к Юрику Тимошкину, — рассказывал Свищ, — помнишь, его еще Химиком звали, а он такой забавный чувак был, сам себе полигон, блин. Все на себе проверял, все, чем мазался.

Кристофер лежал с открытыми глазами, но разговор казался ему происходящим где-то в другом измерении, в другом пространстве, отгороженном временем и расстоянием. Как радиопередача или магнитофонная запись. На Радуге такие посторонние застенные разговоры так и называли — радио.

— Хе. Кхе-кхе. — Свищ прокашлялся, и это напоминало по-мехи, ворвавшиеся в передачу о некоем Химике.

— А почему был, — спросила стриженная девушка, прозвище которой было сросшимся из двух слов — Внатуре, — он умер?

— Не знаю. Я его год не видел. Говорят, в дурку попал. Крепко. Ну вот, пришел к Юрке, а тот сидит с какой-то банкой. Машина на столе, и все такое.

— Хе-хе.

— Вот, говорит, сварил, но ты подожди, сначала я себя, а если приход будет, то и тебя. И, значит, вмазывает. А потом вот так сидел. — Свищ выпрямил спину и широко раскрыл глаза. — Плюх на пол. Ну я, блин, к нему, глаза, блин, мертвые, не двигаются. А я и забыл, что делать. Скорую вызвать, так тут эта банка, препараты, машина. Да дырки у него повсюду. В общем, пересрался...

Кристофер вдруг вспомнил, как этой весной он ехал на собаках с Федей-флейтой и в первой же электричке пошел по вагонам в поисках своих: вместе ехать веселее и контролеры менее опасны. Электричка оказалась почти пустой, он обнаружил лишь одного растамана по имени Остин. Одет тот был, вопреки обыкновению, цивильно — в серый костюм и черный берет, лишь дреды, темными гусеницами выползающие из-под шапочки на воротник, выдавали истинную природу Остина. На коленях замаскировавшегося воина Джа стоял внушительных размеров саквояж.

— Привет.

Остин привстал с деревянной скамейки, пожал руку Крису, затем Федору и указал на пустые места напротив.

— *Нарта Остина большой такой. Вместе поедem.*

— Чего ты такой цивилизный? — спросил Крис. — Просто не узнать.

— Остину опасно на собаках нецивильно ехать. Остин даже билет берет.

Вскоре выяснилось, что саквояж Остина был полон травы.

— Однако Остин едет жена возвращать, — пояснил Остин, полностью переходя на язык посвященных шаманов из Сааре-маа. — Геолог Жан хитрый, мой жена увез.

— А как же ты ее вернешь?

— Остин тозе хитрый. Остин геолог* трава везет. Геолог ганджа покурит, жена вернет. Остин ему скажет, возьми, геолог, много-много трава, а жена мне верни. Чужой жена увозить нехорошо.

В Окуловке между поездами появилась дыра в несколько часов, и они втроем, закупив пива, хлеба и сыра, отправились в лес. До самого леса добраться не удалось: по случаю весны ручей, отделяющий окраину деревни, поля от очередных полей, за которыми — настоящий лес стал непроходимой рекой, и псевдопутешественникам пришлось остановиться под тремя березами возле огромной кучи свежесрезанного хвороста, тотчас ставшей для Кристофера мягким пружинистым креслом. Топлива для костра было предостаточно, и вскоре Крис ощутил тепло под ногами — он продолжал лежать горизонтально, и если бы мир поднялся вместе с ним, то огонь оказался бы именно под ногами Криса. Маленькое лето, растущее снизу, подбрасывало в воздух искры, дышало белым дымом-паром, воздух дрожал, и облака танцевали.

Вскоре Кристоферу пришлось-таки встать. Начали трапезу и ритуальное курение травы. У Остина всегда было наготове несколько забитых чистой травой (а чаще — бошками), без примеси табака, косяков. Они хранились в портсигаре, на котором был отштампован-отчеканен рыбак, удивительно похожий на Максима Горького, он тащил большую рыбу, удилице было изогнуто, тело напряжено, ветер трепал полы пид-

*О том, кто такие «геологи» и что такое Сааремаа, см. Отступление одиннадцатое.

жака. Причем, как часто бывает у целомудренных советских художников, то ли подвернутая пола пиджака, то ли конец удилища упирался в пах Максима Горького и напоминал вставший член. И вся картинка выглядела как сцена мастурбации Максима Горького на небо.

После второго косяка Федя медленно и как-то вяло произнес:

— Странно, все зеленеет.

— Весна, однако, — сказал Остин.

— Чего-то ты нехорошо выглядишь, — сказал Крис, — стоит пропустить.

Федя пропустил. Через несколько мгновений Крис снова бросил на него взгляд. Тот молча продолжал стоять спиной к дереву — бледная гипсовая фигура.

— Эй. — Крис дернул Федю за руку.

— Я ничего не вижу, — еле слышно проговорил Флейта и начал медленно сползать на землю. Лицо из гипсового стало восковым, как у покойника.

— Федя!

Тот уже не отвечал.

— Федя, очнись! — Крис ударил его по щеке.

Никакой реакции. Остановившийся взгляд.

— Не нравится мне все это. — Кристофер схватил Федора за руку, пытаясь нащупать пульс. И тут почувствовал нечто зловещее и недоброе, растворенное в пространстве и сходящееся в Феде.

Остин покачал головой.

— Подожди, сейчас попробуем.

Он снял с шеи варган, поднес к губам, и жесткий звук поплыл между деревьями, постепенно превращаясь в нечто большее, чем просто звук, в сгусток древней силы, разрывающей время и пространство: Крис всей кожей ощутил вибрацию, словно незримая струна появилась между Федором и Остином, она гудела от напряжения, перетаскивая Флейту с того света в этот.

Лицо Феде покрылось красными пятнами. И Кристофер, наконец, нашел пульс.

— Уф, — сказал он. — Жить будет. Неужели трава может так срубить?

— Не трава. Злой... — Остин сделал паузу, подбирая слово, — дух такой.

— Федя! — Крис принялся хлопать Флейту по щекам.

Тот постепенно пришел в себя.

— Никогда такого не случалось, — вяло произнес он, — я, правда, целую ночь не спал.

Воспоминание пролетело мгновенно, и Крис даже успел дослушать рассказ Свища.

— Ничего, так полежал, блин, потом зашевелился, сел. Потом говорит, — Свищ засмеялся. — Нет, тебя я этим вмазывать не буду.

— Это как в анекдоте, — сказала Галка, — про торчка и варщика. Знаете?

— Нее...

— Приходит торчок к варщику, говорит: «Свари мне что-нибудь такое: чтобы приход был уух». «Какой-какой?» «Ну, чтобы так вставило, чтобы просто...» — Галка, видимо, изобразила жестами, какой должен быть приход, и все рассмеялись. — «Ладно, — говорит варщик, — сделаем». Ну, сварил он, значит, какую-то супердурь, торчок вмазался. Лежит, закрыл глаза, действительно — уух. Ну, открывает, говорит: «Да, варщик, круто...» А тот в ответ: «А я не варщик, я — апостол Петр».

«Неужели нельзя о чем-нибудь другом. Написать на радиостанцию, чтобы изменили программу передач. Там торчки, здесь торчки. А о чем говорят музыканты? О торчалове тоже. О туфте всякой. Редко о музыке. Музыку слушать надо. Среди музыкантов людей нет, — Крис представил долговязую фигуру Вани Жука, тот гнал смешную телегу о музыкантах и одновременно с этим наигрывал на гитаре какой-то весьма замысловатый пассаж, — а вот музыканты встречаются».

Отступление одиннадцатое: Немного о геологах и жителях Сааремаа

Понятие «геолог», т. е. «не шаман» (весьма условное, ибо в определенной ситуации геологом может стать любой член колхоза Сааремаа, любой шаман или гость), появилось еще в то время, когда Сааремаа находилось в Токсово. Однажды Крис приехал туда в гости к Волосу, Гарику и Махмуду и застал первого за изготовлением барабана, а двух других — за чашками чая. Между ними происходил следующий разговор.

— Знаешь, однако, я в тундра ходил, геолог нашел. Два года живет, олешка пасет. — Махмуд улыбнулся. — Видись, зарос как.

— У нас в Сааремаа нетту геолок. — Гарик откинулся назад, распрямил спину и сделал серьезное сосредоточенное лицо. — Только кит.

— Ымкой, однако, назвал. Эй, Ымка!

Волос продолжал натягивать барабан.

— Видись, Ымка тундра много ходил, совсем худой стал. Ымка!

— Ну. — Не отрываясь от барабана, откликнулся Волос.

— Однако видись, слусает. Раньше совсем дикий был.

— О! Тиккий геолок плохо, — серьезным тоном продолжал Гарик, и Крис отметил, что если бы они веселились, игра была бы не столь натуральной. Он вспомнил давнишнюю телепередачу, где Курехин, тогда еще живой, с помощью каких-то совершенно абсурдных псевдонаучных сцен доказывал, что Ленин является грибом, но в один из моментов великий шоумен не выдержал и начал смеяться. И это немного испортило игру. Телегам желательно быть абсолютно серьезными. — Лес рупит, земля копает.

— Ымка, сосед ко мне пришел. Праздник делать будем. Хлеб будем кушать.

— О, та. — Гарик энергично принялся резать привезенный Кристофером батон. — Это хороший булка. Из Сааремаа.

Волос подошел, взял кусок и принялся намазывать его маслом.

— Однако Ымка кушает много. Еда мало-мало. Возьми сосед, Ымку. Олешка твой пасти будет. Торговать олешка будет.

— Это как? У нас в Сааремаа олешка нетту. Только кит.

— Однако Ымка хитрый. Олешка продавать, кит продавать. Все может. Весь мой олешка продал, деньги в тундра убрал.

— Хитрый Ымка — некороший Ымка. Кормить натта, отевать натта. Зима долгий. Ты косяин, упей Ымка.

— Однако жалко. В тундра смерть плохо.

— Зачем тундра. Я теппе каяк дам. Пусть море иттёт кита искать.

— Ымка хитрый. Каяк ходит умеет.

— Так я теппе тырявый каяк дам. Ымка кит искать путтет, быстро утонет.

— Однако можно.

— Та-та! У нас в Сааремаа море тонуть хорошо, земля умирать плохо. Тафай твой Ымка спросим, хочет он море тонуть или земля умирать.

— Эй, Ымка.

— Ну.

— Что ты хочешь? Море тонуть хочешь? Мы теппе каяк дырявый татим, кит искать.

— Уф, достали. Телега.

Глава шестая

В сторону Кустаная

В сторону Кустаная
смотрит Караганда,
но взгляд ее обгоняя,
тянутся провода

в сторону Кустаная,
где небеса слюда,
путник не оставляет
ни одного следа...

Д. Г.

Солнце уже скрылось за холмом, но ночь опаздывала, сумерки казались бесконечными. Крис лежал на спине и смотрел в плоское белесое северное небо, где комар и птица одинаковой величины, ибо комар низко, а птица высоко — так машины, идущие по трассе, оставшейся в низине, издали — всего лишь цветные жуки... «Дети, играя в машинки, становятся повелителями мира жуков», — с этими мыслями, под шелест травы и писк одинокого комара — здесь, на склоне, их всех сдувало ветром, и лишь один, особо стойкий или особо хитрый, пробравшийся по низу, под защитой листьев, гудел возле самого уха, мельтешил перед глазами, Кристофер начал было проваливаться в полудрему, но вдруг услышал шаги. К нему приближался человек — невысокий крепкий мужчина лет шестидесяти. Морщинистое обветренное лицо, кепка, скрывающая седые стриженные волосы, короткая серебряная борода. На нем был серый свитер с обтрепанным полурасползшимся воротником, старый, невнятного темного цвета пиджак и такие же брюки, заправленные в кирзовые сапоги. В правой руке он держал короткую, около полуметра, палку, которой, казалось, раздвигал воздух перед собой. Крис почему-то был уверен, что незнакомец — местный пастух.

Кристофер приподнялся на локте и поздоровался. Тот улыбнулся в ответ и, усевшись напротив, принялся разглядывать Криса.

«Вот, рано с трассы ушел, а теперь еще этот!» Однако Крис чувствовал, «этот» доставать не будет. Крис еще раз посмотрел на незнакомца. «Где я мог его видеть? Несомненно, где-то я его видел. Впрочем, внешность довольно типичная, и при моих всегдашних «дежа вю», при моей близорукости всякое лицо будет казаться знакомым, — возразил Крис сам себе и в этот момент вспомнил князевского соседа, Мишу, работавшего в совхозе пастихом. — Конечно же, он похож на Мишу, поэтому я и окрестил его «пастихом».

— Устал? — спросил незнакомец.

— Очень.

— Пойдем.

— Но я уже лег спать. — Крис не представлял, куда зовет этот дядька, однако встал и принялся собирать спальник.

— Оставь. — «Пастух» уже шел в сторону холма, на котором росло несколько берез. Их силуэты на фоне оранжевой закатной полосы были похожи на застывшие фонтаны. Крис обернулся: внизу, там, где проходила трасса, уже стояло молочное озеро тумана. Незнакомец подождал, пропустил вперед... Крису почему-то казалось очевидным, что «пастих» должен пропустить его вперед, а сам идти позади. Теперь Кристофер чувствовал его дыхание, каждый выдох незнакомца подталкивал Криса в спину, в область сердца. Хотя склон был довольно крутым, «пастих» дышал ровно.

Вскоре Крис оказался на самой вершине лицом к желтым, оранжевым, красным разливам над горизонтом. И вдруг он почувствовал на своем плече руку незнакомца. Словно сверху упал осенний лист.

— Не смотри на закат, — донесся сзади тихий голос, — он отнимает силу.

— Но зачем ты привел меня сюда?

— Ты пришел сам. Ждать восход.

— А он, что ли, приносит?

Незнакомец не ответил. Кристофер обернулся. Позади никого не было. Только сумерки, темные холмы, тропинка уползающая вниз, в туман, и несколько деревьев, которые угадывались лишь потому, что Крис запомнил их, когда поднимался.

— Эй! — закричал Кристофер и вытянул руку, трогая воздух, в котором растворился незнакомец, — Эй!

— Крис, Крис, — раздался возле самого уха голос Галки, — не кричи.

Крис открыл глаза: крона дерева — ажурный зеленый потолок — собирала и рассыпала повсюду солнечные зайчики.

— Ого. Вырубился не помню как.

Галка лежала рядом, на спине. Крис вылез из-под спальника и сел. Вчерашних панков не было, но следы их пребывания в виде многочисленных пустых бутылок окружали Криса со всех сторон. Он обернулся — на двери сарая висел замок: панки ушли на работу.

— Сколько же времени?

— Девять... или десять.

— Смотри-ка, какой нынче панк пошел, — Крис зевнул, — со сранья работает.

— Для некоторых — это уже середина дня. Они в семь ушли, меня разбудили, — ответила Галка.

— Ну и будила бы меня тоже. А то всякая чушь снится. — Крис принялся рассказывать сон.

Галка слушала не шевелясь, безучастно глядя вверх.

— И главное, видел я этого мужика где-то, но где? Убей Бог, не помню, — закончил Крис.

— Меня даже зависть берет. Каждый день кино смотришь. То ли сны у тебя красивые, то ли ты рассказываешь красиво...

— Для меня они много значат.

— А про закат я от Ирки слышала. Он действительно отнимает силу. Восход же, наоборот, приносит.

— Впрочем, я на закат особо не смотрел. Даже во сне. Правда, и восход проспал. Так что баланс силы соблюден. Будем собираться?

Днем улицы оказались совершенно другими. Одно-двухэтажные дома в палисадниках, цветные заборы, сирень, малина, вездесущая крапива — словно не Казахстан, а какая-нибудь Московская область. Ближе к центру — стандартные пятиэтажки, не имеющие национальной принадлежности — что здесь, что в России, что в Африке — одинаково безликие. Другое дело, когда по белому кирпичу или штукатурке выложен простой орнамент или раскрашены балконы — дома сразу приобретают лицо, оживают.

Хлеб и сыр, купленные в придорожном магазине, плюс вода во фляге — вот весь завтрак. Они ели прямо на ходу, отламывая горячие куски буханки и укладывая на неровную пористую хлебную губку пластинки сыра. Вдоль трассы тянулась бетонная ограда — завод или автобаза, и длина ограды была длиной их завтрака: последний кусок хлеба, уже без сыра, исчез, как только кончился забор. Впереди же предстоял десерт — торговцы фруктами: цветной ряд людей вдоль дороги, у которых можно аскануть или купить арбуз-дыню-персик-яблоко...

— Вот и десерт на подходе, — сказал Крис. Даже во время еды он успевал взмахивать рукой с псевдобутербдом перед каждой попутной машиной. — Чего вы желаете, сударыня?

— Пожалуй, что яблок.

— Тогда соблаговолите оставить во фляге немного воды. Ибо эти чрезвычайно полезные для полости рта, как, впрочем, и для всего тела, фрукты следует мыть.

Но начал Крис с торговли, по одну сторону которой лежала зеленая гора арбузов, а по другую желтая — дыни.

— Нет ли у вас каких-нибудь побитых или попорченных, — обратился он к ней, трогая взглядом, словно проверяя на подгнилость, трещиноватость и помятость дынную гору, — которые все равно не продадите?

Этот вопрос, заданный на базаре в Симеизе десятку-другому торговцев, приносил такое же количество халявных подпорченных, а на деле самых спелых фруктов-овощей-ягод, ведь подпорченность, от которой воротили нос богатые цивилизные

отдыхающие, состояла в этой самой помятости или трещиноватости, и если плохую, как правило, весьма незначительную часть, обрезать, остальной фрукт-овощ-ягода был весьма и весьма вкусным. Лагерь на «Кипарисах» кормился таким образом целых два месяца. Однако стоило отъехать от Симеуза в Симферополь, халявных фруктов становилось все меньше, ибо в их стоимость начинала входить цена доставки. У торговцев на трассе найти бесплатную дыню было еще труднее.

А здесь тем более: бахчи остались в тысяче километров позади, но Крис рискнул, и в итоге — вот они: арбуз, дыня, а также яблоки, купленные почти за бесценок после долгой торговли.

Галка зажала бок яблока зубами, раздула щеки.

— Ты похожа на хомяка. — сказал Крис, — который как ни старается, не может засунуть за щеку... чего там хомяки едят?

Крис задумался. Галка успела откусить и прожевать, когда он наконец придумал, что же такое хомяк не может засунуть за щеку.

— Ты похожа на большого хомяка, который пытается съесть маленький колобок.

— Уже нет. А ты сам можешь засунуть яблоко целиком в рот?

— Вот еще. Знаешь историю про чувака, который лампочку в рот засунул?

Галка хрустнула яблоком.

— Знаешь, такие круглые лампочки на сто ватт. Или там на семьдесят пять. Засунуть-то засунул, а вытащить никак.

Галка, продолжая жевать, рассмеялась.

— Вот значит, — продолжил Крис, — перепугался, не дай бог челюсти сведет, так вообще засада. Представляешь, лампочка во рту лопнет. Друг рядом был, повез в травму. Там врач вколол что-то, — Кристофер указал на щеку, — челюсть отпустило. Значит, лампочку вытащили, дали ему в руку. А чуваку и спасибо-то не сказать, так с открытым ртом и остался. А врач говорит, ничего, лекарство рассосется, отпустит. Приятель его взял мотор, поехали они назад. Разговорились с таксистом, тому интересно,

что за человек такой, челюсть отвисшая, лампочку в руке держит. Друг все и рассказал, что лампу в рот засунул, назад никак. Я и сам, говорит, не понимаю. Ну и сдуру стал таксисту показывать — та же история. В итоге — снова в травму. И — уже двое с отвисшими челюстями.

Крис так натурально изобразил потерпевшего друга потерпевшего, что Галка уже не могла жевать. Да и Крис вынужден был прервать рассказ — ее смех отразился в нем самом.

— Это еще не все... Таксист, естественно, тоже не удержался. Слава Богу, недалеко отъехал, вернулся в травму, а там в коридоре света нет. И врач вот такой. — Крис в очередной раз изобразил человека после поедания лампы.

— Надо попробовать.

— Лампочки нет. Да куда-бы я тебя повез?

— Можно на груше, например.

— Грушу в следующий раз купим.

Дыня и арбуз потребовали остановки — на ходу не съешь.

— Бесконечный пикник на обочине, — сказал Крис, — скоро полдень, а мы никуда не едем.

— Зато в кайф едим.

— До Кустаная отсюда около семисот.

— Как от Питера до Москвы. Один день.

— Здесь другие мерки. Не та трасса. Здесь, слава Богу, еще тепло, а вот в России уже осень. Дубак.

— А что это за герла, которой ты свитер отдал?

— Запомнила? Ревнуешь, что ли?

Кристофер почему-то не хотел рассказывать об этой странной встрече.

— Еще и трахнул, небось? — продолжила Галка.

— Почему обязательно трахнул?

— По тебе видно.

— Ну, знаешь...

— Да не парься, — Галка улыбнулась, — я не против. К тебе на трассе любая герла приколется. И я тоже вот. Она прильнула к Крису и поцеловала его в губы.

«Вкус дыни и свежих яблок, — подумал Кристофер, — Галка, Галка, птица летящая, как можно тебя не любить».

Отступление двенадцатое: О Галке

Совершенно неожиданно, когда я уже написал половину книги, а все, что в ней — не выдуманно, а просто записано, даже некоторые персонажи порой имеют те же имена, что и существующие вне текста реальные люди (но на всякий случай скажу стандартную фразу — любые совпадения случайны. Можно считать, что персонаж текста и одноименный герой этой жизни — всего лишь тезки, живущие по разные стороны кривого зеркала, они порой совершенно непохожи друг на друга. Однако называя, мы уже протягиваем невидимые нити между тем и другим, и в зеркалах появляются двери, и взаимовлияние неизбежно... Читая чужие тексты, я и сам попадался на удочку несовпадений: так, в рассказе моего друга, писателя Павла Крусанова, легендарный доктор Буги, психиатр, бескорыстно отмазавший немало хороших людей от армии, вдруг стал совсем другим — талантливым и циничным шутником. Я знал доктора Буги и пил с ним портвейн на Петроградской, я даже слушал его безумные пьесы, которые Александр Михайлович, так его звали, вместе с бутылками и психиатрическими бумажками носил в своем неизменном старом кожаном портфеле, и, прочитав Пашин рассказ, вдоволь отсмеявшись, вдруг почувствовал некое возмущение: «Нет, доктор Буги совсем не такой!» Лишь потом пришло осознание — это другой доктор Буги. Доктор Буги параллельного мира. А потом, в книге Наля Подольского, я нашел третьего доктора Буги — сторчавшегося, но весьма талантливого психиатра-гипнотизера и афериста, пишущего сценарии. Наль, правда, прозвище оставил, но имя-отчество изменил. Теперь, после этих строк, уже появляется четвертый — доктор Буги моего текста, и т. д.), так вот, совершенно неожиданно я вдруг заметил, что Галка в книге присутствует как некий подмалевок, декорация, на фоне которой происходит движение Кристофера.

И я спросил себя: «Разве она здесь лишь для того, чтобы все его телеги не летели в пустоту, разве она безликий собеседник, кивающий или мотающий головой: «Да-да, нет-нет», и большего не нужно, не нужно

рисовать лицо, не нужно придумывать голос, достаточно просто одного ее присутствия?»

Ведь Галка — вот она, не какая-то картонная плоская фигура, а сама что ни на есть живая, короткая стрижка, растаманочка в волосах, на руках цветные фенечки, сидит напротив, и то улыбаясь, то закусывая губу, сама рисует мой портрет — она учится в художественном училище и постоянно что-то рисует, но не потому что учится в художественном училище, а потому что ей по приколу рисовать разные картинки.

А я мысленно составляю ее описание:

Галка красивая — у нее тонкие черты лица, большие серо-голубые глаза, изящная фигура и золотистая от загара кожа.

Галка талантливая — она делает красивые вещи и красивые жесты.

Галка мудрая — она пытается принимать мир таким, какой он есть, и не злится по мелочам.

Галка домашняя — я ее вижу на каком-нибудь диване, где она, пушистая, мягкая, словно котенок, сидит, прикрыв ноги крупно-клетчатым пледом, и что-нибудь шьет или вяжет. Или спит, свернувшись клубком.

Галка обидчивая — она прячется в молчание, словно улитка...

Стоило мне написать эту фразу, как сразу всплывает в памяти прогулка по островам: мы вдвоем с ней идем по тропинке, которая тянется среди совершенно южных, пропитанных стрекотом и щебетом деревьев. Летний Петербург иногда может быть таким. И тут я замечаю, что тропинка, хорошо видимая в сумерках, полна крупных темных улиток, и чтобы их не раздавить, приходится смотреть под ноги. Я поднимаю одну из них и показываю Галке.

— Рожки убирает.

— Ты знаешь, кошки их едят. — Галка погладила улитку по жесткой спинке, и та спряталась еще глубже.

— Не только кошки. Но и люди. Во Франции, например.

— Там улитки другие. Виноградные. Осторожнее. Смотри, как она шевелит рожками. Они длинные, их ей не спрятать.

— Ей их не спрятать, — повторяю я.

Или еще:

Мы сидим в кафе, где зеленые стены, стеклянные квадраты, в разводах и рисунках, словно кожа дракона, только что вышедшего из воды. И она рассказывает мне о Кристофере:

— Я сама не знаю, почему я порой так прикалываюсь к нему. Но не здесь. С ним хорошо в дороге. А Сэнди, наоборот, домашний. А порой я за Криса просто боюсь. Он становится таким... Странным.

Она проводит ладонью по лбу, и челка, сдвигаясь вверх, образует смешной хохолок.

— Теперь ты не Галка, а птица угод. С хохолком, — пытаюсь пошутить я и, кажется, становлюсь похожим на Кристофера.

— Но у меня ничего не получается. Все падает.

— Не волнуйся... Ты всегда была такой легкой. Словно птица.

— Вот ты называешь... Птица... — говорит она тихо, — а я не умею летать. Даже во сне.

Я беру ее левую руку.

— Ты уже давно летишь. Ты умеешь летать. — (Нет, несомненно, разговаривая с ней, я превращаюсь в Криса и даже ответ продолжаю цитатой его песни.) — «Это я говорю, я на связи, Серебрянный Летчик, прием, Золотой Землекоп...»

Она вдруг опускает ладонь на глаза и просит принести чай. Она стесняется плакать. Но плачет.

А я встаю и иду за чаем.

После такого растянутого во времени и в пространстве завтрака, который закончился на обочине и оставил после себя россыпь арбузных и дынных корок, стоп пошел похожий — медленный, небольшими переездами на грузовых и легковушках: вокруг не пустыня и не голая степь, а населенные хлебные районы, где местных машин больше, чем дальнебоев. Часто чуть в стороне от трассы вырастала серая громада элеватора — мрачное беззаконное здание, напоминающее то ли военный корабль, то ли средневековый замок. «Зернохранилищам не пристало быть мрачными — это ведь сосуды семени, сосуды жизни... Впрочем, — мысль Кристофера продолжала крутиться вокруг элеваторов, — амбары и бани на Руси всегда были местами обитания недобрых потусторонних существ, банников и... амбарных людей... кромешников... нет, не то...» Отчаявшись вспомнить, он спросил у Галки, но она тоже ничего подсказать не могла. Вывод из этой мыслен-

ной жвачки был сплюнут один: «В элеваторах и амбарах лучше не ночевать. Собственно, нас туда никто и не звал. То ли дело кукурузные поля. А ведь у Стивена Кинга был какой-то ужастик про «Детей Кукурузы». Но это у них, в Америке. А у нас кукуруза — не лучшее, но безопасное место для ночевки одинокого путника. Только грязное, земляное».

Прошлым летом Кристоферу везло на кукурузные и подсолнучные поля. Началось с Бендер, куда его занесло по дороге в Кишинев: два веселых драйвера высадили его посреди ночного города у светофора под фонарями, убедив, что уж здесь он точно поймает попутку до Кишинева. Проситься на вписку он не стал, потому что сами они не предложили, и он стоял до двенадцати, а в двенадцать повсюду стал разъезжать полис: в Бендерах еще был комендантский час, и Крис какими-то кустарниками пробрался до окраины, где заночевал между гигантскими побегами. Ночью он осознал преимущество кукурузного перед другими полями: пошел дождь, и Крис смог накинуть на стебли тент — они не ломались и не прогибались — получилась весьма приемлемая крыша. Правда утром в борозде рядом с Кристофером (он заблаговременно сломал три кукурузины, подстелил под себя полиэтилен и лег поверх гряды) была черная земляная каша, и ботинки Криса, когда он выбрался на трассу, напоминали два больших земляных кома, и куртка изрядно была перепачкана... Но ничего не намокло.

И следующую ночь, уже ближе ко Львову, он тоже встретил в кукурузном поле. Просто спать хотелось, а рядом даже лесочка не было.

Кристофер улыбнулся: он вспомнил, с каким кайфом засыпал в третью ночь: после горячего душа, в мягкой постели с чистым бельем (он таки добрался до Львова и вписался к своим весьма цивилизным друзьям) и как вдруг проснулся от чего-то твердого под боком. Он схватил это твердое, а затем вскочил сам... Под одеялом, рядом с Крисом, лежало несколько кукурузных початков — его друзья, наслушавшись телег о кукурузе, решили немало пошутить...

Воды вдоль дороги стало гораздо больше. Поначалу трасса тянулась рядом с рекой Ишим, затем пошли мелкие поперечные речки и озера, правда, купаться не хотелось — вода казалась грязной.

«Пыльная дребедень, — сформулировал Крис общее состояние, — слишком много поворотов, слишком много машин, идущих на маленькое расстояние: от поселка до райцентра, от райцентра до поселка. И машины — преимущественно старенькие потрепанные жигули и москвичи. (Нивы и волги, как правило, не останавливались. Иномарки, причем крутые, другое дело: бандиты никого не боятся и иногда не прочь взять собеседника. Но здесь эти иномарки шли стремительными и редкими колоннами по пять-десять машин навстречу стопщикам — гнали купленные в Европе тачки богатым казахским, таджикским и киргизским бабаям. Попутных подобных колонн практически не было. Только забитые до упора поливальщики — фуры с дынями, арбузами, персиками и т. д. и т. п.)

И названия поселков даже какие-то неприятные: Жалтыр, Атбасар, Жаксы. То, что они все чаще перемежались привычными для России Новоукраинкой, Новокиенкой, Чистопольем, Крис замечать не хотел.

Ближе к вечеру они оказались на очередном перекрестке, неподалеку от поселка с неизменным замком-элеватором и маленьким озером, похожим больше на лужу.

Совсем рядом с трассой паслась корова. Стоило машине отъехать корова медленно направилась к ним.

— Ой, я боюсь.

— Это же корова, буддийское животное.

— А почему она сама по себе? Без привязи, без хозяина?

— Здесь похоже, это принято. Вон верблюды тоже без хозяев ходят.

Корова подняла голову и словно обращаясь к Крису с Галкой протяжно замычала.

— Муу, — то ли ответил, то ли передразнил Кристофер, — знаешь, что это такое?

— Что?

— Пустота. «Му» — на китайском пустота. Это мне Энди говорил. Знаешь телегу про дзенских монахов.

Отступление тринадцатое: Притча про двух буддийских монахов, рассказанная Кристофером

Как-то рассуждали два китайских чаньских монаха о том, имеет ли корова природу Будды. Приводили разные доводы, не одну чашку чая выпили. И вдруг, когда один из монахов воскликнул: «Так имеет ли корова природу Будды или нет?», корова, пасшаяся неподалеку замычала.

— Тогда понятно почему Мамонов назвал свою группу «Звуки Му»

— Может и не поэтому. Хотя, Мамонов, вроде, образованный человек. Переводчик. А Энди еще одно заметил. Переверни «Му».

— Как?

— Наоборот читается «Ум». То есть «Му» это «Не Ум». Отказ от всяких мудрствований. А соответственно мантра «АУМ» то же что «Му» А — отрицание. «АУМ» — «Не Ум»

Корове, похоже не понравились Крисовы рассуждения и она направилась в сторону поселка.

— Вообще-то, странная корова, — сказал Крис, — у нас обычно как: после вечерней дойки они уже из хлева не вылезают. А эта. Ночь скоро, а она гуляет. Бездомная. Кстати, тогда Энди еще телегу про дом рассказал.

Галка продолжала смотреть вслед корове.

— Вот мы говорим «настоящий дом». Прислушайся. Нас таящий дом. Дом укрывающий нас от бед.— Крис зевнул и добавил: — Вот зевок, это тоже «му», только произнесенное. Пора бы и спать.

— В поселок пойти, что ли? Или где-нибудь здесь?

— У нас вечная проблема, — Крис вытащил из клапана рюкзака фляжку, — вода. Забыли у драйвера попросить.

— Километр, не меньше. — Галка попыталась на глаз измерить расстояние до поселка. — Пока ходим, совсем темно станет.

— Все равно ночевать.

Красное солнце уже лежало на линии горизонта, сегодня — еще восточное, большое, пыльное солнце, а завтра — прощай, Казахстан, жаркий, пыльный, медленный, здравствуй, дождливая и чавкающая грязными проселками Россия. Нет, вместо проселков будет песчаная обочина трассы, и бесконечный асфальт, мокрый, как и песок, и в довершение картины — мелкий морозящий дождь, Крис ясно представил холодную влажную пелену над землей, и в этот момент, позади со стороны трассы, от которой они уже успели отойти метров на пятьдесят в сторону поселка, донесся тихий, но мощный звук. Он достигал слуха не через воздух, а через землю — низкая, на пределе слышимости, вибрация, уже знакомая Крису. Этот звук однажды он уже слышал на трассе под Алма-Атой. Тогда гул шел поверху, и Крис подумал о вертолете или самолете. И сейчас развернулся и поднял глаза к небу. Пусто.

— Что это?

— Смотри, — сказала Галка, — их много.

По трассе, почти не пыля, приближалась колонна. Машины ехали очень медленно, старые, одни с серо-коричневыми, под цвет окружающих холмов, фургонами, другие — груженные тюками, перевязанными веревками. Крис схватил Галку за руку и потянул к трассе:

— Успеем!

Но Галка почему-то упиралась.

— Ты чего?

— Крис, мне не нравится.

И Крис остановился. Он не мог разглядеть лиц водителей — воздух над землей дрожал, да и расстояние было порядочное. Но звук. Он изменился. Теперь гул исходил уже от всего пространства, словно тысячи пчел или мух окружали Криса. Машины шли друг за другом, КамАЗы, и «Уралы», и еще какие-то старые иномарки, похожие на КамАЗы и ЗИЛы. Больше десяти. Крис вдруг захотел выскочить на трассу, он был уверен, одна из них остановится.

Крис снова потянул к трассе.

— Не надо. — Галка взяла его руку обеими руками. — Пожаруйста, не ходи.

— Почему?

— Не знаю, не ходи. Мне страшно.

Он повернулся и обнял ее, закрыв своим телом процессию.

— Что случилось? — спросил Крис.

Галка уткнулась ему в плечо, и ее тревога словно перетекла в Криса. Он вдруг почувствовал нечто необычное в идущем за спиной караване. Машины тем временем проехали, гул постепенно стих, и Крис снова развернулся в сторону трассы.

— Теперь твоя душенька доволь... — То, что он увидел, заставило его прервать фразу на полуслове. По трассе, следом за машинами, шел человек. И самое жуткое — Крис знал этого человека. Крис сжал Галкину руку и замер.

Человек шел по трассе, следом за караваном, положив короткую палку на плечи и закинув на нее руки, так что фигура напоминала крест. Неожиданно, словно почувствовав на себе взгляд Кристофера, он остановился (Крис увидел или вообразил улыбку на его загорелом седобородом лице, она была похожа на рыбу, выпрыгнувшую на мгновение из мутной воды), взял палку в руку и провел ее острым концом черту поперек обочины.

Смытый расстоянием шуршащий звук, звон в ушах, оставшийся после каравана, шаги «пастуха», продолжившего путь. Крис слышал их как удары собственного сердца. Или принимал удары собственного сердца за его шаги. Но сам не мог даже пошевелиться. Он стоял, увешанный гирляндами то ли «выдуманных», то ли «реальных» звуков, до тех пор пока его не позвала Галка.

— Крис, о чем ты все время думаешь?

— Ни о чем. Я видел этого человека.

— Какого?

— Сегодня утром. Во сне. И еще...

Одновременно со словами пришло воспоминание. Настолько смутное и размытое, что Крис даже в общих чертах не мог его

представить. Черта поперек дороги, путник, ощущение другой реальности, которое раньше приходило к Крису под кислотой, кислота была его дверьми в другую реальность, он входил в те образы, в те миры, которые в «обычном состоянии» наблюдал как бы из-за стекла. Но Крис давно перестал нуждаться в услугах кислоты. С весны, когда он почувствовал, что приходящая ясность восприятия не является истинной ясностью и становится его врагом.

Он решительно направился к тому месту, где человек чертил знак. И не увидел ничего. Никаких следов. Затем поднял глаза вслед человеку. И снова волна холода прокатилась где-то внутри — никого.

Не может быть! У двоих одновременно не может ехать крыша. Галка видела машины и почувствовала первой.

— Где он?

— Кто? — Галка смотрела на Криса с некоторым испугом и удивлением.

— Да человек этот. С палкой.

— О ком ты говоришь?

— Ну за колонной шел.

— Я никого не видела.

— А машины?

— Странные машины. Я почему-то испугалась. А человека не было... Крис, и ты какой-то странный.

— Не бойся. Неужели ты не видела? — медленно проговорил Крис. — Седой, похожий на Мишу с хутора. Где Князь живет.

— Не говори ничего. Не хочу знать, — Галка замахала руками, словно отгоняя неприятный запах, — мне страшно от этого. Я заснуть не смогу. Мне и так страшно.

— Ладно. — Крису почему-то не хотелось думать о том, почему он видел человека, а Галка нет, и почему так странно гудели машины, и почему в какое-то мгновение вместе со страхом появилось нестерпимое желание ехать с этой колонной, ему вообще не хотелось думать, — хотелось оставить недавнее видение на этой сухой пыльной трассе и идти без всяких мыслей, вперед и вперед...

— Пойдем вперед. Быстрее от этого места. — Галка словно почувствовала мысли Криса.

— погоди, — сказал Крис, — давай-ка я пойду первым, а ты за мной.

— Почему?

Крис не стал объяснять, но внутренне чувствовал, что станет последней сволочью, если позволит ничего не подозревающей Галке первой пересечь невидимую черту. «Все это суеверия, — попытался убедить он сам себя, — Господи, помилуй меня».

Он почти побегал вперед. Ничего не произошло. Ничего не изменилось, кроме того, что должно было измениться — местоположение двух путников: Кристофера и Галки на долгой ленте дороги. Машина, которая подобрала их, была вполне нормальной, нормальным был и водитель — хозяин небольшого конезавода, с таким количеством собственных проблем и таким желанием ими поделиться, что ни Кристоферу, ни Галке не приходилось даже открывать рта — говорил только драйвер. Крис смотрел в окно: караван они не догоняли и не перегоняли.

Драйвер сворачивал в Рузаевке, они вышли и возле моста, на окраине поселка, нарвались на слегка пьяного и разговорчивого казаха, который чуть ли не силой потащил их к себе домой. Пустые комнаты, двери нараспашку, дети, сам казах работал прорабом на стройке, а теперь стал безработным: степь, охота, рыбалка, снова степь... Внезапно появилась сердитая толстая жена, которая после словесных реверансов Кристофера заметно подобрела, а узнав, что гости из Питера, подобрела совсем. Жена оказалась учительницей химии, физики и математики в одном лице: «А что поделаешь, учителей нет, денег нет, а тут еще муж — алкаш, готовый пить с первым встречным, вы ему не ставили, нет, а может, хотите есть, вот суп есть, уж извините, больше ничего, зато супа много, я сразу на всех варю, а кроме супа ничего, ведь муж — алкаш, пропивает все, а на мне еще хозяйство, вот в Питере, там проще», — так она говорила, Крис отвечал, рассказывал о Питере, она снова говорила, а ее руки тем временем зажигали огонь, разливали похлебку из овощей и баранины по

тарелкам, ломали лепешки, убирали пустые тарелки, сметали со стола крошки... Муж, постоянно появляющийся в ее речи, отсел в угол на лавку и ближе к концу ужина повалился набок и заснул.

— Вот уже спит, — хозяйка повернулась к нему, — и так каждый день.

— Может, вам чем-либо помочь? — предложил Крис. — Скажем, дрова порубить, попилить... Что-нибудь еще...

— Нет, спасибо, это я так, в сердцах... он вообще мужик хороший... по дому-то все делает. Вы, наверное, с дороги устали, спать хотите. Вот, — она указала на дверь в пустую комнату, — там полы деревянные, и матрас я дам. Только белье...

— Нам больше ничего и не надо, — сказала Галка. — Никакого белья.

Они легли уже в полной темноте.

— Ну и что ты нам расскажешь на этот раз, господин сказочник? — прошептала Галка в ухо Крису.

— У меня в голове остались только страшные сказки, — тихо ответил Крис. «И если я буду рассказывать их тебе, то лишь напугаю и оттолкну тебя от себя, — добавил он мысленно, — я сам пугаюсь того, что вижу только я, и сам себе не поверил бы, если бы... Если бы да кабы...»

— О чем ты думаешь?

— Так, ни о чем.

— Мне страшно, когда ты так молчишь.

— Тогда рассказывай мне сама. Мне уже двадцать лет как не рассказывали сказок.

— О чем же ты хочешь услышать, мой маленький друг? — елеинным голосом спросила Галка.

— О волшебниках, конечно. Или о драконах.

— Ну ладно, закрой тогда глазки и слушай.

— А если я засну? — Крис уже включился в игру, и тяжелые мысли отступили на задний план, стали фоном, на котором Галкин голос был светлым и теплым пятном.

— Не заснешь, история короткая. Ее придумала Надя, одна моя приятельница, но я наполовину забыла. Помню только часть.

Итак, жили-были два дракона. Один очень-очень большой, другой же совсем маленький. И они все время ходили вместе. Очень большого дракона было видно издалека, а маленького никто не видел. Он почти все время был возле ног большого дракона. Чтобы другие его не раздавили.

Они много общались друг с другом, вместе встречали восход, и тогда маленького дракона можно было заметить, ибо он забирался на нос большого дракона, чтобы видеть восход солнца.

И однажды они поссорились. Об этом узнали очень просто — большой дракон стал грустным. И во время восхода и заката на его носу не сидел маленький дракон. А что стало с маленьким, вообще неизвестно. Потому что его никто так и не видел. Может, его вообще раздавили. И никто не знал, почему они поссорились...

Галка замолчала.

— Грустная история. Человеческая, — тихо произнес Кристофер. — Но все на самом деле было совсем не так. Во времена упадка Китайской Империи жил-был один художник. Он работал не ради денег... Он, как и многие китайцы того времени, старался сохранить древние традиции. А всякие хунвэйбины их разрушали почем зря. А драконы в Китае — это больше чем символ, это реальность, существующая в представлениях каждого, в видимом и невидимом мире той Поднебесной, в которой живут Чжуан Цзы, и Лао-цзы, и Конфуций, и Бо Цзюй И, и Ван Вэй и... Ты понимаешь, конечно... И вот этот художник за бесценок рисовал на стенах домов драконов. Звали его Ли, Рисующий Драконов. Как вы все уже знаете, — Кристофер поймал волну, по которой телега катится легко и красиво, и обращался уже к невидимой аудитории, — любой классный рисовальщик драконов не дорисовывает какую-нибудь деталь, например уголок глаза. Иначе нарисованный им дракон может улететь со стены. И вот один знатный мандарин поручил Ли нарисовать драконов, хранителей дома, заметьте, огнедышащих, и художник взялся за работу. Дом стоял в прекрасном саду, и Ли, вдохновляемый пением птиц и шелестом листьев, рисовал то одного, большого драко-

на — Хранителя Очага, то другого — малого, Хранителя Входа, художник перебегал от двери к окну, от стены к стене. И настолько увлекся своей работой, что не заметил, как дорисовал первого и второго дракона окончательно. И они взлетели. И с тех пор стали сопровождать своего создателя. А они ведь были огнедышцы.

Крис сделал паузу, он уже знал, чем заканчивается спонтанно придуманная история, и ему самому вдруг стало грустно, ведь поначалу он хотел рассказать что-нибудь веселое.

— И куда бы ни пришел Ли, где бы ни остановился, всюду бушевало пламя. И люди стали сторониться его, прозвав Ли, Поджигающий Воздух. А прогнать драконов от себя он уже не мог. И однажды он нашел выход — поссорить драконов друг с другом, чтобы они сожгли друг друга. И он сделал это. Большому он сказал: «Хранитель Входа обозвал тебя земляным червяком». А малому: «Хранитель Очага назвал тебя бескрылой каракатицей». И драконы поссорились. И сожгли друг друга. Но Ли никогда больше не смог рисовать.

— Весело, — сказала Галка.

— Сегодня день такой... — Крис попытался определить его для себя, и первое слово, пришедшее на ум, было «плохой», но произнес он другое, — безмазовый. А завтра будет лучше. Знаешь, у меня для тебя даже стишок есть.

Завтра мы переедем границу,
завтра мы будем в другой стране,
и нам некуда торопиться,
мы движемся даже во сне...

Завтра солнечная таможня
откроет ворота и выпустит птиц.
Завтра утром, возможно,
вовсе не будет границ.

Глава седьмая

Хиппи, гопники и менты

...Джинсы клеш, колокольчики внизу,
— Эй, куда идешь?
— Я не иду, я ползу.
— Эй, куда идешь?
— Я не иду, я лечу!
Я двигаюсь туда, куда хочу!..

Песня то ли Умки, то ли Поньки

Крис и Галка проснулись с рассветом. Хозяйка уже возилась на кухне. Они тихо собрали вещи и с рюкзаками, чтобы, никого не напрягая, сразу ехать, пошли попрощаться.

— Нет, так не делают, — хозяйка, теплое человеческое облако, затолкнула их на табуретки, а сама снова поплыла к плите, — позавтракайте сначала. Вон вы какие худющие. Я блинчики жарю, а вы сразу — пойдем, пойдем. Без блинов никуда не пойдете. Дорога-то какая неблизкая.

— Да неудобно, — сказал Крис. — Мы еще сыты.

Ему захотелось как-нибудь «реально» ответить на гостеприимство хозяйки.

— Давайте я вам оставляю свой питерский телефон, — продолжил он, вытаскивая из ксивника ручку, — квартиры, где я часто бываю. Надумаете в Питер, я смогу вас там устроить.

— Ой, да что ты. Нам до Кустаная-то не доехать. Вот если только дети, когда вырастут.

— А где... — Крис посмотрел на пустую лавку и вдруг забыл имя хозяина, хотя еще минуту помнил его хорошо, — ваш муж?

— А он сегодня рано встал. Есть старинная казахская пословица, — хозяйка произнесла довольно короткую фразу, но Крису удалось поймать лишь ее конец — кадыр... В приблизительно-

ном переводе это означает: каждый сороковой гость — ангел. Восточное гостеприимство конечно не оттого, что всякий хозяин ангела ждет.

Хозяйка улыбнулась, затем задумавшись продолжила.

— Может, это и правда. И один из вас этот ангел и есть. Вот вы приехали, а утром кооператоры, соседи наши, позвали его магазин строить. За хорошие деньги. Он же и каменщик и плотник...

Через час, с полными животами и заметно потяжелевшей поклажей, они вышли на трассу. А дальше началось утрясание пицци — с машины на машину, короткими перебежками, как и вчера. До самого Кустаная. Там пришлось сделать остановку — отчасти вынужденную, отчасти добровольную — рядом с мостом через Тобол обнаружился сносный пляж, где купались какие-то люди. Несколько человек в спортивной форме разминалось на берегу.

— Спортсмены, — сказал Крис. — Помнишь, на въезде в город, мы тоже встретили спортсмена. Кустанай — город спортсменов.

— Работы нет, вот они спортом и занимаются, — пояснила Галка.

— Некоторые считают, что автостоп тоже спорт. Так что мы тоже вроде как спортсмены. Или псевдоспортсмены. У спортсменов главное что — форма. В прямом и переносном смысле.

— А как же достижение рекордов?

— Рекорды — это тоже часть формы. Я, кстати, непрочь поставить личный рекорд по заплыву на десять метров в этой реке.

Вода оказалась теплой и довольно чистой, она словно призвала затормозить, и Крис с Галкой «протормозили» около часа.

— Последняя теплая вода, последнее горячее солнце... — В голосе Галки можно было уловить печальные нотки.

— Последние в этом году, — поправил Крис.

Они лежали в траве, человеческая буква Т на желто-зеленом фоне, Галка была верхней перекладиной, а Крис, голова которого лежала на ее животе — остальной частью.

— Про нас можно сделать детскую игру с фишками. Знаешь, где кубик бросаешь и ходишь. Попал в Кустанай — ход пропускай.

От Кустаная до границы с Россией их вез спасатель. Не обыкновенный, из МЧС, а космический спасатель-парашютист, основной работой которого было находить приземлившихся космонавтов. «Космонавтов теперь днем с огнем не сыщешь, а вот на места авиакатастроф десантировался не раз. Правда, спасать уже там, как правило, некого. Теперь часто разные шоу, дни городов и прочие «показательные выступления». «Вот, я же говорил, — повторил про себя Крис — Кустанай — город спортсменов».

Ближе к России, над трассой повисло плотное, пахнущее битумом облако — неподалеку от трассы грязное огнедышащее чудище — асфальтовый завод. «И дым отечества нам сладок и приятен», — тихо произнес Кристофер. «Хорошо еще, что работает. — Парашютист усмехнулся. — Дороги-то никакие».

Пограничники их пропустили спокойно, даже не проверяя паспортов, только о чем-то поговорив с водителем, а вот менты, остановившие машину в километре после границы, на развилке, встретили нелюбезно. Они высадили Криса с Галкой и устроили такой шмон, что Крису стало неудобно задерживать драйвера: «Не жди, уезжай, мы следующую поймаем».

Они раздели Криса, перетряхнули его и Галкины рюкзаки, прощупав каждый шовчик. «Лишь бы к чему прицепиться, — подумал Крис, — у них, наверно, невыполнен план по посадкам. Обломиться». На все его уверения, что никакого гашиша, а тем более опия ни у него, ни у Галки нет, что они вообще за экологию и против наркомании, менты отвечали сдержанно: «А ты не волнуйся, нет, значит отпустим». «Женщину может обыскивать только женщина», — сказал Крис, когда они подступили к Галке. «Правильно, — ответили они, — тогда мы вас сейчас повезем в отделение, в Троицк, там вы посидите часик-другой, у вас ведь есть время, а мы найдем женщину и она обыщет твою подружку». «Ищите, — сказала Галка, — мы торопимся». «Ладно, ладно, парень, не кипятись, не тронем мы твою девушку, только осмотрим. Даже при тебе». И они общупали ее всю

сверху донизу своими грязными ментовскими лапищами. «Вам повезло, — сказали они, — собирайте барахло, и чтобы через пять минут вашего духу здесь не было».

Пять минут Галка и Крис шли молча. Кристофер словно чувствовал на спине недружелюбные взгляды блюстителей закона.

— Вот мы и дома, — наконец сказал он.

— Как в грязь окунулась.

— Это еще ничего. Не били.

— С чего бы им бить?

— А так... По приколу. Но меня не били даже в застойные времена. А сейчас вообще более человечные менты пошли. Правда, один раз я схлопотал от омоновцев. Помнишь «Там-Там» на Ваське. Мы там играли, ты, что ли, в Москве была. Налетели как варвары. И ни за что ни про что получил по зубам.

— Но там под конец реальный бардак был. В дабл как-то захожу — бинты, машины пластмассовые на полу. Долбежка сплошная.

— А я говорил тебе, как Умка однажды ментов застопила. Те каких-то бандитов искали. А она с Лехой была. «Вот, ей говорят, щас повезем документы проверять». А она: «Разве мы похожи на бандитов?» «А кто же вы такие, хиппи, что ли?» «Мы, — говорит она, — из экологического лагеря едем. Вот и Гринпис на футболке». А у нее на футболке такая большая надпись — «Гринпис». Те сразу уважительно смотреть стали. А потом спрашивают: «Гринпис, это мы понимаем, но чего же вы такие грязные? Как хиппи».

Галка рассмеялась.

— А Умка отвечает, — продолжил Крис, — так мы же в лесу живем. На то и Гринпис.

Объездная Челябинска оказалась весьма длинной, и на первой серьезной развязке драйвер свернул, а их высадил. Это было пересечение с шоссе, обозначаемым на стопнике как М5, то есть магистральной федеральной автомобильной дорогой номер пять по имени «УРАЛ», по которой Крис собирался ехать через два-три дня, а Галка... Галка ехала в Ебург.

Собственно, в Москве у Криса было столько же дел, как и в Питере, как и в Екатеринбурге — играть музыку, петь песенки по клу-

бам можно в любом большом городе, а за неимением собственной команды, Крис превратился чуть ли не в барда-одиночку. Правда, блюзово-рок-н-ролльно-рэггейно-фолково-этнический Крис не испытывал особой симпатии (как, впрочем, и антипатии) к Клубу самодеятельной песни и «бардом» в их понимании себя не считал.

«Я стал как Витя Банджо, — он вспомнил своего питерского приятеля, увешанного дудками, губными гармошками, колокольчиками, маракасами, гитарой и банджо и играющего на двух-трех инструментах одновременно, — сам себе оркестр. Гитара, гармошка да голос, что еще надо суфийскому музыканту. Краюху хлеба да кружку молока. Да это небо, да эти облака...»

«Вот прицепился, Гуль-мулла долбаный. Гений, однако».

«Впрочем, Крис, не гони, ты не один: в любом большом городе есть до фига своего народу, с которыми всегда посэйшенить в кайф, только хрен кто сейчас дома сидит».

И они шли по объездной, пока их не догнал старичок на почти настоящем танке — «Москвиче-401», и взял до Долгодеревенского. А это — уже почти конец объездной, продолжение трассы.

Отступление четырнадцатое: Некоторые правила автостопа

Говоря слова «правила автостопа», я вспоминаю очень полезную, правдивую, хорошую и местами смешную книжку Антона Кротова «Практика вольных путешествий» (Москва, 1997)*. В ней настолько полно описано, как лучше стопить машину на трассе или как бесплатно вписаться в автобус-поезд-корабль-самолет, что мне и добавить-то нечего. Правда, сам Антон называет себя «научным путешественником»,

* За то время пока рукопись «Господина Ветра» лежала на полках, висела в интернете, ожидая своего первого издания (в 2002 году), Антон Кротов успел написать еще несколько книг, одна из них посвящена поездке десятиртых «научных путешественников» (в том числе и самого Кротова) автостопом в Индию. Почти все они добрались до Дели, а некоторые еще дальше. И по сию пору проводятся соревнования по автостопу. Но я всегда рассматривал «стоп» как средство передвижения, а не как спорт.

и по сути дела, является спортсменом-туристом — на Руси несколько организаций, объединяющих таких людей (ПЛАС — Петербургская Лига Автостопа, АВП — Академия Вольных Путешествий), Крис же гораздо ближе к тем, о ком Кротов пишет: «...Есть в автостопе и обширное хипповское направление, пожалуй, наиболее древнее и многочисленное. Сотни и тысячи волосатых людей, передвигаясь по трассам, накопили за десятилетия колоссальный и неповторимый опыт автостопа. Жаль только, что их опыт никак не суммирован, поэтому технология автостопа, применяемая ими, не движется к совершенству...»

Я же позволю себе, а мой личный опыт «ненаучного» автостопа довольно велик (уже много лет каждую осень я пою одну и ту же песню: «старый, однако, совсем стал, от автостопа устал», а весной меня начинают приглашать в гости друзья, а друзья мои, как и Кристоферовы, живут в самых разных городах и странах, и денег, чаще всего, на дорогу нет, да и не в этом дело, а скорее в птицах, горах и деревьях, в реках и невидимом ветре — может, в далекой древности в моем роду тотемным животным была какая-нибудь перелетная птица, или во Внутреннем Пути, который иногда становится вполне реальной дорогой: для меня это как писать книгу, или писать книгу, как путешествовать, или просто жить и в итоге — я выхожу на трассу. И пусть кто-то считает такую жизнь болезнью — психиатры ей даже название придумали — дромомания, от греческого «дромос» — ход, путь, — что же, мне нравится болеть этой болезнью!)... Итак, я позволю себе... (Что за идиотский оборот, ведь мне никто ничего не запрещал. «ЗАПРЕЩЕНО ЗАПРЕЩАТЬ!» — говорили в шестьдесят восьмом на парижских баррикадах, а в семьдесят девятом эта надпись была на моей футболке) заметить, что для настоящего («научного» ли, «ненаучного») путешественника шестичасовое стояние на трассе — столь же успешное путешествие, как и гонка со скоростью сто пятьдесят км/ч в час.

Есть правда, практические вещи, кое-кому совершенно очевидные, а кое-кому я постараюсь их пояснить в виде ответов на возможные вопросы.

1) «Почему Кристофер и Галка вылезли на объездной, а не поехали через Челябинск?»

Им не было необходимости посещать Челябинск: он, как и все большие города, является своего рода транспортной ловушкой, воронкой, ямой, куда очень легко въехать, но трудно выехать. В таких случаях для меня существует два основных варианта: либо высаживаться на объездной и ждать попутку, идущую мимо города, либо ехать с водителем в центр и там садиться на электричку или автобус, следующий в нужном направлении километров на пятьдесят (здесь надо быть уверенным, что вокзал недалеко от пути драйвера, с которым ты едешь, что электрички «имеются в наличии», что они ходят довольно часто и что деревня или поселок, куда привезет тебя электричка, находится на трассе). Они выбрали первый вариант.

2) «Что лучше: идти и стопить на ходу или стоять на трассе?»

В зависимости от настроения и от места. Иногда просто хочется пройтись. Иногда место кажется удачным (неудачные места — перед переездами, пунктами ГАИ, заправками, мостами, — драйвер хоть и притормаживает, но ему не до стопщиков, удачные же — через пятьдесят-сто метров после вышеперечисленных преград), и на нем останавливаешься, иногда приятно стоять в тени, иногда, наоборот, на солнце, а иногда бредешь не спеша по обочине, ни о чем особенно не думая, и вдруг нечто заставляет тебя остановиться, ты чувствуешь, что это именно **твое место**, место Силы, как сказал бы Кастанеда, здесь проходят невидимые токи, здесь ты ощущаешь себя самым собой, и трасса, и машины на ней, и окружающий пейзаж становятся твоим продолжением.

3) «Почему Крис, останавливая машину, называет не конечный пункт — Екатеринбург или Москву, а город, до которого две-четыре сотни километров?»

Как показывает практика, такой способ наиболее оптимален. Дело, возможно, в психологии — некоторые драйверы, едушие в нужном направлении могут испугаться: «Вот, возьму попутчика на два дня, а он, не дай Бог, утомит. А чтобы посадить, предлог будет нужен, да и неудобно. Лучше уж вообще не брать». Большинство водителей, кстати, различают «дальнобойный» пипл и цивилизованных, едуших до ближайшей деревни, стопщиков. В Европе, наоборот, следует называть конечный пункт, мало того, лучше держать в руке табличку с названием города, в который ты едешь.

— У одного питерского поэта, Сергея Завьялова, такая же тачка, — сказал Крис. — Классная машина, салон просторный. Только от старости разваливается. Скоро музейной редкостью станет.

— Уже редкость, — сказал старичок. — Мне за нее предлагали четыре тысячи. Долларов. Она же почти новая. В смысле, прошла мало. И все родное.

— Наверное, ГАИ не останавливает.

— Да, редко.

— А у этого поэта, — продолжил Крис, — смешная история приключилась. Ехал он как-то на этом своем танке зимой в гололед. И, представляете, влетел в борт припаркованного новенького ниссана. У которого каждая деталь на вес золота. На ниссане — вмятина, а москвичу — хоть бы что. Ну, думает, все, влип. Машина моя ему не нужна, значит, квартиру отберет. В общем, паяльник в заднице уже почувствовал. Тут и хозяин выскочил. Посмотрел на вмятину, на завьяловскую развалюху. Сергей ему: «Извините, не справился, не знаю, что делать?» А тот: «Что делать. Кофе пить...» Хозяин директором банка оказался. А потом, когда выяснилось, что Завьялов — ректор Греко-Латинской академии (это звучит грозно, на самом деле Академия — всего-то пара преподавателей да полсотни студентов), не то что денег не взял, а еще помогал чем-то. Потом вроде дочка этого директора там училась. В общем, мужик врубился...

Старик высадил их, за четыре километра до объездной, а сам свернул в поселок, и дальше они пошли пешком: по одну сторону поля, по другую перелесок, за которыми тоже поля, а солнце садилось все ниже, тени становились длиннее, свет — краснее и мягче. Теперь каждый камушек на дороге отбрасывал тень и трасса казалась рельефной. Словно каменистая пустыня с холма или вертолета. Только дымки нет.

— Смотри, наши тени уже дотягиваются до деревьев, — сказала Галка.

Она вытянула руку, и ее тень схватила корень.

— «Чтобы стоять, я должен держаться корней...» — пропела Галка.

Разглядывая тени, они не заметили, как метрах в двухстах на дороге появились люди. Они вышли откуда-то сбоку — четверо парней, и по движениям было похоже, что они пьяны.

— Не нравятся мне они. — Галка взяла Криса за руку.

— Уже не свернуть. Будь спокойна.

Крис и сам чувствовал некоторое беспокойство. Если это праздно шатающиеся гопники, то любой страх мог настроить их агрессивно. Такая команда словно большой, состоящий из нескольких частей, носорог.

«Без Галки я бы смог с ними поговорить ласково, а с ней...»

«Собственно, с чего ты взял, что они будут наезжать? Идут себе и идут».

Крис вспомнил, как ночью на вокзале в Каракалпакии к нему подвалили местные уркаганы.

И начали без предисловий.

— Ну давай.

— Что? — Крис смог улыбнуться, тогда он был абсолютно спокоен.

— Деньги давай, вещи.

Крис вытащил из-под куртки и растянул ксивник.

— У меня только паспорт... Зачем вам паспорт? Вы же не менты. Не верите, можете обыскать.

— А это чего? — один из них указал на ксивник.

— Это называется ксивник.

— Чего-чего?

— Ксивник. От ксива.

— Во фраер дает, — урка рассмеялся, — ксива. Геологам, что ли, такое выдают?

(В Каракалпакии работал тот же механизм — бородатый, значит, геолог. К тому же волосы Криса в ту пору были короткими: весной где-то подцепил мустангов и, дабы кардинально избавиться от них, сбрил насекомых вместе с хайром. За лето

волосы успели немного отрасти и придавали Крису вполне цивилизный, «геологический» вид).

— Да я не геолог, я путешественник. Вот, ездил в горы пожить. Теперь домой, стопом.

Дальше начался вполне нормальный человеческий разговор. «Местные» накормили, напоили Крису и, мало того, сунув ему в карман какие-то деньги, усадили на поезд.

Но тогда у Крису не было ничего ценного. И главное, не было рядом Галки. Без сомнения, парни были пьяны. От группы отделился и направился к путникам низенький, кривоногий, похожий на паука паренек: серое, поповерканное, словно измятая бумага, лицо, маленькие блестящие глаза, недовольная гримаса, за которой угадывалась корневая, изначальная злоба. «Заводила», — определил Крис и сделал несколько шагов навстречу, рассчитывая применить тактику «первого вопроса», тем более такой вопрос имелся: «Где здесь можно воды набрать?» Любой разговор мог разрастись, и как тогда, в Каракалпакии, превратить возможную драку, а точнее, избиение Крису и изнасилование-избиение Галки, в мирную встречу.

И в этот момент за спиной появилась машина. Крис остановился, а Галка отчаянно замахала рукой. Пустая легковуха затормозила рядом с Крисом. Тот распахнул дверь.

— Пожалуйста, сколько сможете.

Крис посмотрел вперед. «Заводила» ускорил шаги и был уже в нескольких метрах. Да и остальная троица растянулась, перегораживая проезжую часть. Водитель поймал взгляд Крису и, похоже, все понял.

— Садитесь.

Галка села сзади и захлопнула дверь уже на ходу. Машина рванула с места так, что один из троицы еле успел отскочить.

— Испугались? — спросил драйвер, молодой стриженный парень возраста Крису. — Для здешней шпаны человека резать как два пальца... — он посмотрел на Галку. — Извините, обоссать. Здесь в тюрьму, как в армию, — каждый дееспособный мужчина.

— Да, гопников везде хватает. Правда, в Питере теперь меньше стало. Все пассионарные, ну, то есть наиболее активные, в бандиты уходят. А бандитам простой народ неинтересен...

Крис еще раз посмотрел на драйвера. Может, и бандит. Крепкий, уверенный в себе, но не без признаков интеллекта. Не боец, а скорее бригадир. И чем дальше они ехали, тем больше крепло это убеждение: разговор крутился вокруг бандитов да гопников, и собеседник Криса оказался весьма осведомленным в этой области жизни. Все разъяснилось после того, как в беседу третьим голосом влезла Галка.

— Есть такой хиповый анекдот, — сказала она в затылок Крису, — про то как три хиппи золотую рыбку поймали.

— А разве хиппи рыбу ловят? — водитель улыбнулся.

— Ну, она случайно к ним в руки попала.

— Эта известный анекдот. — Кристофер повернулся к Галке. — Мне еще Печкин...

— Расскажи, — попросил водитель, — ни разу не слышал хиповых анекдотов.

— Ну, значит, трое хипей поймали золотую рыбку, — начала она. — Та, естественно: «Отпустите, выполню три ваших желания!» Первый почесал хайр и говорит: «Заели меня мустанги. Избавь, рыбка, от них». Та в ответ достает маленького серого мустанга: «На, возьми, это маленький серый мустанг, он твоих мустангов схавает и сам скипнет».

— Мустанги — это вши, — пояснил Кристофер драйверу.

— Я понял. — Водитель снова улыбнулся.

— А второй говорит, — продолжила Галка, — «Крысы меня достали. Всю хавку сгрызли, картины, матрас, скоро меня сожрут». «Это ли запара, — отвечает рыбка и дает ему маленькую серую крысу. — Вот тебе маленькая серая крыса, она всех твоих крыс схавает». А третий спрашивает: «Скажи мне, рыбка, может у тебя есть там такой маленький серый гопничек?»

Водитель рассмеялся.

— А я слышал другой вариант, — сказал Крис. — «Может, у тебя есть там такой маленький серый мент».

— Серый мент, — переспросил водитель, не переставая смеяться, — ха-ха-ха... Хочешь, теперь я тебе анекдот покажу.

Водитель полез во внутренний карман.

«О, Господи, как раньше-то не дошло! И тянет же за язык!» — Крис вдруг понял, кем работает драйвер. А тот тем временем вытащил красную книжечку.

— Не надо показывать, — серьезно сказал Крис, — я все понял. Извините, если обидел.

— Не... — водитель замялся, подбирая слово, — ха-ха-ха... обламывайся. Может, я этот мент и есть. Маленький, серый.

«Маленький серый мент» ехал в Кунашак, место весьма живописное, вокруг — сплошные озера, дичь всякая, рыба: приезжайте, гостите хоть неделю, хоть две, дом большой, никто не обидит, никакие гопники, меня всякий знает, а вы мои гости. Когда они подъехали к повороту, солнце наполовину село, и соблазн посетить благословенный Кунашак был весьма велик, но до Ебурга оставалось меньше двухсот километров, и появился иной соблазн — оказаться у друзей уже этой ночью.

Они покинули машину гостеприимного мента и вскоре, немного постояв на трассе, оказались в кабине КамАЗа, идущего, к сожалению, не до самого Екатеринбурга, а в городок под названием Сырсеть.

Крис, глядя на сумерки за окном, уже начал жалеть, что они не поехали в сказочный Кунашак.

«Жалеешь? — сказал он сам себе. — Почему жалеешь? Сделано, значит сделано. Суфий никогда ни о чем не жалеет. Он вообще отвергает отбор и выбор. И если мы так поступили, значит было некое предопределение, и мы поступили правильно, даже если нам придется спать где-нибудь в канаве возле трассы».

И словно подтверждая мысли Криса о предопределении, на дороге появились две фигуры. Кристофер еще издали узнал их: крепкий невысокий человек в тирольской шляпе, в руке которого — огромный черный параллелепипед — музыкальный бас-чемодан по имени Мамушка. Из-под шляпы спускались на плечи и вниз, чуть ли не до подола куртки, длинные светлые во-

лосы. И второй, обладатель совершенно иных геометрических форм — на коротко стриженной голове — круглая шапочка, похожая на ермолку, и на ремне, сбоку — африканский джамбей — барабан конической формы с раструбом внизу.

Это были шаманы из Сааремаа, Волос и Махмуд. Они шли по трассе вперед, не оборачиваясь, не поднимая руки — да это и очевидно, дорога вела в гору, уклон градусов пять — а кто в гору остановится, вот наверху, на горе, на перевале, другое дело, там можно спокойно стоять и стопить. Хотя Кристофер допускал возможность встречи с ними (через Омск к Уралу идет всего одна трасса), радость его не стала меньше, он чуть ли не подпрыгнул на сиденье, забыв обо всем. Слова же пришли лишь к моменту, когда машина поравнялась с музыкантами.

— Ой, остановите пожалуйста. Галка, смотри.

— Точно, Волос и Махмуд.

— Если можно было бы постоять пять минут, — обратился Крис к водителю, — если вы не очень торопитесь. Или... — Крис начал запутываться в словах, а два шамана-стопщика уже подходили к машине, — спасибо вам большое, вы тогда уж без нас поезжайте.

— Я не тороплюсь. — Драйвер улыбнулся. — Только их посадить уже некуда.

Крис выскочил прямо перед носом Махмуда.

— Ярко светит солнце Сааремаа, и ветер благоприятствует движению китов! — закричал он.

— Ой! Крис. — Махмуд расплылся в улыбке. — И Галка, однако.

— В Ебург?

— В него. Сегодня уже не успеем, ночь скоро, спать надо.

— Давайте вместе. У нас хавка есть.

— Вместе оно и лучше, — медленно и веско проговорил Махмуд.

— Галка, давай перенайтуем с шаманами.

— Можно.

— Спасибо огромное. — Крис уже обращался к драйверу. — Мы останемся здесь, с друзьями.

— Не за что. О, стойте! Девочка, дай свой рюкзак.

Вскоре Галкин рюкзак был дозаполнен помидорами, яблоками и огурцами.

Отступление пятнадцатое: Что такое Мамушка и еще немного о шаманах из Сааремаа

Мамушкой бас-чемодан был назван в честь якобы казацкого танца, который виртуозно исполняли весьма милые братья, герои фильма «Семейство Адамс». Этот танец так понравился шаманам, что часто, забыв обо всем, они начинали подпрыгивать, кружиться, хлопать друг друга по рукам, словно купцы после выгодной сделки, и громко выкрикивать: «Мамушка!». Остальное же время Махмуд и Волос, покуривая трубки, изобретали разные прикольные музыкальные штуковины из брошенных и на первый взгляд никуда не годных вещей.

Например, из консервной банки, куска говяжьей шкуры и каких-то подобранных в лесу палок они изготовили скрипку, причем она строила и весьма классно звучала. Эти два шамана повсюду оставляли звуковую память о себе: на Сааремаа, не на эстонском острове, а на вечном мистическом Сааремаа, родившемся в домике художницы Маши в Токсово, под Питером, где шаманы, создав маленький колхоз по производству музыкальных инструментов, встречали и провожали зиму, осталось подвешенное за ось колесо, на ободе и спицах которого болталось бесконечное множество сухих тростинок на веревочках, и стоило его пошевелить — в комнату входил ветер, залетали птицы, шумела речная вода. В других домах, квартирах, сквотах, флэтах после шаманов появлялись разные барабаны, барабанчики и барабанищи.

Но истинным шедевром была Мамушка. Ее корпусом являлся старинный фанерный чемодан гигантских размеров, с несколькими проделанными в нужных местах дырками на крышке. Сверху же были натянуты струны и закреплен ряд металлических пластин. Отчасти Мамушка напоминала бандуру, отчасти виброфон, а в путешествии служила чемоданом, содержимое которого, помимо обычных, необходимых в быту вещей, типа спальника и палатки или тех же барабанов — бубнов, кусочков кожи, бечевки, бамбуковых палочек, включало и вещи необычные,

найденные по дороге: будущие звонилки-гуделки-пищалки-трещалки и разные другие, бесполезные с обыденной точки зрения штучки.

Колхоз Сааремаа был немыслим без вечерних звуков Мамушки: Волос играл на басу в разных этнических командах, а Мамушка, несомненно, была этническим инструментом и вместе со скрипкой Махмуда и флейтой Гарика составляла весьма улетное трио. Да и сам Волос вполне соответствовал инструментам и музыке. Свое прозвище он получил за очень длинные волосы, да и одевался он прикольно, но, в отличие от многих «волосатых», аккуратно, в шляпе, чем-то похожей на тирольскую, в куртке, расшитой бисером, и зеленых брезентовых клешах, даже в самой грязной грязи Волос сохранял чистоту и гармонию, так что слова «там, где я, там и мой дом» подходили к нему в полной мере. Здесь можно было бы вспомнить печать, изготовленную однажды Филом:

«ДЛЯ ВЕЧНОГО БЕЗДОМЬЯ ГОДЕН»,

след которой долго оставался на моей руке. Но это были другие времена и другие люди.

Я употребляю в отступлениях прошедшее время лишь потому, что так удобнее для повествования, можно говорить и есть и будет, но это несколько иное, отличное от «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», ибо я сам живу в Сааремаа, и натягиваю веревки на барабан повествования, и разговариваю с Волосом по телефону, но это другой Волос, а тот, что в моей книге, уже позади, на трассе вместе с Махмудом, Крисом и Галкой идет искать место для ночлега.

Они нашли правильный холм и правильный ветер, они нашли родник у подножья, они развели костер и заварили чай, они сели посэйшенить друг для друга, для трав, деревьев и птиц и сразу нашли правильные созвучия: ветер мчался к вершине холма, но на поляне вдруг начинал танцевать, взвивая пламя костра в стремительном круговороте, и гулкий голос джамбея, и пронзительный всепроникающий скрипичный, и протяжная басовая песня Мамушки входили в его прозрачное сильное тело, цепляли Криса и тащили за собой к небу.

«Что же, Крис, тащится и тащись, расслабься, оставь все, ибо ничего нет, ибо нечего уже оставлять, «тум-тум-тэк, и тум, и тэк, тум-тум-тэк, и тум, и тэк» — этот ритм мелькал перед его глазами

огненными искрами — арабскими значочками — живая запись партии ударных: точка-точка-палочка, точка, палочка. Смотри, Крис, они рассыпаются в небе, и небо втягивает тебя вслед за ними, ставшими уже звездами, и ты сам тум-тэк, точка-палочка, низкий-высокий звук, искра, комета, летящая вверх-вниз, тум-тум-тэк, и тум, и тэк, к мертвым, к тем, кто еще не рожден, туда, где Великое Дальше, где ничего нет, кроме трубы-водоворота и ангела — луча ослепительно-белого света».

«А помнишь другого, фарфорового, он стоял на шкафу в комнате твоего детства, по вечерам, засыпая, ты мысленно превращал его то в чайку, то в большую белую бабочку, то в привидение, и ангел медленно плыл в синих отблесках уличных фонарей, сливаясь с таким же белым потолком, а дальше... Это был день, и ты полез на шкаф, помнишь, во что ты играл? Уже нет? Ангел от твоего неосторожного прикосновения упал вниз и сломал крылья, белые острые осколки фарфора разлетелись по полу, и ты загреб их под шкаф, но не все, и твой отец разрезал ногу, однако не рассердился, а поднял глаза вверх, поцокал языком и наигранно суровым тоном произнес: «Ты, пошто, Митя, Нике крылья отломал?» Ты узнал имя ангела — Ника, и тогда же тебе объяснили, что Ника это не ангел, а всего лишь античная богиня, которая крылата, как все боги, как и Смерть сама, вот теперь ты знаешь, что у Смерти имеются крылья, тум-тум-тэк, и тум, и тэк...»

«Но этого ангела зовут по-другому, его имя Завтра, он живет в углях, в пепле, в том, что сгорело, Завтра смотрит на тебя красными угольными глазами, за-за-за, тум-тум-тэк, они остынут, как закат, ты помнишь того человека, который говорил тебе не смотреть на закат, и твое время — это водоворот огня, и на противоположной стороне — это дорога, на которой стоит маленькая девочка Алиса, улетевшая однажды утром, растаявшая, как облако. Это твой собственный стоунхэндж, где ты одновременно и жрец, и жертва, и само жертвоприношение, а дальше — темные коридоры, лестницы, чьи ступени словно протянутые ладони, словно корни деревьев — затвердевшие и ставшие землей облака, беги быстрее, наверх, к белому пятну, к единственному

яркому кусочку света, беги мимо тысяч тусклых огней, тысяч возможностей, беги, ибо саламандры уже роют в тебе ходы, и синий бык темно-красными углями-глазами зовет тебя. Ты сам выдумал их, ты слишком много читал, умный мальчик Митя, и про быка, и про орла, и про единорога, которого может приручить только девственница. Это чистая доска, «табула rasa», каждый раз смерть стирает старые меловые следы и становится чистой, и ты можешь писать на этой доске свое первое слово. Ты помнишь его, «мама» или «дай». «Дай», — говоришь ты и тянешь ручки. Ну что же, бери, бери, бери все, а ведь ты, парень, попался на удочку Грофа, ты слишком глубоко вдыхал эту жизнь, не вспоминаешь ли ты собственное рождение, а свет все ближе, и куда тебе плыть в этом небе, тум-тум-тэк, и тум, и тэк, — это стучит твое сердце, молот небесного кузнеца, перековывающего старых на молодых, но где она, твоя старость, дерево здесь, дерево там, сухое дерево, из него будет сделана ладья, и река уже рядом и волны — ступени под твоими ногами, и рыба, нет, синий бык с налитыми огнем глазами выплевывает большие радужные пузыри, и ты куда... куда — снова вниз, мелькают деревья, и ветки смыкаются над тобой, и костер разбрасывает звезды на темное небо. Тум-тум-тэк. Ты слишком поэт, Крис, чтобы пройти сквозь эти двери. Ты не успел сорвать с дерева маленькое шаманское зеркало, которое видел однажды, а теперь оно уже на стороне водоворота по имени Другой Раз. Тебя будут держать сотворенные тобой образы, ты не сможешь оставить их в этом мире, пока не найдешь хвоста кометы, который всегда впереди ее самой».

«И даже это ты говоришь мне в виде образа».

«Разумеется, ведь я — это ты, а ты — это я».

Крис вышел из «потока» и смог ощутить себя в своем теле, он услышал наконец собственную песню — это была заунывная, длинная, как сама дорога, мелодия, которую два дня назад напевал в машине драйвер казах... Кристофер медленно погасил голос и теперь уже со стороны ощущал коридор, куда вошел во время недомедитации, недо-, потому что истинной медитацией было для него полное опустошение, растворение в изначаль-

ном, а не в том потоке образов и мыслей, что являются его миром, что на самом деле является майей, иллюзией.

А я — капля, вобравшая этот мир, накопившая все, что вижу и чувствую, ведь капля — от слова накапливать, и летящая вниз, до самой фарфоровой земли, где когда-нибудь разобьется на множество брызг-бисеринок. Ну вот, мой разум уже обрабатывает и раскладывает по полочкам все, что можно по ним разложить, вот я уже отделил себя от музыки, от земли, воды и огня, от Галки, от Махмуда, от Волоса, от ветра, от дороги, от деревьев, я уже есть — вот оно мое Эго — The Egg, яйцо на ладони поляны, стенки которого не так прочны и изнутри стучит клювом птенец. Нет, это стучит джамбей, вторит ему Мамушка и звонкий голос Галки перекликается со скрипкой...»

Глава восьмая

Сны, сказки и телеги

...Что же будет через день, что же будет через год?
У меня есть только лень да мой народ:
Волосатые ублюдки,
Кроме тех, кто залетел на сутки —
Эти лысые наоборот...

песня Умки

Они вышли на трассу поздним утром после ночевки под брезентовым навесом у горевшего до рассвета костра, после курения ритуальной трубки и чаепития — хозяйственный Волос смог так неспешно и капитально организовать быт, что поляну покидать не хотелось.

Волос и Махмуд намеренно отстали, чтобы быть первыми на стопе — двум парням, какими бы прикольными они ни были, труднее поймать машину, чем парню и герле.

— Смотри, как забавно, — сказала Галка, глядя на друзей, ставших уже точками, дорожными знаками на обочине, — сначала о них драйвер рассказывал, потом мы говорили и вдруг встретили. Вот уж действительно, легки на помине.

— Здесь неясно, что первично... Вспоминая, мы вызываем фигуры воспоминаний или приближение реальных фигур вызывает воспоминания. Видения... — Легкий озноб пробежал по спине Криса: его мысли в очередной раз вернулись к странной колонне грузовиков и «пастуху», которого Галка почему-то не увидела.

«Весенняя кислота, уважаемый, — сказал он сам себе, — теперь расплачивайся».

«Но на Алтае не было ничего такого».

«Ты возвращаешься в места, где сдвинул крышу... На Алтае ты был более цельным. Тебе хватало того что вокруг. Ты даже снов не видел».

«Но «то что вокруг» — такая же иллюзия, как и сны».

«Однако ты называешь: вот это — сон, видение, а это — реальность. Значит, разделяешь. И после этого ты смеешь говорить, что знаешь истинный путь...»

«Не знаю, чувствую».

«Может, хватит?»

«Ладно, хватит».

— У меня это часто бывает, — сказала Галка.

— Тоже видишь?

— Крис, ты о чем? Я говорю, часто бывает, подумаешь о человеке, которого не видела бог-знает-сколько, а он вдруг и появляется.

— У меня тоже. — Крис окончательно освободился от внутреннего диалога. — Это все неслучайно. Иногда не человек, а образ. Как-то на одном московском сейшене заговорили о Сиде Баррете. Об одном из основателей «Pink Floyd».

— Ну да.

— Знаешь, что он был очень толстым и повсюду ходил с мамой, потому что чего-то боялся, одним словом, у него серьезно ехала крыша.

— Да, я даже вроде видела его вместе с мамой в каком-то журнале.

— Ну вот, он все время с ней ходил. А после этого сейшена, меня туда пригласили песенки попеть, я пошел на другой. И там, это, собственно, не сейшен был, там поэты стихи читали, я встретил одного поэта, который тоже был довольно толст и пришел вместе с мамой. И даже вроде в дурдоме лежал. Как Сид Баррет. И я подумал: надо же, ведь только что вспоминали Баррета.

— Я и говорю, часто бывает.

— Но это еще не все.

Галка внимательно посмотрела на Кристофера.

— У этого поэта, а я скажу, стихи у него классные, — продолжил он, — было посвящение Сиду Баррету. Поэта, кажется, Щербина зовут.

— Да... А что с ним сейчас? Он вообще жив?

— Щербина? Наверное. Он молодой совсем.

— Нет, Сид Баррет.

— А кто его знает. Кто говорит — умер, кто говорит, что недавно альбом выпустил.

— А я вроде слышала, он живет где-то в деревне, картинки рисует.

— Может. Дай Бог.

— Очень часто гениальность совпадает со странностями.

— Я видел схему. — Крис нарисовал на песке обочины круг. — Вот такую. Это... — он ткнул ногой в линию, — то, что психиатры называют нормой. Идеальный гармонично развитый человек. Теперь...

Крис стер часть окружности и нарисовал вмятину. А с другой стороны добавил горб. Получилось что-то вроде перца в разрезе.

— Впуклость — ущерб, выпуклость, — пояснил Кристофер, — продвинутость в той или иной области. А объем этой амебы, — он указал на бывший круг, — скажем, постоянен. И если в одну сторону слишком большой плюс, то есть гениальность, то с какой-нибудь другой стороны — минус.

— Туфта, — сказала Галка, — ведь может быть вот так.

Она восстановила окружность там, где была вмятина.

— Нет, объем круга сохраняется... И тогда при наличии выпуклости обязательно должна быть впуклость.

— То есть любой гений ущербен?

— Я так не говорю. Посмотри на меня. — Крис выпятил грудь.

— Ну да, — сказала Галка, — одни выпуклости.

— А если серьезно, ты права. Это всего лишь глупая схема.

Он переместил взгляд и увидел, как похожее на осу насекомое тащит через дорогу мертвого кузнечика. И хотя поклажа по размерам намного превосходила носильщика, он передвигался довольно быстро.

— Смотри.

— У какая! — Галка догнала насекомое, когда оно было уже посреди дороги, и сосредоточенно-методично, словно выполняя важное задание, принялась топтать ногой.

— Что ты делаешь?

— Подгоняю.

— Может, оно не хочет. Своими действиями ты нарушаешь гармонию.

— А если его раздавит машина?

— Водитель не видит насекомое... В этом отношении он слеп, как судьба. А насекомое не знает о том, что здесь может проехать машина. Твои же действия осознанны. Ты спасаешь того, кто возможно, спастись не желает.

— Но я... топ... так... топ... хочу.

— Тогда другое дело.

Галка продолжала играть с насекомым, а Крис вдруг вспомнил слова Вити Банджо, причем воспоминание смешалось с выдуманым образом — Банджо сидел на каком-то старом каменном мосту с гитарой в руках и говорил: «...Вот, посмотри на жуков, как интересно они устроены. Хитин, он твердый, это защита, но он и хрупкий одновременно... И я такой же...»

В итоге, когда появилась попутка, Кристофер и Галка были по разные стороны трассы. Легковуха, старенькая иномарка неопределенной модели не остановилась и даже не притормозила.

— А может, если бы мы стояли вместе, она остановилась бы, — сказал Крис, — и с нами по жизни произошли бы совсем другие приключения.

— А если без «если» и без «бы»? Сам говоришь «Бы» не Бы-бывает.

Галка вернулась на сторону Криса.

Не остановилась и следующая машина. Затем прошла плотная колонна, из которой лишь первая или последняя машина пригодна для стопа, остальные зажаты между и подчиняются правилам потока. Не остановилась ни первая, ни последняя. Затем — машина, в которой Крис увидел улыбающуюся рожу Махмуда: «Смотри, Галка, шаманы уже застопили!» Крис пома-

хал шаманам рукой. Затем зеленый микроавтобус, который уже издали стал притормаживать и мигать поворотником. В кабине сидели два крепких, бородатых мужика, в энцефалитках и фуражках. «Лесники, однако. Или геологи», — после общения с шаманами некоторые мысли Криса обретали соответствующую словесную форму. Оказалось, ни то ни другое — пасечники. И в салоне не было ничего, кроме двух алюминиевых бидонов, запасного колеса, троса и чудесного, упоительного запаха цветов, воска и меда. Крис положил рюкзак возле стены на ребристый металлический пол. Неплохое сиденье на двоих — можно ехать и смотреть в маленькое окошко напротив, как в телевизор, где показывают бесконечный абстрактный мультик — мелькание веток на фоне белого неба.

Через три часа сюжет мультика изменился — небо лишь иногда появлялось на экране, остальное время — верхние этажи домов.

— Мы едем в центр, — сказал водитель, — где вас высадить?

— Давайте в центре.

— Давай зайдем к Андрею, — предложил Крис Галке. — Он на Белинского живет. А от него уже разедемся — ты к Сэнди, я... А я не знаю, но Сэнди видеть мне не хочется.

— Шаманы, кстати, у Сэнди вписываться будут.

— Шаманов я еще увижу. Меня еще К. А. Кашкин в мастерскую приглашал. На каких-то космонавтов.

— Кто-кто?

— Есть такой поэт. Олдовый-преолдовый. Ему уже лет шестьдесят наверно. Когда я его знал, он был К. А. Кашкиным. А теперь вроде Б. У. Кашкин.

— Б. У. — бывший в употреблении?

— Может быть. А может, приятней быть милым Букашкиным, чем злобным Какашкиным.

Они затормозили возле светофора, и в телевизоре застыла картинка — небо, расчерченное проводами.

— Отсюда до Белинского два квартала, — сказал водитель, — а дальше мы чуть в сторону.

— До Белинского два квартала, до Некрасова подальше, а до Достоевского? — спросил Крис, оглядывая перекресток, на котором их высадили пасечники. — Место мне знакомо.

Галка улыбнулась.

— Достоевский в каждом из нас.

— Ну что, ты решила?

— Пошли, что ли, к твоему Андрею на флэт. Душ у него есть?

— А как же. У него, сударыня, не флэт, а квартира.

Отступление шестнадцатое: Что такое флэт, сквот и квартира

Квартира, флэт и сквот — вещи различные: понятие квартиры не требует пояснений, в квартире есть хозяева с пропиской и со своим устроенным бытом, и вписывают, как правило, они только тех, кого хорошо знают и хотят видеть. В квартире могут жить и дети, и родители и все нормы жизни определяются не гостями, а хозяевами.

А вот флэт — это уже некоторым образом коммуна, где часто гости становятся хозяевами, где, помимо гостей, есть вписчики (люди случайные, безразличные или даже неприятные формальным, т.е. прописанным на данной жилплощади хозяевам), и один раз я был свидетелем, когда хозяйка флэта, вернувшись к себе домой, не увидела ни одного знакомого лица и, мало того, была встречена словами: «Найди себе другое место, здесь и так много народа».

На сквоту (скворте) же никто не прописан. Это чаще всего большая квартира (или несколько квартир) в расселенном доме, где из прежних хозяев уже никто не живет, но отопление, газ, а порой даже и телефон еще не отключили.

В Москве, например, в середине девяностых, были в основном известны два сквота, на Бисах, в булгаковском доме недалеко от станции метро Маяковская, и на Остоженке. Это были настоящие поселения, полные всякой-разной «жизни». Мастерская, творческая лаборатория, художественная галерея, храм — любое из этих определений подходило к обоим. Но у каждого было свое, совершенно неповторимое лицо. На Бисах — мастерские художников, музыкальная студия, киносъёмочная

площадка... Некоторое время там существовал даже Университет Хиппи, весьма интересное учебное заведение, где реальные и совершенно нереальные преподаватели (от великих странников до докторов наук) читали лекции и проводили семинары для всех желающих. Остоженка больше походила на музыкальную лабораторию и (в конце своего существования) на ашрам.

Сквотам, как и всяким живым образованиям, свойственно болеть, излечиваться, умирать и рождаться. И Остоженка, и Бисы не являлись исключением. Оба болели и излечивались от пожаров, бандитских наездов, злокачественных коммуналок с настоящими коммунальными разборками (типа «не играй в мои игрушки и не пидай в мой горшок»), ибо некоторые бездомные хипаки, обретая даже временный дом (а что здесь не временно?), не выдерживали испытания непривязанностью к материальным благам.

Добавлю, что обитатели этих сквотов не употребляли тяжелых наркотиков и старались быть лояльными к представителям власти.

Умерли оба сквота почти одновременно: Бисы были вытеснены коммерческими структурами (несмотря на акции в защиту дома, на попытки превращения его в комплекс мастерских по типу питерской Пушкинской, 10), а гибель Остоженки наступила после гибели Димы Царевского, одного из людей Радуги. Яркий и неординарный человек, он объединял вокруг себя многих и вместе с Сурьей и Врежем был сердцем сквота.

После его убийства журналисты из «Времечка» показали какой-то невнятный сюжет, совершенно незаслуженно обозвав Диму «известным наркодельцом». Откуда они это взяли, объяснить довольно легко. Он пытался официально выступать за легализацию марихуаны. Но это была лишь одна из многих граней его жизни. «Он просто уехал в далекое путешествие», — однажды сказал Волос. Мне тоже хочется так думать.

Квартира Андрея и в самом деле не была флэтом — это была настоящая двухкомнатная уютная квартира с настоящим хозяином — писателем, философом и преподавателем местного художественного училища, с долгими чаепитиями на кухне, с чтением книг в комнате, с весьма интеллектуальными разговорами обо всем на свете, с гостями, которые могли остаться и на ночь,

но от этого не становились вписчиками, ибо были желанными гостями.

Крис решил зайти без звонка — благо уже середина дня и Андрей вряд ли спит. Тем более что некогда было получено приглашение типа: «заходи не стесняясь в любое время дня и ночи».

Андрей, большой, бородатый и волосатый человек, сам открыл им дверь.

— Здравствуй, — сказал Крис.

И маленькое пространство коридора стало еще меньше. Бэг Криса и бэг Галки легли на пол рядом с другими рюкзаками и сумками.

— У тебя гости? Мы не вовремя?

— Как раз вовремя! Крис, ты же знаешь. Здорово, что ты приехал. Квартирник сделаем. Тут твоя последняя пленка многих сильно вставила. Я тебе даже звонил.

— Я тоже рад. Это Галка. Просто Галка, — Крис представил спутницу.

— А я Андрей. Просто Андрей. Проходите, проходите. — Андрей распахнул дверь в комнату.

Старый диван, пипл на нем, низенький круглый столик, заставленный чашками чая. Все как и раньше. Только пипл другой. Не совсем...

Крис узнал Федора. Тот выглядел весьма странно — в белой рубашке, галстук и костюме. Костюм, правда, был немного маловат. Того самого Федора, что приехал на Рэйнбоу в Кафтино за месяц до начала и поселился в железной будке, стоявшей на берегу озера. Тогда он был подобен настоящему лесному отшельнику — ватник, драный свитер, земляного цвета штаны, бритая голова, на которой то ли чуб, то ли ирокез. А теперь...

— Ты ли это, Федор?

— Крис! Галка!

— Вы пока усаживайтесь. — Андрей поднял и покачал большой, литров на пять, эмалированный чайник. В нем звонко перекатались остатки воды. — Пустой. А я пока чай поставлю.

— Это армия, но сидим мы за школьными партами, — Федор продолжил прерванный появлением Криса и Галки рассказ, — вся рота. И что-то пишем. И вдруг с моим соседом что-то вроде эпилептического припадка случилось. Ну, он задергался, вспотел весь, и все такое, а затем лицом на парту упал. К нему командир роты подошел, лицо приподнял, посмотрел, а затем траву из нашей парты вытащил. Ну, тут всеобщий шмон начался. А ведь у всех в партах трава. Понабежало всяких полковников, стали накидываться на всех, дескать, вы ее на продажу готовили. А все оправдываются: нет, только для себя. В этот момент встречаю я и вдруг говорю, что если хлеб продают, почему травку нельзя.

«Бред какой-то». Крис недоуменно посмотрел на Федора. Тот поймал взгляд Кристофера и пояснил:

— Это мы сны рассказываем. У нас конкурс на лучший сон. Ну, они все тогда на меня набросились. И приходят вообще невообразимые генералы, маршалы, прикиды, каких и в жизни-то не увидишь. А потом говорят, сейчас главного приведем. И приходит главный, представляете кто? Дэн питерский. Ну, вы его все знаете.

Все рассмеялись.

— Дэн наезжать не стал, — продолжил Федор, — а просто взял пакет. И мы вдвоем пошли куда-нибудь покурить. Выходим, главное, на стадион. Огромный шиваитский стадион, по краю которого множество всякой лепнины. Там, где обычно бортик с рекламой. Изображения Шивы, Парвати, Ганеши. А рядом рельсы, тоже по бордюру, на которых тележки такие странные — четыре колеса на высоких стойках. Само место, где можно сидеть, на высоте метра три.

И вот я сел на эту тележку и поехал по кругу разглядывать эту лепнину. И вдруг моя тележка сошла с рельсов. И так съехала, что откололся кусок лепнины то ли с Шивой, то ли с Ганешей.

И раздался громовой голос, как бы с неба. «Вы разрушили часть наших украшений! За это обычно полагается серьезное наказание, но в данном случае... — Федор сделал паузу, — вы выиграли приз. Вы выиграли луну». И вот появляется приз...

— Откуда?

— А я сам не врубился, вроде из центра стадиона. А приз — это луна на веревочке, а под ней котел. А веревочка — на удочке. Получается такая подвешенная на удочке рыба луна.

— Какая луна? То есть из чего сделала?

— Погоди. Она как настоящая. Вот, беру я эту удочку и собираюсь идти, как тот же голос мне говорит: «Прежде чем нести луну, вы должны опустить ее в воду». То есть в котел. Ну, я опускаю, а там не вода, а пар, раскаленные камни, раз-другой, и луна как бы отпаривается. Почему-то я тогда подумал — отпариваю луну. Я поднимаю очередной раз и вдруг врубаюсь, что эта луна сделана из капрона и, отпарившись, начинает расползаться размазываться в светящуюся нить: я пошел, а за мной нить тянется-тянется и так вся размоталась. А тут вдруг ниоткуда появляется Мишка и Оска. И Миша кричит: «Где, где? А что, уже все кончилось?» Я говорю: «Да». А он: «Жалко, мы тут брусочек таскали, думали посмотреть». А я понял, что смысл этого приза и состоял в том, чтобы отпарить и размотать луну. И вот я просыпаюсь и врубаюсь, к чему этот сон. Но пока его переваривал, забыл. И сейчас опять не врубаюсь.

— Ничего, врубишься, — рассмеялся кто-то.

— Вот у вас конкурс, а кто жюри? — спросил Крис.

— А у нас конкурс без жюри. Побеждают все, — сказал Андрей. — Вы будете участвовать?

— Крис вообще сновидец. — Галка посмотрела на Кристофера. — И сказочник. Расскажи что-нибудь.

— Большинство моих снов только для меня. Другим они неинтересны.

— Давай тогда ты, — предложил Андрей.

— Я его сны рассказать не могу. А мои тоже неинтересны. Разве что про кошек. — Она снова повернулась к Крису. — Ты его знаешь.

— Хороший сон, — сказал Крис.

— Он очень простой. Я была как бы в темноте и видела луч света, — начала Галка, — типа лунной дорожки на воде. Такой

белый, но не слепящий. Причем обычный свет луны, знаете так, прерывается рябью, а этот — нет. Он плавно расходился во тьме. Это еще было похоже на полосу света из полуприкрытой двери в темное помещение. Только здесь луч выявлял не поверхность, а объем. А потом я увидела стаю кошек. Во тьме, конечно, только силуэты. Грациозные, как маленькие пантеры. Они вошли в этот свет. Первая была черной. Бархатной. Она плавно... — Галка показала рукой волнистое движение, — плавно-плавно, как волна пересекла полосу и снова — в темноту. А за ней пошли остальные. Целое радужное шествие. Причем окраска самая разная — от светло-голубой до темно-красной. И все они переходили этот световой поток. И я вдруг поняла, какой это полный мир. Причем он был совершенно реальным. А последняя была просто — улет. Белая, ослепительная. Такая яркая, что весь этот свет словно назад ушел. Она так... остановилась посреди полосы, села и повернула морду в мою сторону. Она единственная посмотрела на меня. И тут самое прикольное — глаз у кошки не было. Просто два отверстия. Такие две дыры, не только в самой кошке, но и в этом световом потоке, в самом мире. Такое жуткое ощущение бесконечности. На этом я проснулась.

— Кошки вообще-то к врагам снятся, — сказал кто-то.

— Но я их только видела. С ними никак не общалась.

— Ну, теперь ты, Крис. — Андрей наполнил его чашку. — Ты последний остался.

— А может, лучше конкурс телег устроим, — предложил Крис, — это интереснее.

— Этот конкурс у нас все время происходит.

— Новые люди тащат новые телеги. А иногда старая бывает к месту. А я вот, например, давно вопрос хочу задать. Что это, Федор, с тобой произошло?

— А чего?

— «Долой канотье, вместо тросточки стек...» — пропел Крис, подражая Высоцкому, — «и шепчутся дамы, да это просто другой человек».

— «А я тот же самый», — продолжил Федор. — Это ты про костюм? Я же теперь работать стал.

— Дважды потрясающе. Во-первых, я не думал, что кто-нибудь кроме меня знает эту песню. А во-вторых, какая же у тебя работа?

— Я теперь торговец. Тут кришнаиты бланки для ценников делают. А я езжу, продаю. — Он вытащил из кармана пачку и протянул одну карточку Крису.

Она была похожа на пустую, из твердой кремовой бумаги визитку, по периметру которой был нарисован витиеватый орнамент.

— Все ясно, — сказал Крис, — стадион в твоём сне — это карточка, а лепнина — кришнаитский орнамент. Приз, луна — соответственно работа, деньги, монеты одним словом, которые ты разматываешь, то есть проматываешь, то есть потратишь ещё до встречи с Мишкой.

— Поэт, одним словом. — Андрей улыбнулся. — Провидец.

— И кому же ты их продаешь? — спросил Крис.

— В магазины, — пояснил сосед Федора, — по всей Руси.

— Крис, а может, споешь?

— Не сейчас. Вечером. Я в душ хочу.

— И я, — сказала Галка.

И здесь, как и в Алма-Ате, не было горячей воды, и они поливали друг друга из тазиков, Крис учил Галку экономному мытью: сначала голову — мыльная вода, стекающая с волос, моет остальное тело, затем горячая, обжигающая вода, так чтобы холодный душ был приятным, и пока они совершали друг над другом подобные пытки, пока Крис, стоя под ледяной водой, превращался в Карбышева: «Ничего от меня вы не узнаете, да и сказать-то мне вам нечего», — пока они возились в ванной, ибо игра в Карбышева вдруг сама собой переросла в другие игры, и, чтобы никого не смущать, пришлось даже пустить воду, пока они одевались и стирали грязное бельё, в комнате появились новые люди.

«Какие-то молодые пионеры», — тихо сказала Галка в ухо Крису.

«А сама-то».

«Обижаешь, начальник, я давно уже олдовая-преолдовая».

— Это мои ученики, — сказал Андрей. — Из училища. А Слон из Питера.

Слон, большой, круглолицый румяный и безбородый, вполне соответствовал своему прозвищу.

— Много лет в Питере живу, а Слона так и не видел. — Крис пожал руку. — Я знаю другого Слона, московского. Это ты, что ли, на басу играешь?

— Я на басу не играю. Слонов много. В Питере несколько.

— Питерский Слон лучший друг свердловского Слона.

— Не мешай, Слон сказку рассказывает.

— И стал печальным царь Опиан, — медленно проговорил Слон, — и издал указ: дескать, собирайтесь, богатыри, со всего свету, и кто Змея Героиныча покорит, тому полцарства и невесту в придачу.

— Теперь у вас, что ли, конкурс сказок? — спросил Крис Андрея.

— Типа того. — Андрей улыбнулся.

А Слон тем временем продолжил:

— И прискакали к нему всяки разны витязи заморские...

Отступление семнадцатое: Сказка о царе-Опиане, Иване-наркомане и Змее Героиныче

Сказка, которую рассказывает Слон, да не обидятся на меня Слоны Руси Великой, коих много, один из них мне известен по стихам о братьях наших меньших: клопах, червях, медведях, и прочей живности, вошла в фольклорное собрание Степана Маркельча Печкина, лидера группы «Рождество», откуда, практически без искажений, я ее и цитирую. Слон, замечу, рассказывает куда хуже и неинтересней. Один из вариантов этой сказки я слышал более десяти лет тому назад.

Итак...

«В некотором царстве, некотором государстве правил некогда некий такой царь Опиан с царицей своей Морфиной Маков Цвет. И была у них единственная дочка — принцесса Кайюшка Плановая. И любили они ее,

ясный пенёк, и берегли пуще глаза. Однако ж вот раз гуляя по саду, цветочки-травки собирая, а тут налетел злобный Змей Героинич, прихватил-повинтил принцессу, да и к себе на хуа скинул.

Опечалился царь Опиан круто:

— Ах ты, чудовище злобное! Не влом же тебе мое царство клеевое доставать! Чтб ты умер смертью лютой за день до последнего мента; да чтб могила твоя поросла дикими приками, да чтб они расцветали все в полнолуние, да чтб на ней Нупогодай с Миксом хором «Битаз» пели!..

Короче, издал царь указ, что ежели найдется такой богатырь, что Змея Героинича покорит, то ему разом принцессу в жены, полцарства в карман и полкармы с плеч долой.

Вот прискакали к нему принцы-витязи заморские: с Запада — мистер Торч, агент цэрушный, с Севера — барон герландский фон Глюкеншмыг, с Юга — султан Солутан, а с восточной стороны — Та Цзе-Пам, даос китайский. Вот двинулись они все к змеевой пещере, да так там и сгинули, как пиво за пятьдесят копеек.

Горько обломался царь Опиан, совсем в депресняк впал:

— Чтб ты сдох, проклятый Змей! Чтб ты колесом подавился, чтб вчерняк удалбился! Чтб пещера твоя Княжновским лагерем накрылась! Чтб во всех твоих землях ни единого кустика травки не проросло, а росли бы одни ромашки и нюхали бы их одни битломанки! Почто ж мне ломота такая?!

Однако ж, как у Ницше сказано, всяк да не приколется к облому своему. И пошли гонцы царские к Бабе-Яге, что оловей самого БеГе. И говорит она им:

— И-и, светики, знаю, как замороке вашей помочь. Идите вы все прямо, прямо, в пятницу налево, и дойдете до Сайгона. Там вычислите Ивана-Наркомана, а уж он придумает, что делать.

Раскумарили гонцы Бабу-Ягу, дала она им машину-самоход. Треснулись они, открывают глаза — глядь, уж они в Сайгоне кофе пьют, а тут же и Иван-Наркоман на подоконничке отрывается. Поимели они его, как был, не жравшего, и мигом к царю Опиану обратно. Глянул на Ивана царь — и обхохотался, хоть вроде и не подкурен был:

— Ты, что ли, в натуре, на Змея собрался? Когда тебя колесом придавить да сквозь штакет протянуть?!

— Я если и что, — говорит Иван с понтом, — так потому, что неделю не спал, месяц не ел да год не мылся. А насчет змеев ваших — это мы еще приколемся.

И пошел Иван-Наркоман к пещере Змея Героиньча. Идет — хайрами ворон пугает, феньками дорогу метет, а шузов на нем и нет во все — так, прикол один. Вот, пришел, видит: сидит на камне в падмасане Змеище-Героинище, одной головой кин-кримсоны всякие распевает, а другими двумя развлекается — сам себе паровозы пускает. Увидел Ивана и говорит:

— А это что за глюк такой к нам пожаловал? С каких краев будешь, молодец, какого роду-семени, какой тусовки-племени?

Говорит ему Иван:

— Я — Иван-Наркоман, оловый хипан, родом с Петрограду, с Эльфовского Саду, на вписке зачат, на трассе рожден, в Сайгоне выращен, в Гастрите выкормлен, я от ментов ушел, я от урлов ушел, я от нациков ушел, а уж тебя-то, змеюка бесхайрая, прихватчик левый, глюковина непрошенная, ежели принцессы не отдашь, кильну в момент к Катриновской бабушке!

— Ты, молодец добрый, прихваты эти брось, — Змей говорит. — Попусту не наезжай, крыши не двигай. Ты, может, и интеллигент, да и мы не лыком шиты. Нешто приколемся-ка мы на косяках биться?

— А прик ли нам? Давай!

И стали они на косяках биться. День бьются, ночь бьются — только дым столбом. Наконец, упыхалась голова у Змея Героиньча. Говорит он:

— Эвона! Неслабо ты, Иван, по теме приколот. Перекумарил ты меня!

А Иван-Наркоман так только повеселел с виду.

— А, — говорит, — урел трехголовый, вот обломись тебе в первый раз!

— Нешто, — Змей говорит, — давай колеса катать?

Стали они колеса катать. День катают, ночь катают — только пласты горой. Глядь — удалбилась вторая голова у Змея Героиньча, аж язык высунула — совсем ей невумат. А Иван так только посвежел с лица.

— Ништяк, — говорит. — Тут тебе и второй обломись!

— Не кажи гоп, Ваня! — Змей говорит. — Давай-ка теперь на машинах сражаться!

— Ну, давай, — говорит Иван. — Дурь твоя хороша, колеса тоже ничего досташь, поглядим теперь, каков ты есть варщик.

И стали сражаться. Первый день сражаются — показалась им земля с колесо фенное. Второй день сражаются — показалась им земля с конопельное зернышко. Третий день сражаются — с маковое зернышко земля стала, во как улетели. И вот, долго ли, коротко ли бились — вконец Змей Героиныч оприходовался. А Иван-Наркоман цветет в полный рост. И взбормотал ему Змей слабым голосом:

— Иван!.. Уморил ты меня, вчерняк задолбил... За то вот тебе ключи от всех палат, куда хошь ходи, чего хошь бери, только последней маленькой дверцы не открывай, не надо...

И с этими словами кризанулс Змей Героиныч. Сказал Иван:

— Вот тебе и в третий раз обломись. Будет впредь наука, кайфолом дурной. А мне на халяву и уксус — портвейн.

И пошел Иван в пещеру. Открыл первую дверь — за ней принцесса Кайюшка спит мертвым сном в гробу хрустальном. Наклонился тут Иван над ней, да как запел «Лет ит би» — гроб разбился, принцесса ожила. Долго ли, коротко ли, открыл Иван вторую палату. Там все принцы-витязи заморские обдолбанные валяются. Разбудил их Иван той же методой. Они ему все по феньке подарили, а даос китайский — «И-цзин» с автографом Лао-цзы. Открыл Иван третью палату — а там у Змея изба-торчальня оборудована. Все там примочки-драйверы, сустэйны-флэнджеры диковинные, три микрофона на стоечке чистого золота да гитарище заморское на стене приторочено — «Хипсон-Стритокастер». Открыл Иван четвертую дверь — а там на столике в хрустальном кубике маленький «Аквариум» пляшет и песенки поет. Прикололся Иван к штурковине хитрой, однако в пятую палату ломанулс. А там чего только нет! Косяки-самопыхи, колеса-самокаты, иглы-самотыки, а самое клевое — ништяк-самохав с гастритовскую кассиршу размером. Но только стал Иван ко всему этому прикалываться, как напали вдруг на него ломы-самокрюки. И не пошел он в шестую палату. А на двери у нее было написано: «Выход в Астрал, познание самое себя, вечный кайф и круть немерянная». И вот, подошел Иван к седьмой маленькой железной дверце. Думает — куда столько-то добра денет-

ся? Успею еще туда заглянуть. Ан только ключик в дверцу всунул, как тот сам как повернется, да дверь как откроется, да как выскочит оттуда мент-кладенец — И ВСЕХ ПОВИНТИЛ!

Тут и сказке конец, а кто под нее обсадился, тот молодец. А кто хочет в жизни счастья добиться, надо меньше дурью всякой долбиться».

Все переменилось: нет ныне Гастрита, Сайгон стал сначала понтовым магазином сантехники, затем — таким же понтовым магазином пластинок, а потом и вовсе исчез. Разве что Аквариум по-прежнему поет и сказки рассказываются.

Эта же сказка включена в отступление в основном, из-за сленга, коим изобилует, причем употребляется он в ней весьма уместно, так что смысл некоторых слов даже для цивилизных читателей ясен безо всяких комментариев.

— Я на эту же тему анекдот слышала, — сказала Галка. — Тоже старый.

Она сделала паузу и, поняв, что пипл слушает, продолжила.

— Поймал Змей Горыныч алкоголика, чернушника и Ивана-растамана, марихуанщика, значит: «Кто больший кайф доставит, того жить оставляю, а кто обломает, खाваю». Начал с алкоголика. Ну, водки закупили, надринчались по-страшному, а наутро — голова болит, тошнит, в общем похмелье. Съел Горыныч алкоголика.

Под вечер оклемался, позвал чернушника, ну, говорит, давай, вмазывай. Обдолбились они с чернушником. А потом ломки, само собой. И чернушника сожрал.

Через неделю зовет растамана. Начали траву курить. Один косяк забили, другой. С третьего хорошо стало Змею, сидит благостный. Ночь прошла: ни ломок, ни похмелья. Отпускаю тебя, говорит, на все четыре стороны.

Идет растаман довольный, и вдруг сзади Горыныч догоняет, хватает и в рот.

«Ты чего, — спрашивает Иван, — ты же меня отпустил?»

«Извини, брат, все в кайф, но так на хавку пробило».

Все рассмеялись.

Отступление восемнадцатое: О некоторых особенностях отравления канабиотидами

Для людей, незнакомых с г. Канабисом, смысл анекдота может быть неясен. Дело в том, что один из симптомов легкого отравления канабиотидами — немеряный аппетит, появляющийся через несколько часов после «курения». Вот еще один анекдот, описывающий состояние укурившегося человека:

«Сидит на ветке возле реки ворона, укуренная в хлам. Подходит к ней корова.

— Ворона-ворона, не знаешь, где здесь брод?

— А пойдешь вот так, вот так и вот так. Там и будет.

Пошла корова по ворониной указке. И чуть не утонула. Пузырей напускала, воды нахлебалась, еле назад выбралась.

— Ты что, ворона... Я чуть не утонула!

— Странно... — говорит ворона, — здесь утки вчера шли, так им по пояс было».

Может быть, созерцательный образ жизни провоцирует употребление не алкоголя, а канабиса, а может, частое употребление канабиса отбивает всякую охоту к какому-либо действию. Следующий, достаточно известный анекдот взят мной из коллекции Печкина:

«Маленький оазис в большой пустыне. В тени пальмы сидит хиппи и курит траву. Мимо проходит караван.

— Эй, хиппи, вставай, банан срывай!

— И что?

— Глупый! Банан в город неси, продай, верблюда купи!

— И что?

— Верблюда сюда води, бананы рви, на верблюда грузи!

— И что?

— Верблюда в город води, бананы продавай, людей нанимай!

— И что?

— Люди будут бананы рвать, на верблюдов грузить, в город возить!

— И что?

— А ты будешь под пальмой сидеть, траву курить!

— А я и так под пальмой сажу, траву курю».

Можно убрать слова «курить траву», а слово «хиппи» заменить на «мудрец», ибо смысл не в траве и не в «хиппи».

В этой книге трава и вино часто становятся чуть ли не главными героями. И вот появляются возражения какого-нибудь «папы»: «Где тут воспитательная цель? Русские классики учили, что литература должна воспитывать!»

А другой «папа» возражает: «Никто никому ничего не должен!»

А Булат Окуджава: «Каждый пишет, как он слышит, каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...»

И вот я почувствовал, что пора на несколько строк стать «папой» и сказать о своем отношении к происходящему.

Я давно не курил травы. В данное время мне это не нужно. Зато я не против выпить с друзьями красного вина. Завтра все может быть по-другому.

Я видел людей, разрушенных алкоголем. Я видел людей, тормозящих от неумеренного употребления марихуаны и гашиша. Многие мои знакомые деградировали и умерли от «тяжелых» наркотиков. Ничего хорошего в этом нет!

Но милые мои читатели-воспитатели. Мой жизненный опыт говорит, что душевные качества человека не зависят от того, что он употребляет.

— Один раз Иван-дурак, заметьте, не растаман и не наркоман, — сказал Крис, — шел по пустыне. Вымотался, от жажды чуть не умер и вот наконец добрался до оазиса. Еда всякая, озеро с холодной водой. Напился, наелся Иван и заснул на берегу. Открывает глаза — над ним Змей Горыныч. Ну, Иван меч-кладенец достает, давай ему головы рубить. Одну рубит, две вырастают, а Иван не сдаётся, уже силы иссякли, так он через силу рубит. Запарился совсем, упал. А Змей так смотрит на него... — Крис изобразил вялого меланхоличного Горыныча, — и говорит: «Ты чего, братушка, я ж воды попить хочу».

— А я еще слышал, — продолжил Слон, — приходит Иван...

Крис не дослушал анекдот Слона. Он выскользнул в коридор, затем на кухню. И засел за телефон. Аппарат еще с диском, старенький, черный, почти живой. Взяв теплую трубку, видимо кто-то недавно разговаривал, Крис почувствовал, что за месяц с лишним соскучил-

ся по телефонному общению и даже проговорил в микрофон нечто вроде приветствия: «Телефона, телефона, очень кусать хочется». Затем он набрал номер Кашкина. Нет ответа. Номер Боба. Нет ответа.

На кухню протиснулся хозяин.

— Вы, наверное, есть хотите?

— Не отказался бы.

— У меня есть прасад с салом.

— Что-что? — Сочетание чистой вегетарианской еды и продукта совсем из иной сферы даже звучало необычно.

— Не бойся, прасад — отдельно, сало — отдельно. Федор от кришнаитов прасад принес, а сало Машка из деревни привезла.

— Давай, и того и другого. А Галка только прасад есть будет. Хочу друзьям дозвониться.

— Давай квартирник устроим.

— Можно. Но где?

— Хотя бы и здесь.

— Здесь. — Крис окинул взглядом маленькую кухню. — Тесновато.

— Человек двадцать позвать можно. А можно с Сэнди поговорить. Ты здесь надолго?

— Дня два. По Сэнди Галка стонет. Я чего-то с ним встречаться не хочу...

«Боишься потерять? Она и ехала к Сэнди. А ты всего лишь хороший друг, добрый попутчик. Но чего же она ему не позвонит? Не хочет?» — Крису вдруг захотелось, чтобы Галка быстрее позвонила Сэнди. Ибо стоило заговорить о Сэнди всерьез, Галка оказывалась далеко, так далеко, что вернуть ее было почти невозможно.

Галка вошла на кухню, как раз когда Андрей разогрел прасад.

— Андрей предлагает у Сэнди квартирник устроить.

— Клубник. У Сэнди площадка есть, — сказала Галка. — Я с ним побеседовала, пока вы сказки рассказывали. И о тебе.

— Когда?

— Как договоритесь. Я сегодня туда поеду.

Галка становилась все дальше. Крис посмотрел в окно. Деревья, мокрые, блестящие от дождя листья. Грустно.

Глава девятая

«Волшебный автобус»

Прокладки под тарелки русские барабанщики делают из валенок.

Барабанщик Федя

Крис остался у Андрея, а тем временем концертная машина Сэнди делала свое дело: утром какая-то пионерка привезла уже готовые, набранные на компьютере и размноженные на ксероксе объявления:

КРИСТОФЕР и РОБИН
приглашают друзей

в

клуб

«ВОЛШЕБНЫЙ АВТОБУС»

волшебные билеты у волшебного кондуктора.

Кролики, Ослики Иа-Иа, Винни-Пухи и прочие Пятачки
пользуются правом!

Остальное, типа «где и когда», было набрано более мелким шрифтом в самом низу. Сэнди назвал Робинсом спонтанно образовавшуюся группу: Волос с «Мамушкой», Махмуд со скрипкой и бубном и Макс с махмудовским джамбеем и собственными таблами. Они прибыли почти сразу за девочкой с объявлениями, и почти сразу начали репетировать.

За день удалось по-настоящему сделать две песенки. Обе были «написаны», точнее, пойманы Крисом на трассе. Одна называлась «Телеги с Неба», а другая «Охотник за вниманием».

И первая, как бы лирическая, и вторая, с текстом в духе диалогов шаманов из Сааремаа, были написаны в стиле, обозначенном питерским музыкантом Тарасом как «тормозной рэггэй», несколько нехарактерном для «старого» блюзового Криса. Последние полтора часа он грузил всех длинной красивой мелодией, подслушанной у казаха в автомобиле и не отстающей до сих пор. Отработали партию скрипки и партию «Мамушки». А текста так и не нашлось.

«Ко мне приходит мотив, я подбираю слова», — эта метода Гребенщикова не подходила Крису. Мотив и слова приходили к нему почти одновременно, иногда сам строй речи определял мелодию, а здесь... Мелодия не требовала слов.

Затем они переместились в «АВТОБУС» — переоборудованное под клуб бомбоубежище в одном из домов. Длинный зал, действительно похожий на салон автобуса, пиво, бутерброды, пять микрофонов, один пульт. Но микрофоны нормальные и акустика вполне ничего. Они снова прогнали ту часть концерта, в которой играл Робин. Больше половины песен Крис исполнял в одиночку.

К семи начал сползаться народ. Цивильный лысый мужик с двумя тетками, припанкованные подростки. Ребята из художки, Андрюшины ученики. Волосатый пипл, кислотно-грибной пипл. Пришел Боб, знакомый Крису еще по временам Сайгона. Вскоре все сиденья были заняты. Разговоры, дым в коридорах (в самом зале не курили), запах травы — пока Крис чувствовал себя столь же легко, как за чашкой чая в квартире Андрея.

Сэнди, длинный, веселый, выскочил на сцену.

— Народ! Автобус отправляется. Но наш автобус волшебный. Здесь нет пассажиров. Мы все за одним рулем.

«За одной педалью», — усмехнулся Крис. Он вспомнил телегу о сосне и педали. Но на сегодня у него была припасена другая, еще ни разу не обкатанная.

— И вот, на остановке Сааремаа в нашем автобусе появились знаменитые шаманы, великие нажиматели на педаль.

«Вспомнил таки...»

— Блин, массовик-затейник. — Крис услышал за спиной голос Махмуда. Вступление начинало отдавать какой-то гниловатой попсовостью.

— Да ладно, — обернувшись, сказал Крис, — знаешь, я тоже хочу сказать пару слов. Вы подыграйте. Надо так, как в «моя осень...» Тум-тэке-тэке, тум-тэке-тэк. Идет? А дальше сами по тексту.

— Идет, — кивнул Волос. — Только не надо про педаль.

— Нет, о деревьях.

— И водитель Кристофер нашел Робина... — Сэнди сбежал вниз и кивнул музыкантам. — Поехали!

Крис вышел на сцену, подогнал микрофон по росту, дунул в него.

Справа сел Макс с джамбеем. Чуть в стороне встал Волос. А слева — прямо на пол уселся Махмуд. Микрофон пришлось опустить к самому полу.

— Я долго думал о деревьях, — произнес Крис.

Макс начал свое «тум-тэке тэке, тум тэке тэк, тум тэке тэке, тум тэке тэк». Низко запела Мамушка.

— Так вот, — продолжил Крис, почти касаясь губами микрофона, — все деревья состоят из барабанов. Внизу, у основания ствола они большие, басовые, это музыка Земли.

Теперь Макс отбивал «Тум-тум-тум-тэке-тэке-тэк».

— Чем выше, тем ствол тоньше. И звук становится высоким. Выше, выше...

«Тррэке-тэке-тэке-трр-тэке-тэк». — Макс постепенно перешел на маленький табла. Махмуд зазвенел колокольчиками бубна.

— А там, где ветки совсем тонки, там, где начинаются листья, барабаны такие маленькие и звуки такие высокие, что их могут слышать лишь ангелы. — Крис сделал паузу. — Поэтому деревья тянутся ветвями к небу...

«Тум-тэке-тэке-тум-тэке-тэк, тум-тэке-тэке-тум-тэке-тэк...» Не останавливая музыкантов, он запел:

Моя осень живет в середине
всегда моя осень,

я шагами измерил ее:
раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три,
моя осень живет в середине
полей моя осень
канабиса и спорыньи...

Дальше следовал гитарный проигрыш. Крис вдруг вспомнил степь, Галкину улыбку... «Вот, ты сидишь в зале, отстраненная, чужая, что же, до свиданья, этот концерт я посвящаю нашему прощанию, мы славно приехали, а здесь, в городе, трасса кончается, сворачивается клубком улиц, и жизнь клуба — клуба совсем другая, другая, другая... Тум-тэке-тэке-теке-тэк»

Я ее забивал в косяки
улетающих птиц
и курил свою осень
раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Его слушали внимательно, и Кристофер поймал эту энергию, она вливалась, раскачивала, проходила сквозь него, вскоре зал, музыканты и Крис стали одним целым, он уже не думал ни о Галке, ни о трассе, он летел на этой волне, пронизывающей все пространство.

Крис не помнил, как закончился концерт. Он с кем-то разговаривал, отвечал на вопросы, а голова была пустая-пустая. «Классный концерт, Крис, просто круто, Крис, Крис, держи», — стакан вина и вперед. И в коридоре снова вино. И на лестнице в несколько ступеней — вино и косяк. «Ты играл три часа, Крис, это сила, Крис». И вдруг, наверху, спиной к Крису — девчонка, синие джинсы, серый, его, Криса, свитер, темные волосы.

«Господи, это же Алиса!»

— Алиса, — позвал Крис. И поскользнулся.

Девушка обернулась. Длинное узкое лицо, светло-серые удивленные глаза.

— Извините, обознался, — сказал Крис уже на лету. Его подхватили и, поставив на ноги, снова передали косяк.

— Вы здесь так курите? — спросил Крис. — Общественное место.

— Я — общественное место. — Сэнди стоял в стороне от выхода, опершись на Галку. Та выглядела печальной.

— Музыкантам можно, — продолжил Сэнди, — пойдешь к нам, Крис?

— Э... — Крис погрозил Сэнди пальцем. — Хрена, начальник!

Ему вдруг стало смешно — он представил, как у тощего Сэнди отрастает брюшко.

— Я лучше на берег, — продолжил Крис, — к воде.

— Красивый город Ебург. Много зелени. — Это глубокомысленное замечание вслух было сделано Крисом по дороге через гаражи к одному из парков.

Справа и слева шли какие-то две незнакомые герлы. Сзади — толпа пионеров. Нет, еще Андрей и Макс. Идут, разговаривают.

Потом был берег и костер. Крис разделся и вошел в воду. Слабое течение, листья водяной травы касаются ног. Вода — совсем другой мир, темный и спокойный. Возле костра пели. Вскоре Крис вернулся, попрыгал около костра. Чужой-чужой.

И разговоры, и песни, которые пелись, — разные песни разных музыкантов, и люди, их поющие, были где-то в стороне и совершенно не трогали. Только вода и огонь. И тишина, застывшая среди деревьев. Крис ушел в глубь парка.

Он хотел песен для самого себя. «Too young to die». Его нашли и здесь, позвали.

— Бум шанкар.

— Курить траву, чтобы голова не болела... — сказал Крис и послушно вернулся к костру.

А там какой-то пионер терзал его гитару и гнал частушки:

Хип-коммуна будет тут,
тут, где утки крикают,
еврибоди фак май лав,
только феньки брякают...

Крис поморщился, но гитару отбирать не стал — негоже обрывать посередине даже дрянную песню. Андрей, похоже, заметил реакцию Кристофера.

— Может, споешь, Крис? — громко спросил он. — Дайте гитару.

— Устал.

Однако ему уже протягивали инструмент.

— Герлам, которые непостоянны, как пламя, и прекрасны, как цветки лотоса, посвящается, — передразнивая голос Сэнди, объявил Крис. — Исполняет вокально-инструментальный ансамбль «Зебителз».

Несмотря на дурацкое начало, запел он вовсе не кривляясь:

— Is there anybody going to listen to my story...

Потом Криса раскрутили на блюзы, спунфул он пел два раза, типа «на бис», и опьянение, что было собиралось перейти в головную похмельную боль, сменилось какой-то мягкой, ватной усталостью. Постепенно рассвело. «Восход приносит силу, но за деревьями и домами по утрам не видно солнца, — сказал Крис, — поэтому я пойду в дом». Дом Боба находился ближе всего.

Крис снова увидел ее на трассе, на обочине возле какого-то поля, за которым начинался лес, но она не стопила, а просто шла по дороге, в белой футболке и голубых джинсах, и пока машина останавливалась, пока он выскакивал, Алиса успела свернуть с обочины на тропинку и теперь направлялась в сторону леса.

— Алиса! — закричал Крис уже по пути к ней, но она не услышала.

Алиса в городах, Алиса в полях, Алиса на дороге, Алиса-Алиса, почему ты все время уходишь от меня. Хотя Крис бежал, а она вроде бы и не торопилась, расстояние между ними оставалось прежним.

Тропинка провалилась в лес. Крис почувствовал, как проходит сквозь границу света и сумрака, грань магического кристалла, по одну сторону которого — солнце, выбелившее часть веревки, что тянется в темный зев глубокого колодца, в дере-

вянный сруб, где полумрак и прозрачный воздух, где веревка, белая на солнце, приобретает коричневый, синий, зеленый, черный цвет, где любая пылинка, падающая в глубину, перед тем как исчезнуть, превращается в звезду, и голос, брошенный вслед за ней, становится гулким и чужим. Где на дне живет черная вода.

Митя вспомнил этот колодец, он стоял и смотрел вниз, в воду, его завораживали движения ее тела, и он бросал туда камень за камнем, и она поедала их, чмокая, шевеля гладкими скользкими губами. За этим занятием его однажды застал сосед, и Мите запретили подходить к колодцу.

И сейчас, пространство, куда вошла Алиса, вдруг вытащило эти воспоминания из детства. Однако, приобретая резкость, предметы изменили формы: веревка стала тропинкой, а колодец странным сумрачным лесом. Лес и впрямь был необычен: толстые, в два-три обхвата стволы деревьев, зеленое, полное листьев небо, где солнце давно заблудилось и лишь редкие зайчики достигали земли и невысокой травы. Темная тропинка петляла между столь же темных стволов.

Алиса, светлое пятно впереди, похожее на игру света в листьях, на летящую крупную бабочку, на... Стоило Крису подумать о бабочках, как они появились, наполнив лес шелестом крыльев. Он вдруг понял, что способен видоизменять окружающее пространство по своему желанию, надо лишь не терять Алису, ибо ее движение — единственная нить, сшивающая этот бесконечный узор, и, потеряв ее, мир рухнет, рассыплется, словно детская мозаика-пазл, на множество частей, погребая под собой цветной осколок — самого Кристофера.

И он бежал следом за ней сквозь воздух, который был прозрачным и вязким, нет, Кристофер не встречал сопротивления, просто все движения замедлялись, казалось, не воздух, а само время стоит недвижно между темными стволами.

И он бежал следом за ней и пока не добрался до поляны. Точка по имени Кристофер, на пересечении множества возмож-

ностей, в мире, где каждый шаг длится вечность, где след от полета бабочки над цветами висит, словно радужная лента, и если захотеть, можно вернуться и дважды увидеть падение с дерева одного того же листа. Алиса стояла на другой стороне поляны лицом к Крису. И он ждал, он знал, что обитатели этого леса столь же необычны, как и сам лес, они уже идут к этой поляне, ибо она предназначена...

Он хотел что-то спросить, но Алиса поднесла палец к губам и прошептала:

— Тише, Павлик, он спит.

Однако эти слова были произнесены не Алисой, а Светкой. Крис проснулся. Но перед глазами по-прежнему был сказочный лес. Правда, плоский — рисунок на стене комнаты Маши Большой, иллюстрация к «Последнему Единорогу», хорошей книжке про колдунов и волшебников, про самого единорога. Он стоял на большой поляне, среди деревьев с темными стволами, среди густой зеленой травы, и бабочки с крыльями в человеческую ладонь летали вокруг. Алисы на нарисованной поляне не было, да и быть не могло. Кристофер чувствовал и был уверен, что после встречи с Алисой, а может, и раньше в мире произошли какие-то необратимые изменения, но не мог даже проанализировать происходящее. Он просто принимал их, связывая воедино Алису и «пастуха», странных людей, которых, похоже, видел только он.

Через несколько мгновений мир Кристофера расширился и включил в себя Пашку, смотрящего мультики, Светку и Боба, прошедствовавших на балкон, шум деревьев, слова — бу-бу-бу на кухне и более отчетливые на балконе. Кристофер снова закрыл глаза и прислушался.

— Да я никогда в эти игры не играла, играла она, знаешь, как она возбуждалась, даже кончала. А мне по приколу... Я быстро от нее устала. Да и Славик к тому же.

— Тебе по приколу, а есть розовые, которые на мужчин вообще смотреть не могут, — отвечал Боб. — То есть происходит

некое смещение сознания. Только женщина может понять женщину и все такое. Причем пассив очень красив. Ха-ха. А активные, как правило, мужчины в юбке.

— Это очевидно. Но Катерина может нравиться парням. Не такая уж мужик.

— Да я ее и с мужиками видел. Она же теперь здесь такую деятельность развернула.

Они вышли с балкона и прошли мимо Кристофера.

— Спит как сурок. Завидую я хипанам.

— Я не сплю. Я давно вас слушаю.

— Там чай уже готов. Маша Большая пришла. Ты же знаешь, у нее сегодня бездник.

— А мне и подарить-то нечего.

— А ты спой для нее.

Кристофер вышел на кухню и еще из-за плеча Боба увидел Машу Маленькую. На самом деле Маша Маленькая была по размерам раза в два больше Маши Большой. Полная белокожая рыжеволосая девица, вся в фенечках, но этот, хиповый прикидно-сила скорей из соображений моды и близости по духу, ибо сама жила тихо с родителями, училась в местном педагогическом институте и по ночам работала санитаркой. Белая одежда, которую она очень любила, делала ее еще больше. А Маша Большая, хозяйка квартиры, была миниатюрной женщиной, сухой, в лице ее угадывалось что-то бурятское или татарское. Кроме двух Маш, на кухне еще сидела Ширли, веснушчатая большеротая веселая девица с двумя «школьными» косичками.

— Маша Большая, — сказал Крис, — поздравляю тебя с восемнадцатилетием.

— Ой, привет. Вот это сюрприз.

— Он специально приехал, — сказал Боб, — чтобы тебе новые песенки спеть.

— Теперь все в сборе. — Маша Маленькая улыбнулась. — Прошу к столу.

Вскоре салат был раскидан по тарелкам, а бутылка водки наполовину пуста. Разговор за столом крутился возле каких-то знакомых,

затем снова перекинулся на Катерину, дескать, хорошо, что ее здесь нет. А Крис подумал: «Увидеть бы эту странную розовую тетку, о которой только весь вечер и говорят». И в этот миг зазвенел звонок.

Маша Маленькая проскользнула мимо Криса в коридор.

— Катерина приперлась, — узнав голос, прошептала Светка.

— Легка на помине. Меньше надо было ей кости перемывать.

— И что делать? — спросил Боб.

— «А ничего, ничего не делать...» Знаете такой приговоренный *прикол. — Кристофер на мгновение задумался, вспоминая стихотворение. — «Ах что же делать нам, ах что же делать, ах как нам быть, ах как нам быть», — нараспеев прочитал он и затем произнес более низким голосом: — «А ничего ничего не делать, а никак никак не быть».

— Да ты не знаешь, в чем дело.

— Знаю, знаю. Не надо париться.

Маша Маленькая влетела в кухню раньше Кэт и произнесла, обращаясь к Светке со Славкой:

— Мрачная, как туча... — Она нервно хихикнула. — Ну все, голубчики, вам пиздец.

— Привет. — Катерина, высокая, темноволосая женщина с лицом мальчика-подростка, вошла и встала около двери. И Кристофер сразу почувствовал некое напряжение, тяжелую невидимую ауру, заполнившую пространство маленькой кухни.

— А у меня сегодня день рожденья, — сказала Маша.

— Поздравляю. — Кэт улыбнулась, но даже эта мгновенная улыбка показалась мрачной и неестественной.

— Спасибо.

— Садись. — Боб уступил место и принялся искать на полках какую-нибудь посуду для гостии. Однако нашел лишь железную кружку, в которой стоял целый ежик разнообразных кисточек. Боб выкинул кисточки, протер кружку изнутри.

— В тайге стерильно. — Он протянул Катерине свою рюмку, а себе плеснул в кружку. — Ну что, Маша, вздрогнули.

* Приговоренный — от Пригов. Пригов Д. А. — московский поэт, которого здесь цитирует Кристофер.

Кроме Катерины, Кристофера и самой Маленькой Маши, его никто уже не слышал.

— Ну вот, они сначала шваброй в потолок, а затем сами приходят, начинают грузить, — продолжала хозяйка, — сейчас мы милицию вызовем. Это лишь потому, что Павлик возит по полу машинку. Ну игрушки всякие. Шума-то никакого. Да и одиннадцати нет.

— По правилам — до десяти, — уточнил Кристофер. — В Питере, по крайней мере.

— А чего... Менты приезжают, а нас участковый уже знает. Видит, в квартире тихо, ребенок играет. И уходит восвояси...

— Обычно так говорит, — добавил Боб, — я все понимаю, ребята, но если они еще раз вызовут, придется составить акт. Вы уж извините.

Кристофер вдруг подумал, что осев, волосатые часто становятся цивилизными, и тема разговоров переходит в какую-то иную плоскость, и все чаще на столе водка, и трава постепенно исчезает, и дети-дети-дети. Что ж, дети это неплохо. Ни хорошо, ни плохо. Одновременно с этой мыслью он заметил, что Катерина берет бутылку, наполняет стакан.

И становится еще темнее.

— Света, надо поговорить. — она повернулась к Светке. — Давай поговорим.

— О чем? Говори здесь, — внешне спокойно произнесла Светка, — у нас секретов нет.

— Выйдем на балкон.

— Я боюсь, — шепнула Светка на ухо Кристоферу, — она меня сбросит.

— Вряд ли...

— Я не хочу. Давай поговорим здесь.

Кристофер вышел в комнату, где сидел Машкин сын и смотрел мультики. Маленький телевизор — цветное пламя, прыгающее в нише, мельтешение фигур и металлический голос:

— Трансформируюсь.... Трансформируюсь.

— Трансформируюсь, — повторил Кристофер. — В кого?

«Зачем ты пришел сюда? Здесь воздух пропитан напряжением, и единорог, нарисованный Машкой на стене, бежит в плоскость, подальше от криков «трансформируюсь» и водочного угара за стеной, а стена такая тонкая, и остается лишь надежда, что она разворачивается в четвертое невидимое измерение, где еще сохранились девственницы, способные приручить сказочного зверя. Здесь, среди этой лесбийской Санты-Барбары, тебе нечего делать».

Внутренний монолог Криса прервал истошный крик.

— Ааааа!

Он выскочил и увидел довольно странную композицию из трех тел.

Темный полусогнутый силуэт спиной к окну — Катерина, чуть в стороне от нее, задравшая голову к потолку Светка, а с другой стороны — приплясывающий Слава Хит. Кричали дуэтом — Светка и Славка. Она несла бессмысленное: «АААААААА», Хит же более внятное: «Я убью ее, убью!»

Но никаких действий по убиванию пока не предпринимал.

— Ну чего стоите, — закричала Машка Маленькая, — отцепите же ее!

Кристофер одновременно с Бобом подлетел к Катерине и лишь тогда понял, почему Славка не мог ничего предпринять — левой рукой он сдерживал руку Катерины, на которую были намотаны Светкины волосы, а правой... Правая рука, точнее большой палец правой руки находился во рту Катерины, и она сосредоточенно сжимала челюсти, пытаясь его откусить. «Вот тебе и Фрейд, — промелькнуло в мозгу Криса, — палец как фаллос и рот как влагище. И так далее...» Пока тормозящий Крис пытался «отцепить» Катерину, Маша Маленькая схватила со стола деревянную разделочную доску и обрушила ее на голову непрошеной гостьи. Вскоре Катерина лежала на полу со связанными за спиной руками. И теперь говорили все, почти не слушая друг друга.

— Вот сука, нет чтобы левый, — причитал Славик, — так правый. Ууу больно. И это перед самой выставкой.

— Бинт в тумбочке, в коробке. И йод. Сам перевяжешь?

— Лучше сходи в травму.
— Она могла и кость раздробить.
— Скажи спасибо, что палец.
— Развяжите, мне больно. Больно, сволочи!
— Сама сволочь!
— По ней дурка плачет.
— Уууу, жжется!
— Скажи, чтобы сделали прививку от бешенства. Заразишься.
— Развяжите, правда, — перешла уже на просительный тон Катерина, — мне правда больно.
— Может, развязать... А то на полу много места занимает.
— Посадить можно и связанную, — сказал Кристофер, — но я бы развязал, раз обещает.

Он вдруг вспомнил, как на даче Бомбилы наблюдал довольно абсурдную сцену. Ночь уже была позади и пипл в большинстве своем спал, однако Кристофер, заняв место напротив окна, медитировал на пустынную дорогу, на птиц, уже проснувшихся и тусующихся на проводах, на полосу тумана в низине, на темные пики елей, обрывающие рассветное небо. И вдруг он увидел скачущего по дороге человека. И это был не глюк. Совершенно реальный одинокий человек, скачущий на весьма изящном стуле по пустынной трассе. Крис пришел в себя, лишь когда человек скрылся за кустами рябины. Объяснилось все просто. У соседей была пьянка, и одного из буйных гостей ночью привязали к стулу, чтобы тот не творил всяческих бесчинств и разрушений, а главное, не мог нигде добавить. Гость же, поняв, что от стула не отвязаться, покинул дом вместе с ним и даже доскакал до соседней деревни.

— Мне больно, — повторила Катерина.
— А Славке больно не было? — спросила Светка.
— Дурить не будешь? — встрял Боб.
— Развяжите. Не буду.
— Обещаешь?
— Пусть сначала извинится, — обиженно заявила Светка.
«Ну прямо детский сад», — подумал, но не произнес Кристофер.
— Обещаю. Извини.

— Ха-ха!

— Я в травму. Вернусь, — донесся из коридора голос Славки. Затем хлопнула дверь. Катерину развязали, и она села на табуретку в углу, возле окна.

— Возьми, выпей. — Боря налил в свою кружку чай и протянул ее Катерине.

Она молча приняла. Света, Ширли и Маша Маленькая ушли в комнату к ребенку. «Это еще не все, — подумал Кристофер, глядя как Катерина сжимает руками кружку, словно собираясь ее раздавить, — следует ждать продолжения. Хорошо хоть чай теплый, если плеснет, никого не ошпарит».

— Все равно убью, — тихо, ни к кому не обращаясь, произнесла Катерина, — все равно.

— Зачем? — спокойно спросил Кристофер. — Как я понимаю, между вами все кончено. Светка не хочет. Найдешь другую.

— Сука. — Катерина, казалась не слышала Криса.

В коридоре появилась Ширли. Она входила на кухню и собиралась что-то сказать, как вдруг рот ее застыл, полуоткрывшись, а глаза расширились.

Крис перевел взгляд на Катерину. Ее на табуретке не было. Она уже стояла в проеме окна. Она уже летела ласточкой вниз.

— Дура! — Боб рванул к окну. Кристофер услышал мягкий удар о землю.

Катерина лежала неподвижно, раскинув руки, словно продолжая полет, но уже на земле. В красной футболке и черных джинсах, среди уже успевших нападать, но еще не до конца закрывших темное тело земли цветных осенних листьев она казалась Кристоферу вполне уместной. «Лист, облетевший с дерева жизни. Что я несу? Она, может умерла, а я... Господи, оставь ее живой... От сердца ли эти слова? Или от головы? Какая разница. Господи, дай мне сострадания».

— Спуститесь кто-нибудь, — сказал Боб, — проверьте пульс. Тело не шевелить.

Но она пошевелилась сама. Повернулась набок и застонала достаточно громко. По крайней мере, со второго этажа было слышно.

— Она сама шевелится, — отметил Кристофер, — и стонет.

— Жива. Да и не могла она убиться. Второй этаж. Ширли, спустись. Побудь рядом с ней. — Боб продолжал раздавать распоряжения. — Машка, Маленькая, Большая, позвоните в скорую.

— Что сказать-то? — донесся из коридора голос Машки Маленькой.

— Выпала. Лежит внизу, стонет. Не выпрыгнула... — закричал Боб, — а выпала. Иначе дурка может приехать. Суицид.

Вскоре все, кроме Машки Маленькой, были на улице, рядом с Катериной.

— Катя, скажи, ты меня слышишь. Что у тебя болит? — Ширли сидела на корточках, и Крис, расположившись напротив, поневоле перенес взгляд с головы Катерины на полные ноги Ширли, полностью открывшиеся его взору. Крупные колени, темные волосы ближе к паху... Его не цепляло. «Какой-то лягушачий вид. Юбка короткая, и ноги не совсем загорелые. Белее, чем лицо усопше... Упавшей. Что ты несешь? Что ты несешь. Человек упал, а ты ноги разглядываешь. Возьми лист». Кристофер поднял одну из желтых кленовых ладоней.

«Со дней экклезиаста за теской алебастра... У Пастернака, что ли? Отделка кленового листа... Из листьев сделаю протезы...»

«Пора отсюда ехать. Из места несчастий. И выпрыгивающих из окна женщин».

— Катерин, ты меня слышишь? — снова спросила Ширли.

— Все равно убью, — ответила та, обращаясь явно к Светке, вставшей за спиной Ширли.

И эта реплика, полная ненависти, прозвучавшая посреди тихого, окрашенного отблесками закатного солнца двора, теплого света, шелеста и тихого щебета, казалась потусторонней, вырезанной из какого-то иного пространства.

— Говорит, — отметил Боб. — Наверняка слышит. Сейчас приедут менты. Надо будет объяснять. Что скажем?

— Не знаю. — Крис пожал плечами. — Но про эту лесбийскую Санту-Барбару говорить не стоит.

— У нее вены дырявые. Увидят, все равно в дурку увезут.

— Сильно? — Крис засучил ее рукав, и Катерина снова застонала.

— Не видно.

— На другой.

— Не крутите ее. Как-нибудь отвяжемся.

— Она взяла и прыгнула, желая доказать собственное превосходство. — Крис наконец понял, что следует сказать ментам. Чем абсурдней объяснение, тем лучше. — Как художника.

— Ага, — добавил Боб, — пьяная.

— Мы сидели на кухне, — продолжил Крис, — говорили о Ван-Гоге. Как он отрезал ухо и послал его своей возлюбленной.

— И о хэппенингах. Экстравагантный поступок. Некая акция. Дескать, я крутая, вот так, вскочила на окно и прыгнула.

— Все слышали? Иначе Катерине дурки не миновать.

— Туда ей и дорога, — зло сказала Света.

— Человек может инвалидом стал, а ты... — Крис посмотрел на Боба. — У тебя дома есть чего незаконное? Трава, например? Вдруг шмон устроят.

— Не.

— Ну и хорошо. А бутылки пусть стоят. День рожденья таки. Едут...

Во двор, в щель между домами въехал целый караван. Сначала — белый микроавтобус скорой помощи. Следом — милицкий жигуль. Следом серая БМВха, которая, как оказалось, никакого отношения к первым двум машинам не имела.

И скорая, и милиция остановились возле дома, напротив окна. Врач, молодая миниатюрная девушка, подбежала к Катерине и склонилась над ней.

— Пьяная?

— Ну так, в меру, — сказал Кристофер.

— Вы меня слышите?

— Да, — весьма внятно ответила Катерина, — у меня, кажется ребра сломаны.

— Пошевели пальцами, — сказала врач, — руки. Так. Ноги.

Катерина застонала.

— Хорошо. Сесть можешь?

— Больно. Ноге.

— Помогите нам положить ее на носилки. — врач повернулся к Крису.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Крис.

— Жить будет, — ровным голосом ответила она.

Укладывая Катерину на носилки и поднося к машине, Крис заметил, что милиционер и Боб о чем-то оживленно беседуют. Когда Крис подошел к ним, он услышал лишь конец разговора.

— Вам всем придется зайти к нам. Напишите объяснительные.

В отделении, куда все явились шумной и возбужденной толпой, лейтенант провел «свидетелей» в некое подобие учебного кабинета, рассадил за столы и раздал по листку бумаги. «Словно в школе, — подумал Крис, — сочинение на тему «Осенние полеты женщин, или розовые страсти. Лесбийская Санта-Барбара».

Отступление девятнадцатое: О Санта-Барбарах и о том, как один веселый проказник однажды сыграл в эти игры

Понятие Санта-Барбара, появившееся после известного телесериала, в кругу друзей Кристофера стало обозначать пустые запары (заморочки, страдания) участников любовных треугольников, четырехугольников и прочих геометрических фигур.

Ян даже попробовал классифицировать Санта-Барбары: по количеству участников, по типу и накалу страстей: СБ тривиальная, СБ хипейная, СБ классическая, СБ припанкованная и т. д и т. п.

Вот пример припанкованной СБ:

Жила была девушка, назовем ее Н. Ее любил один мой знакомый панк-музыкант А. Они весело проводили время вместе и все делали с удовольствием, и песни пели, и вино пили, и трахались, само собой, тоже с удовольствием.

Но хотела эта герла другой жизни, размеренной и цивилизной. И поэтому был у нее жених — аспирант, весь из себя правильный, из хорошей семьи. Ревнивый и честный. С ним она тоже трахалась, но о своей жизни с А., естественно, ничего не говорила.

И вот как-то повеселилась она с музыкантом, вина выпила и голая на диване заснула. Попой кверху. А на того вдруг некое вдохновение нашло. Достал он маркер, начал разные предметы надписывать. И ягодицы Н. без внимания не оставил: на левой написал «ЖО» на правой — «ПА». Написал и забыл.

А наутро герла проснулась, умылась, оделась и к аспиранту пошла. Тот, читать, разумеется, умел. Так и не вышла у нее правильная семейная жизнь.

— Ручки у всех есть? — спросил лейтенант.

Оказалось, у всех. Крис пододвинул к себе листок и, стараясь не делать исправлений, начал:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Я проживаю в Петербурге и приехал на несколько дней в гости к Марине и Борису Борисовым. У ее подруги Марии Корольковой сегодня отмечали день рождения. Так как Королькова проживает в общежитии, день рождения праздновали в квартире Борисовой. Помимо вышеупомянутых, в доме к моменту выпрыгивания Катерины Ветровой из окна находились: Вера Кротова, Светлана Тропинина и восьмилетний сын Марины Борисовой Павел. Факт выпрыгивания Ветровой из окна помимо меня наблюдали: Кротова, Борис Борисов и Тропинина.

Как известно из истории, многие художники совершают достаточно экстравагантные поступки. Например, Ван-Гог отрезал собственное ухо и послал своей возлюбленной. Сальвадор Дали отрастил себе длинные усы и общался с их помощью.

Мы сидели на кухне и разговаривали об этом. Катерина, находясь в состоянии алкогольного опьянения, стала доказывать, что тоже способна на какой-нибудь неординарный поступок. Некую художественную акцию. Мы рассмеялись, и тогда она вскочила на окно и прыгнула с него, рассчитывая, по-видимому, что с высоты второго этажа разбиться трудно. Однако прыжок оказался неудачным. Мы вызвали скорую, которая прибыла одновременно с милицией приблизительно через пять минут после прыжка.

— Все. Больше написать нечего, — сказал Крис, поставив внизу размашистую роспись.

Лейтенант с серьезной миной прочитал Крисово творение.

— А как Дали общался усами? — вдруг спросил он.

— А вот так. У него были длинные усы типа таких. — Крис принялся закручивать один и другой ус, затем поднял их вверх и прокомментировал:

— Это означает: «Все хорошо». А это, например, — он опустил оба уса вниз, — «Я не в настроении». Положений много.

— Нормально, — сказал лейтенант, — поставьте дату.

Группа свидетелей покинула ментовку в весьма веселом расположении духа. И так же весело встретили Славку с забинтованным пальцем. Тот шел с печальным видом, выставив его перед собой, и казалось, кроме пальца ничего не замечал.

— Пришлось сказать, что собака тяпнула, — слабо улыбнувшись, сказал он. — Как я теперь работать буду ?

И остальной обратный путь они проделали утешая новоиспеченного инвалида. Ему напомнили о Джимми Пейдже, который со сломанным пальцем отыграл несколько концертов, и о безногом летчике Маресьеве, и о глухом Бетховене и... купили бутылку водки, чем окончательно успокоили художника.

А дальше — был домашний концерт, по-настоящему домашний, тихий и спокойный, и даже соседи снизу не стучали, и спать все легли уже ближе к рассвету. Крис нашел себе тихое место под неработающей батареей. Он проснулся утром, ибо если бы спал дальше, то застал бы похмелье, а раннее пробуждение почему-то позволяло убежать от головной боли и тошноты. Кроме того, Крис решил ехать: мостик из странного сна, увиденного Крисом несколько дней назад и ставшего неким знаком, руководством к действию, мостик под названием Ебург уже уходил под воду и надо было перепрыгивать на следующий.

Глава десятая

«Гомосекс»

Нежные лица педерастов,
горячие руки онанистов,
печальные глаза садистов...
Любовь, любовь, любовь
вокруг.

Д. Г., сб. «Бывает Такое...»

Крис снова шел по трассе. Уже без Галки — она осталась в Ебурге. И без гитары — гитара тоже осталась, чтобы ехать с шаманами на поезде — так для нее безопаснее и быстрее.

«Не тормозить нигде», — с этой мыслью Кристофер покинул город и теперь, стоя все подряд, от рейсовых автобусов до навороченных тачек, воплощал ее в жизнь.

Он успел проехать самую «безмазовую» часть трассы, от Екатеринбурга до Челябинска, «безмазовую» лишь потому, что Крис два дня назад ехал по ней в одну сторону, а теперь приходилось возвращаться, ибо другого пути не было. Почему-то в подобных случаях путь обратно был менее удачным, чем путь туда. Но сейчас этого не произошло — Крис проскочил ее без пересадок, правда с небольшой скоростью — на шаланде полной какого-то стального хлама.

И теперь, когда и Челябинск, и день остались позади, Крис шел по трассе, оглядываясь по сторонам в поисках пригодного места для ночлега — стога сена или заброшенного дома. Можно было ночевать и в поле, и в лесу, но под крышей как-то приятнее. Солнце уже садилось, половина диска скрылась за облаками, обрамляющими весь горизонт. На востоке они напоминали снежные горы, словно Урал вдруг вырос на несколько тысяч метров.

К северу облака отрывались от горизонта и уже не были снежными пиками — скорее бело-розовым воздушным городом, сто-

ящим на темно-синем дождевом острове-подошве. «Как Шамбала, — подумал Крис, — только где она, лестница в небо?»

Впереди же, между холмами и закатом, была Уфа, город, богатый разным народом, со множеством вписок. Однако в Уфе Крис останавливаться не хотел — слишком плохо знал местный пипл.

Он был в этом городе очень давно, на каком-то конкурсе юных дарований и жил в гостинице, скованный по рукам и по ногам школьной дисциплиной — учителей было больше, чем учеников, и каждый учитель норовил построить детей. Лишь ночью, когда в номерах учителей начиналась пьянка, в детских номерах наступало время свободы. Он помнил ночные тайные перебежки по длинным коридорам, помнил приятеля Толика, ныне известного пианиста, вдвоем с которым они смешали йод и нашатырный спирт, вытащенные из аптечек со всех этажей и размазали получившийся черный осадок на полу перед «учительскими» дверьми. А посреди ночи по гостинице начало щелкать и греть.

«Вспомню ли я эту гостиницу? Вряд ли. Да и к ночи в Уфу не успеть. Если бы раньше вышел...»

Крис ночевал у Боба, но потом заносил Андрею гитару и там затормозил.

«Даже с Галкой толком не попрощался...»

«Однако паришься, парень. Не избавиться никак от привязанностей...»

«Пострадать бывает полезно. Парень парится, — Криса неожиданно увлекла словесная игра, — а герла? Герлится?»

«Для нее и лучше, правильный стабильный Сэнди теперь выравнивает перекус, совершенный мною.»

— Уфф-уф-уффа-фа, славный город наш Уфа. — неожиданно для себя пробормотал Крис. «Не заморачивайся на Санта-Барбарах, а не то... — Крис увидел приближающуюся легковуху, замахал рукой и, увидев, что она тормозит, мысленно добавил: — остановится машина.»

Это был старенький фольксваген.

- На Уфу, — сказал Крис в раскрытое окошко.
- Я недалеко, километров сорок, — ответил драйвер.
- Мне и сорок сгодится.

Крис сел в машину. Прежде чем тронуться с места, водитель, пожилой лысоватый дядька, долго и бесцеремонно рассматривал Кристофера. Крис чувствовал себя крайне неудобно. Наконец драйвер перенес внимание на дорогу. Редкие, то ли седые, то ли очень светлые волосы, полные губы, большой рот, серые водянистые глаза придавали лицу водителя какое-то жалкое и беззащитное выражение.

— Турист? — спросил дядька и моргнул.

— Нет, скорее путешественник...

— А я не понимаю, какая здесь разница. — водитель снова моргнул. Голос вполне соответствовал его облику — сладковато-подсюсюкивающий.

— Для туриста путешествие — это отдых, — сказал Крис, — а я так живу.

— Все время?

— Нет, не все. Но «путь» — понятие очень широкое. Вся жизнь, — Крис улыбнулся, — это путь.

— А как же семья? Дети?

— Семья для меня люди, такие же как и я. А детей пока вроде нет. Драйвер снова внимательно посмотрел на Криса.

«Ты лучше на дорогу смотри, — мысленно посоветовал Крис, — дырки протрешь».

Следующий вопрос водителя оказался совершенно неожиданным.

— А женщина для секса у тебя есть?

Сама фраза «женщина для секса» была какой-то неприятной. Крис поморщился. Водитель реакцию Криса воспринял по своему.

— Тебе нравится гомосекс? — спросил он.

— Нет, что вы, у меня есть девушка.

— Многие считают гомосекс болезнью, — обыденным тоном продолжил водитель. — А ты что думаешь?

«Ну вот, запарился на герлах и прочих санта-барбарийских делах, думал о них на трассе — теперь получай то розовые разборки, то голубого попутчика, — сказал Крис сам себе. — Вот тебе еще один пример того, как мысли формируют мир вокруг тебя и притягивают события».

«Следует правильно создавать мислеобраз, — вспомнил Крис слова какого-то эзотерического человека, — иначе могут быть подмены. Так один человек мечтал о новой машине. И она появилась в его жизни. Ему подарили плакат с ее изображением».

«Но я ни о чем не мечтал! Тем более о голубых. Тем более таких странных. Гомосекс. Забавно звучит».

— Нет, я не считаю, — сухо ответил Крис.

— А часто ты женщиной пользуешься? — продолжил водитель.

«Пользуешься?.. Я не «пользуюсь».

«У меня есть жаба — редкостная дура, и я бубу ее каждый день», — вспомнил он весьма старую песню Майка под названием «Песня для Свина». В «жабе» было что-то уничижительное, но вполне живое — такая уж любовь у панков. Крис привык к тому, что на трассе драйверы рассказывают ему о личных делах. Здесь как в поезде: загрузил попутчика и расстался, зная, что он унесет твои проблемы далеко-далеко и к тебе уже не вернется.

И у многих водителей отношения к женщинам чисто потребительское: вставил-кончил-вынул. Раза два Крис сталкивался с «плечевыми» — особого рода проститутками, живущими на трассе и кормящимися за счет водителя. В обоих случаях это были пропитые и не совсем молодые бабенки бомжеватого вида, стоявшие в весьма характерных позах. И ту и другую Крис обошел стороной, предоставляя возможность первой поймать машину. Были среди водителей и романтики, и любящие мужья, и женоненавистники. Один, из числа последних, заставил Криса перечислять фамилии женщин, совершивших что-нибудь великое. И Крис начал перечислять: от Кюри до Цветаевой, но драйвер отменял каждую из них: «Эта работала с мужем, эта просто исключение, а поэзия и музыка вообще не дело».

— Я не «пользуюсь». — Крис старался не смотреть на драйвера. — Это не то слово.

— А как же это?

— Просто люблю.

— А... — разочарованно протянул драйвер, — ты просто не понимаешь. Я вот удовольствие только от гомосекса получаю. Меня в армии приучили. Армяне. Друг мой. Сначала я тоже не понимал. А он мне как-то говорит: «Женщины нет, давай пососи мой член. А потом я твой». Я сначала не хотел. Так он своего приятеля позвал, стали бить. Я пососал. Сначала насильно. Не понимал тогда, какое это удовольствие. А говорят, болезнь. Потом у многих сосал. И всем приятно. Хочешь?

— Нет, спасибо. — Крис отрицательно помотал головой.

— Я денег не возьму, — продолжал уговаривать драйвер, — сам могу тебе деньгами помочь.

— Нет, — твердо произнес Крис, — я только женщинами пользуюсь.

— Так у меня тоже жена есть. Старая.

Некоторое время они ехали молча.

— Я через пять километров поворачиваю. Ты, может, голодный? У меня дача рядом с трассой. Заедем, ужин приготовлю, переночуешь по-человечески.

— Спасибо.

— Понравится, остановишься, отдохнешь, — продолжал уговаривать драйвер.

— Спасибо, я выйду на перекрестке.

— А так яблок бы в дорогу набрал...

«Достал!»

Крис вдруг вспомнил совсем другую историю: это было в «Борее», в кафе, где сидел Дэгг с какими-то писателями: водка, чай и вино, и Крис между двумя столиками — наполовину с Дэгг и его компанией, наполовину со Сталкером, не московским музыкантом, а питерским химиком. И один из друзей Дэгг рассказывает:

— Стал я искать работу. И тут приятель предложил в швейный кооператив, карманы к джинсам пришивать. Удобно, в самом центре города. И платили неплохо. Я согласился, начал работать. А в кооперативе этом — одни парни. И смотрю, взаимоотношения между ними немного странные. Поцелуйчики по утрам и все такое. Оказывается, голубые. Вся контора состоит из голубых! И один начал ко мне клеиться. То бутылку принесет, то стакан накатит. Мне чего, лафа. А потом доставать стал. До дому провожать. Я терпел-терпел, говорил, отстань, а потом не выдержал, когда он целоваться полез, дал ему по зубам. Я, значит, дерусь, несильно — жалко-таки, а он говорит: «Бей, бей сильнее, женщины любят, когда их бьют».

— Ну и что дальше? — спросил Дэгз.

— Дальше я ушел с этой работы. И он наезжать перестал.

«Драйвер тоже, видимо, из доставучих». Среди знакомых Криса были голубые, но не такие. Вообще не доставучие. Один из них был весьма неплохим и веселым музыкантом и полгода играл с Крисом в одной команде.

Отступление двадцатое: Немного о голубых

Я не помню, чтобы к голубизне в хиповой среде относились агрессивно. Впрочем, я находился в хиповой среде лишь небольшой частью своей жизни и не претендую на достоверность. Скажем так: агрессии я не видел. Наоборот, сексуальная свобода, как всякая свобода, лишь приветствовались. В коллекции Печкина есть анекдот:

«Двое волосатых лежат в одной постели.

— Слушай, а ты мэн или герла?

— Какая разница, мы ведь все любим друг друга».

Я слышал другой, из музыкальной среды:

«Фредди Меркюри, Боб Марли и Джим Моррисон слонялись по небу. Надоело им, пошли к Богу, попросились на землю. «Ладно, гово-

рит, отпущу, но при одном условии. Как только у кого-нибудь возникнет особо сильное желание, тот снова сразу вернется назад».

Спустились, идут вдвоем по какому-то городу. Джим увидел бутылку, потянулся к ней и... Оп! Исчез. Вдвоем идут, Боб Марли увидел на земле джоинт, целый, офигенных размеров, наклонился и вдруг подумал: «А где же Фредди?» Оборачивается, а Фредди уже нет».

«Гомосекс» свернул на грунтовку у подножия холма, а Крис бодро помчался наверх — пока еще не окончательно стемнело, имеет смысл постопить. Трасса была под стать недавнему драйверу — клейкой и неприятной (типичный для русских дорог способ подновления покрытия: на дорогу разливается черная густая смола и посыпается сверху мелкой щебенкой). «Пупырышки, из которых когда-нибудь прорастут дорожные волосы. Будет меховая дорога...» Крис представил картину «Меховая дорога», он уже стоял перед этой картиной, подняв руку, но пролетающая по реальной, не меховой, а пупырчатой дороге, бросила в незадачливого зрителя несколько камней и вернула его на трассу. «Так и убить недолго!» От следующего, пылящего и дымящего МАЗа Крис отошел на самый край обочины. Но МАЗ, вопреки ожиданиям, остановился.

— Привет, хиппи! — сказал водитель, соломенноволосый, стриженный под каре или скорее под горшок, усатый и бородатый мужик, эдакий русский «васнецовский» богатырь. — Вы теперь как мамонты, или лошади Пржевальского.

— Нет. — Крис поймал интонацию. С таким драйвером сходу можно было общаться на ты. — Ошибаешься, уважаемый, популяция хипей растет, это я тебе точно говорю.

— Не растет. Я по трассе уже двадцать лет ползаю, — возразил драйвер, — всегда попутчиков беру.

— Двадцать лет? — Крис посмотрел на водителя, тот выглядел от силы лет на тридцать. — Много.

— Я с восемнадцати за рулем. И в армии тоже. У нас школа была — вместе с аттестатом права дали...

Драйвер шел в Тольятти, но собирался спать где-нибудь возле ГАИ.

— Ночь не протяну. Прошлую не спал, заебался с этой старушкой.

«Везет мне на извращенцев, — с иронией отметил Крис, — тот «гомосекс», а этот? Автосекс? Автофил? О!» Крис вдруг вспомнил подходящий случаю анекдот.

— Нет, вчера просто какая-то напасть, — весело продолжил драйвер, — сначала насос полетел, потом колесо менял.

— Знаешь анекдот, — спросил Крис, — про водителя и про фею?

«День разговоров о сексе, — рассмеялся Крис внутри Криса. — Заклинило».

— Валяй.

— Ну, значит, один чувак получил новую машину. Колес много, и все такие, попарные, блин, снимаются тяжело. Спустило одно колесо, ну, он его снял, ставит другое. Запарился весь. И тут на трассе появляется фея. «Чего делаешь, парень?» «Да вот, с колесами уже час ебуть!» «А хочешь по-настоящему?» — Крис произнес слова феи заманивающим полусшепотом. — «Хочу, конечно». И тут спускают у машины все остальные колеса.

Драйвер улыбнулся.

— Я его слышал, но по-другому. Ехал мужик в машине. Размечтался, потянулся: «Эх, потрахаться бы!» Бах — спустило колесо. Выходит, смотрит, качает: «Ну, не так же, а по-настоящему». И спустили все остальные.

Дальше пошли анекдоты о русских автомобилях, потом разговоры о жизни в Питере, в Тольятти, сам водитель был родом оттуда, потом был пост ГАИ, где водитель встал на ночевку («Утром, если не уедешь, — сказал он Крису, — я тебя возьму»), а Кристофер вышел на трассу и часа полтора безуспешно стопил под фонарем за гаишным шлагбаумом. Затем отошел в сторону (некое поле, поросшее невысокой, по колено, травой) и там, расстелив полиэтилен и завернувшись в спальник, подремал до рассвета, ибо отоспался в Ебурге на несколько дней вперед, а едва рассвело, вернулся на трассу, где и застопил, точнее, сел в тот же самый «МАЗ» с веселым богатырем, и они снова ехали, завтра-

кали и обедали в придорожных кафешках, менялись темы разговора, менялись кассеты в старом магнитофончике — Кристофер ставил свое, водитель — свое. Крисова дорожная фонотека была невелика: одна кассета — с Майлзом, другая с Бадди Гаем, третья — некачественная запись пермского музыканта Чичи с Хмели-Сунели, дописанная какими-то бардами, и четвертая — свой собственный концерт в «Автобусе». У драйвера кассет было больше — Цепеллины, Пёпл, Флойд, Ху и прочие команды времен семидесятых.

Отступление двадцать первое: Музыка, которую слушают драйверы*

Если устраивать хит-парады среди дальнобойщиков, то первые места безусловно держала бы русская попса, типа Алёны Апиной или Шуфутинского. «Для меня чем проще, тем лучше, — объяснял мне один из драйверов, — а тут ритмичная музыка, слова понятные, едешь, думать не надо, голова не болит». Самое интересное, что эта наша «родная эстрада», дома вызывающая лишь желание побыстрее выключить телевизор или приемник, на трассе мне кажется вполне естественной и от нее даже не тошнит. Записи западной попсы десяти-пятнадцатилетней давности типа «АББЫ» тоже не редкость. Есть тип драйверов, слушающих преимущественно псевдоблатные или бардовские песни (от Розенбаума до Северного) — это любители не ритма, а текста, отвлекающего от дремоты. Наш рок особой популярностью не пользуется («ДДТ» наиболее слушаемая команда из непопсовых). Зато западный рок старых времен встречается намного чаще. Некоторые молодые драйверы слушают «кислоту» и рэйв. Этническая, медитативная, экспериментальная музыка на трассе почти не звучит.

* Еще раз напомним, что это отступление было написано в 1998 году. Русская попса по-прежнему держит первые места. Только вместо Шуфутинского и Апиной теперь другие имена. Земфира, например. Увеличилось количество радиостанций, а, соответственно, и музыка в салонах автомобилей стала разнообразней.

Многие же водители просто включают приемник. Правда, чисто поймать какую-либо радиостанцию можно лишь вблизи больших городов.

Водитель оказался настолько любезным, что вывез Кристофера за город, до Александровки: «Там уж точно машину до Рязани поймаешь...» И Крис поймал, но не до Рязани, а до Большой Рязани — маленького поселка в двадцати километрах от Тольятти. И дальше начался совершенно «безмазовый» стоп — Крис шел по трассе, его обгоняла машина за машиной, но ни одна не останавливалась. «Начну искать место для ночлега, сразу остановится». Крис начал искать такое место. И нашел его — холм, неподалеку от трассы, за которым, судя по всему, начинался лес — Крис видел зеленый, поросший травой склон и вершины деревьев по другую сторону. Он простоял еще полчаса напротив этого холма. Без толку.

«Ладно, утро вечера мудренее». Кристофер пересек болотце, поднялся вверх и лишь тогда обнаружил, что это вовсе не холм, а железнодорожная насыпь. Серо-коричневая грязная щебенка, блестящие, накатанные частым движением рельсы.

Но... Рядом, в полусотне метров, параллельно действующей, тянулась вторая насыпь. Лес успел наложить на нее свою зеленую березово-осиново-ивовую руку — судя по возрасту деревьев, растущих на ней, поезда не ходили лет двадцать.

На второй насыпи остались лишь следы дороги — рельсы были сняты, и только местами, там, где травяной ковер образовывал песчаные проплешины, виднелись вросшие в землю старые деревянные шпалы. Крис быстро нашел площадку, подходящую для ночлега: рядом с очередной проплешиной (можно без заморочек развести костер), на границе плато и склона (если дождь, вода будет скатываться вниз), под раскидистым деревом, породу которого определить не смог: ольха — не ольха, липа — не липа, главное, что на нем можно легко закрепить тент. Он скинул рюкзак и, вооружившись ножиком и полиэтиленовым мешком, спустился к настоящему лесу. Здесь, как и во многих других лиственно-еловых лесах,

грибы росли по принципу — чем ближе к опушкам, тем их больше. Основной улов (десяток два маленьких красноголовых подосиновиков и столь же крепких подберезовиков плюс несколько крепких сыроежек) Крис собрал именно там — сразу под насыпью и на ней. Отчасти потому, что грибов было много, отчасти потому, что для «грибных шашлыков», фирменного кристоферовского блюда, годились лишь молодые и крепкие, старые грибы Крис пропускал, сорвав лишь два сросшихся белых. Как ни странно, один из них оказался насквозь червивым, а другой — абсолютно чистым.

Охота за дровами пришла уже на сумерки: хотя небо было безоблачным, они опустились по-восточному (точнее по-южному) быстро — все же, по сравнению с Питером, юг, и следом за ними сильно похолодало, костер Крис разводил уже поживаясь, а когда красное коптящее берестяное пламя перекинулось на ветки, он, расставив ноги, растопырив полы свитера и куртки, встал над огнем, поглощая дым и тепло, предназначенные небу.

Вскоре костер разгорелся настолько, что Крису пришлось отойти и сесть на рюкзак, отвернувшись в сторону от искр и жара.

— Грибы — то же мясо, — с этими словами, сказанными разве что для птиц и насекомых, Крис принялся за приготовление трапезы: из ивы сделал стоечки для шашлычницы, в качестве шампуров приспособил несколько очищенных от коры березовых прутьев, помыл из фляги грибы, нарезал, насадил на прутья и, подождав, пока костер прогорит до слабого пламени и углей, сконструировал над ними настоящую шашлычницу. Вода, шипя и пенясь, покидала темные ломти, однако подсыхать они не успевали и вместе с хлебом составляли весьма вкусные «бутерброды».

Напиток к «ужину» был традиционный — вода из фляги. Закончив с грибами, Крис положил в костер несколько поленьев потолще, расстелил полиэтилен, спальник и улегся сверху. Пламя подбрасывало в воздух искры и заставляло дрожать реальные звезды, уже не такие большие и не такие яркие, как в горах. «Звездопад наоборот. Искры, сгорая, взлетают наверх, метеоры

горят, когда падают вниз...» — Крис попробовал проговорить внутри себя эту фразу, и она ему не понравилась, — банально».

Он уже начал проваливаться в полусон, как вдруг почувствовал гул. Звук постепенно нарастал, шел и по земле и по воздуху — Крис вспомнил странную колонну грузовиков, и ему стало немного не по себе... «Нет, тогда был другой... Господи, это же поезд!»

Крис повернул голову в сторону действующей насыпи: вершины деревьев вспыхнули в лучах прожектора, затем из-за кустов вынырнуло темное тело локомотива, за которым — светящаяся прерывистая полоса, слитая из множества желтых вагонных окон. «Едет откуда-нибудь с востока, сидят бабаи, пьют чай и мой костер для них — всего лишь мгновенная красная вспышка в сумерках за окном». Крис вдруг вспомнил степь, которую сам не раз наблюдал из окна поезда, столбы, мелькающие за окнами, бегущая ближе к поезду земля и застывший, лишь слегка подрагивающий горизонт.

«Я выковыриваю пейзажи, застрявшие между вагонами», — пришла неожиданная строка. Но Крис не полез за ручкой: «Если до утра не забуду, значит достойна, а забуду, так и Бог с ней. Лишь бы ночью поезда не будили...» Земля под Крисом словно дышала. Он вдруг подумал о железнодорожниках, чьи коричневые домики расположены приблизительно на таком же расстоянии от дороги: там каждый раз ходит пол и дрожит на столе посуда.

Глава одиннадцатая

Бандиты

Шел раз пипл по трассе. Вдруг грузовик на него наехал. Да так наехал, что задавил совсем. И уехал себе. Неподалеку стояла деревенька. Бабушка из деревни увидела на дороге красивый цветной коврик из лоскутков, скатала его и постелила в своей избушке. Прошло лето, наступила поздняя осень. Под Новый год бабушка решила постирать свой коврик. И повесила его сушиться на дворе. На дворе стоял сильный мороз. Пипл простудился и умер.

*Анекдот из коллекции
Степана Маркелыча Печкина*

Ночью стало холодно, и Крис инстинктивно завернулся в спальник и в полиэтилен. К рассвету он был в теплом, но весьма влажном парнике. Его несколько раз будили поезда — утром прошло состава четыре.

Кристофер распаковался, стряхнул полиэтиленовую пленку и допил остатки воды из фляги. «Надо было рядом с костром оставить. Холодно, зато небо ясное», — сказал он сам себе и принялся приседать и подпрыгивать. Затем вытащил карту. Справа от дороги была нарисована река Уса, но с высоты поросшей лиственными деревьями старой насыпи ее видно не было.

Поэтому, решив умыться где-нибудь по дороге, Крис спустился на трассу.

По сравнению со вчерашним вечером, машин было мало: в основном какие-то местные грузовики с забитыми кабинами, старенькие легковухи.

И вдруг — о чудо: из-за поворота, поблескивая черными блестящими бортами, вылетел джип. Тяжелый рычащий японский

зверь. Он проскочил так быстро, что Крис не успел заметить, есть ли в нем пассажиры.

И через два молоковоза после него — второе чудо: темно-синяя рыба, шелестящий дельфин, новенький «Форд». И он, проскочив Криса, остановился, включил огромные стоп-огни и вернулся задним ходом. Водитель, холеный, круглолицый, аккуратно стриженный, распахнул дверцу.

— Куда?

— В сторону Москвы.

— Конкретно?

— В Москву.

— Ну, поехали в Москву.

На этот раз было очевидно, что предупреждать «я не заплачу» нет никакого смысла.

Крепкая фигура, сытое лицо, на безымянном пальце левой руки — выцветшая татуировка — перстень, ромбик разделенный диагоналями на четыре части и раскрашенный в шахматном порядке — две части темные, две светлые. Крис помнил лишь, что перстень с пиковым тузом означает хулиганку, а с трефовым — кражу. Такой ромбовидной татуировки он ни у кого не видел. Может, просто, «для красоты».

Крис потянул за ремень.

— Пристегнуться?

— Оставь. Я не люблю ремни. Откуда едешь? — спросил драйвер.

— Из Алма-Аты.

— Гаш везешь, что ли?

— Не, — ответил Крис, — я по трассе гашиш не вожу. Менты шмонают.

— А сам-то откуда?

— Из Питера.

— Питер — хороший город. Кореш у меня там. — Драйвер на секунду задумался, затем открыл бардачок, достал оттуда и протянул Крису открытую пачку «Мальборо».

— Я не курю, — сказал Крис. — Табак не курю.

— Другого нет.

Они летели за сто пятьдесят, обгоняя всех, безо всяких правил — гора не гора, поворот не поворот. Белой сплошной полосы в сознании драйвера просто не существовало.

Они миновали молоковозы, догнали джип. Но едва собрались обойти его, как тот тоже увеличил скорость.

— Ах ты... — с досадой произнес драйвер.

— Смотри-ка, уходит. — Крис бросил взгляд на водителя. Судя по выражению лица драйвера, гонка стала делом его чести.

— Мотор мощный. Ничего... — Водитель продолжал разговаривать с джипом.

Некоторое время они ехали вровень. Крис увидел в окне улыбающегося водителя, волосы собраны сзади в пучок, черная кожаная куртка, как показалось Кристоферу, косуха, и девушку на заднем сиденье.

«Алиса! Нет, обознался...»

«Совсем ты чего-то запарился, — мысленно осадил себя Крис, — в каждой герле ее видишь. Хватит!».

«Легко сказать...»

Вскоре джип остался позади.

— Сто семьдесят, — в голосе драйвера чувствовалась гордость.

— Много навороченных машин по дороге катается.

— Тольятти. Богатый город. Самый авторитетный. — Водитель принялся нажимать кнопки на магнитоле. — Нравится тачка?

— Да.

— Это американская машина.

— Да я вижу, форд.

— Я говорю, американской сборки.

— Давно она у тебя?

— Вчера человек один отдал. А так у меня мерс. Вот сука. — Он продолжал ковыряться с магнитолой. — В багажнике сидюк на десять дисков. Недавно работал. Ладно, хуй с ним.

Он вставил кассету с какой-то попсой, незнакомой Крису.

— Хорошая машина.

— Хорошая. Но у меня не задержится. В Москву приеду, девчонке подарю. Не для наших дорог. Слишком спортивная.

Они летели, снижая скорость и останавливаясь лишь три раза: один — около гаишника, с которым драйвер расплатился зеленой бумажкой прямо из окна, не вылезая из машины, другой — водителю захотелось молока, он затормозил в маленьком поселке напротив одного из придорожных домов и вскоре вернулся с литровой пластиковой бутылкой, третий — в лесу, когда после молока и драйверу, и Крису захотелось отлить. «Такими темпами мы завтра будем в Москве», — подумал Крис перед тем, как впасть в некую полудрему, полную вялых размышлений, где снова появилась Алиса. «Она уехала одна. И что с ней может сделать вот такой бык, явно из уголовного мира. Ничего. Довезет и отпустит». Он явственно представил, как драйвер плотоядно смотрит на девчонку.

И проснулся от резкого скрипа тормозов.

Какие то люди в плащах, перегородившие дорогу, припаркованные к обочине «девятка» и «Мерседес».

— Достали. — Драйвер сжал зубы. — Вот суки.

Он остановил машину в метре от людей. Тут Крис увидел оружие. Ствол автомата смотрел из под плаща через окно прямо на него.

— Вот суки, — снова повторил водитель.

— Выходи, — приказал «плащ», — приехали.

Крис не помнил как вышел. Он видел лишь дуло автомата.

— Лицом к машине. Ноги.

Кристофер чуть не скорчился от резкого пинка. Его заставили опереться на крышу машины и широко расставить ноги.

Чужие руки уверенными движениями прошли по телу Криса.

— Так стоять. Пошевелишься — убью, — услышал Крис возле самого уха.

— Нехорошо, Коля. Сам отдашь или как? — это уже другой голос.

— В багажнике, — ответил водитель.

— Всё. — Один из «стопщиков» уже успел вынуть ключ и залезть в багажник. — Всё здесь.

— А бабки?

— Кейс тоже. Он с ним был. О, еще какое-то говно.
Краем глаза Крис заметил как бойцы потрошат его рюкзак.
— Это мой рюкзак, — голос Криса стал высоким и хриплым одновременно, — там ничего нет...
— Повернись, чучело.
Крис развернулся. Перед ним стоял невысокий лысый человек в темном костюме.
— Откуда ты взялся?
— Да я так. Застопил.
— Чего-чего? — Лысый улыбнулся.
— Я ловил попутку. Просто попутчик.
Лысый оглядел Кристофера, затем перенес взгляд на кучку вещей вытряхнутых из рюкзака, и улыбка на лице бандита быстро сменилась брезгливой гримасой.
— Какой такой попутчик?
— Случайный.
— Ну.
Из рюкзака вдруг выпало нечто блестящее и звенящее — никелированная трубка, самодельный слайд для гитары.
Взгляд Лысого остановился.
— Это еще что?
— Это слайд. Для гитары.
— Музыкант, что ли?
— Да, — почувствовав проблеск надежды, ответил Крис. — Музыкант.
— А где гитара?
— Из Ебурга на поезде едет.
— Откуда?
— Из Е-ка-те-ринбурга. — Язык плохо слушался Криса и длинное название города пришлось произнести по слогам.
— Что, Коленька, видишь, вот из-за тебя у музыканта проблемы. — Лысый снова улыбнулся. — Ладно, музыкант. Сегодня я добрый. Так что дуй отсюда, пока ноги держат.
— Можно вещи взять?
Лысый кивнул.

Крис поскидывал в рюкзак все свое, что было в багажнике.

Метров двести Крис прошел не оборачиваясь, с ощущением того, что кто-нибудь из бойцов вот-вот выстрелит ему в спину. Когда же обернулся, то увидел все те же машины и человеческие фигуры на обочине. «Может, они договорятся и мой драйвер догонит меня, — подумал Крис, — хотя, вряд ли. Эх ты, раскатал губу: завтра в Москве, теперь получай!»

Он плелся вдоль трассы, на каждый шум мотора за спиной отвечая вялым взмахом руки. Машины пролетали полностью игнорируя Кристофера. Наконец, его обогнал и резко затормозил впереди тот самый джип, с которым они недавно соревновались.

— Быстрей. — водитель распахнул дверь.

Крис плюхнулся на сиденье. Драйвер действительно был в косухе. И черных джинсах. Но не так молод, как сначала показалось Крису. И никакой девушки в джипе не было.

Машина рванула вперед. «Везет мне на лихих новых русских».

— А где девушка? — спросил Крис, сам поразившись бестактности своего вопроса.

— Какая?

— Когда вы нас, то есть, мы вас обгоняли. На синем форде. Я вроде девушку видел. Рядом с вами. Или обознался.

— Обознался. А может аура у меня такая. В виде женщин. Чего с ним случилось? С этим, на форде. Там такая тусовка.

— Не знаю. Разборки какие-то.

— Ох, — вздохнул водитель, — везде эти разборки. Тебя как зовут-то...

Затем начался долгий разговор, в результате которого выяснилось, что хозяин джипа является также хозяином двух ночных клубов, и что один из клубов — в стиле блюз, и что Крису просто необходимо поиграть в нем, а заодно и заработать немного денег. «Играть у меня, парень, это круто, у меня Ляпин из вашего Питера играл, знаешь такого?» Кристофер Ляпина знал. «Ляпин — это неплохо». «То-то». И так далее, в том же духе взаимного раскидывания понтов. Сошлись на том, что Крис погостит у Сержа — так ему пред-

ставился драйвер, а вечером может быть поиграет. «Не обижайся, но сперва надо послушать, что ты за птица».

Машина остановилась перед железными воротами в довольно высоком каменном заборе. Они отъехали в сторону, и Крис увидел в глубине небольшого парка двухэтажный дом. Рядом с воротами никого не было, но на крыльце дома сидел здоровенный скуластый татарин в грязной афганке. Откуда-то сбоку, навстречу «мерсу» черными молниями метнулись два добермана.

Серж открыл дверь и собаки, сунувшись в кабину, принялись облизывать его лицо.

— Слим, Бетси, — он ласково потрепал одну, другую, — видишь какие красавцы... Ладно. Все. Пошли вон!

Последняя фраза прозвучала зло и резко. Собаки отошли в сторону, поджав хвосты.

«Психопат», — поставил диагноз Крис. Он, как и многие его друзья, довольно хорошо знали психиатрию — отмазывание от армии часто осуществлялось через дурку, и психопатию (статья 86) было легче всего симулировать, ибо каждый человек в некоторой степени психопат.

— Рашик, возьми собак, у меня гость. — Серж повернулся к Кристоферу. — Видишь, как собачки меня слушаются. Пойдем во флигель, там все есть. Ванна, туалет.

Флигелем оказалось левое крыло особняка. Они миновали маленькую прихожую и зашли в комнату. Камин, ковер на паркетном полу, кресло, телевизор, журнальный столик, цветы на окнах. И телефон. За полуоткрытой дверью — угол кровати, видимо, спальня.

— Располагайся. Хоть день человеком поживешь. У меня, увы, дела... — Последнюю фразу хозяин произнес уже с той стороны двери.

Крис бросил на пол рюкзак и принялся расшнуровывать ботинки. Он снова уловил запах костра. «Одежда хранит его несколько дней. Смотря какая. Свитер, например. Который у Алисы».

В детстве Крис любил лежать, уткнувшись носом в теплый вязаный свитер, он хорошо помнил этот «дачный», как говорила мама, свитер, и вдыхая запах дыма, мысленно возвращаться на лесные тропинки. Это было до пятнадцати, до трехлетней затяжной войны с родителями, закончившейся прописыванием Криса в бабушкину комнату и съездом в никуда, а затем всеобщим перемещением (без Криса) в Москву. С той поры Крис стал «отрезанным ломтем», родители жили с младшим братом, теперь студентом юридического и гордостью семьи. А Крис, два года отучившись в «консерве» и попав, по выражению Яна, в хипаки второго призыва (почему-то ближе к концу восьмидесятых возникла эта вторая волна ухода к цветам, любви и ненасилию), стал жить по впискам. За это время он провел год семейной жизни с весьма милой герлой, в течение нескольких месяцев побывал хозяином сквота на Петроградской, который сам и открыл, переиграл в десятке команд и даже записал свой компакт, который пока еще не видел, ибо в очередной раз уехал из города по «семейным» делам. С определенной поры он считал своей семьей весь пупл, то-есть Rainbow-family, то-есть Народ Радуги.

«А теперь ты готовишься к концерту для жирных. Кто еще ходит в ночной клуб?»

«Жирные тоже люди. Ведь они тебя и в Питере кормят. И многие из них, между прочим, лучше тебя. Шел бы ты в ванну».

Ванна оказалась шикарней — белый и голубой кафель, никелированные краны, большое зеркало и целый набор шампуней. Полочка, где фен и бритвенный прибор. Крис наполнил ванну пеной, погрузился в нее и попытался расслабиться. Расслабление состояло в рисовании картин: что вижу от того и отталкиваюсь.

А видел он бритву.

«Взять мойку и по венам. Здесь, в шикарной ванне с голубым кафелем... Пену следует убрать и наполнить чистой, прозрачной водой, чтобы видеть две красные кровавые речки, две струйки, расходящиеся в теплой воде. В теплой воде, говорят, не больно». — Крис поежился, вид этой смерти был ему противен, он

просто хотел жить. «Это так просто — умереть молодым», — вспомнил он фразу из старой песни Майка, но сам не хотел никакой смерти.

«Значит, ты не готов к ней?»

«Не я ее ищу...»

«Всей своей жизнью мы идем к смерти. Воин должен быть готов к встрече с ней всегда».

«Красиво говоришь, парень, а кто чуть не обделался под дулом автомата?»

«Я не смерти боюсь, мучений боюсь...»

«Это мы уже слышали...Назвал хозяина психопатом, а сам...»

Крис включил душ. Он мылся тщательно, с кайфом, ибо снова поймал момент «здесь и сейчас», неожиданно пришло понимание — не головой, некой глубинной сущностью, что надо принимать жизнь в полной мере, пока она еще есть, и радоваться, как ни банально это звучит, каждой капле этой теплой воды, каждому глотку воздуха, каждому лучу света. Криса «вставляло» все, даже стирка носков.

«Не предчувствие ли это конца, а?»

«Нет, парень, это просто про-светление. Ты проснулся».

«Надолго ли?»

«Ты сам ответил на свой вопрос. Истинно пробужденный такого вопроса не задаст. И сам с собой не разговаривает».

В комнате Крис ждал еще один подарок — поднос с чашкой горячего кофе и бутербродами. Завтракообед был прерван телефонным звонком.

— Музыкант? — Крис узнал голос Сержа, — подумал, что будешь играть?

— А сколько я буду играть? По времени.

— Часа два. Так что разработаю программу.

— Я уже говорил, в основном, стандарты. Мэйнстрим. Плюс пару своих вещиц. Ты с музыкантами поговорил.

— А чего говорить. Приедешь в клуб и порепетируете. А я слушаю.

— Я могу и без репетиции. Если они хорошие музыканты. А могу и один. Или с драм-машиной.

— У тебя будет и драм-машина. Если ты хороший музыкант. Отстроить ее сможешь?

— Разумеется. Главное, гитара.

— За гитару не волнуйся. Как обещал. Эпифоно-казино. Такая же, как у Джона Леннона.

Глава двенадцатая

Концерт

Тебя, тебя прорвет поутру.
Тебя, тебя перетрет трубой.
Тебя, только тебя поймут.
: Все беды будут только с тобой.

Тебя, тебя возьмет дровосек.
, тебе — достанется скарабей.
. только ты уйдешь по росе.
: Весь фарт привалит только тебе.

Я благословляю твой тайный труд.
: То, что тебе осталось — твое, твое.
Тебя, тебя еще выследит поутру
какой-нибудь негодяй из Валё.

Б. Пузыно, сб. «Вчерашний день»

Гитара была отличной. И комбик. И драм-машина. И микрофон. Крис потребовал гармошку ре-мажор. Ему принесли несколько гармошек «Хонер», и среди них он нашел нужную тональность. Он попросил пива и ему принесли кружку темного пива.

Кафе, где предстояло играть Крису выглядело весьма стандартно. Пустые столы, раскиданные по залу, дневных посетителей меньше, чем обслуги — смазливых длинноногих девочек в коротких красных юбочках с узором а-ля-рюс и белых передниках, лямки которых едва прикрывали груди. Типичное новорусское тошнилово. Крису понравился лишь большой (три на два метра) плакат с изображением трассы в американской прерии — на переднем плане рули мотоцикла, трасса уходящая вдаль, на заднем, далеко-далеко — трейлер, линия горизонта и два ма-

леньких белых облака в ослепительно синем небе. Казахстан, одним словом.

Кристофер мог любоваться им хоть весь вечер: маленькая эстрада, где предстояло ему играть, находилась напротив, в одном из углов, большую ее часть занимали пианино, полная ударная установка, пульт, усилители и всякие мелкие штучки. Бас-гитара лежала поверх одного из комбиков — самопальный безладовый бас отменного качества. Музыканты, судя по всему, не боялись за сохранность инструментов. Крис, в круглых джонленновских очках и с джонленновской гитарой, сидел на вращающемся стуле от пианино и тихонько наигрывал «попсовое» «Июльское утро». Этой вещи не было в его программе, Кристофер сам не понимал, почему его вдруг на нее потащило. Краем глаза он заметил, как в зал вошли двое. Солидные дядьки в хороших костюмах. Однако по неким необъяснимым чертам Крис сразу признал в них свою братию. Они прошли вдоль стены, расположились за спиной Криса.

Крис перестал играть и повернулся к ним лицом.

— Давай дальше... — сказал один из них вместо приветствия.

И Кристофер, увеличив громкость, продолжил. Буквально через полминуты включился бас, а затем и ударные. Они врубались, это Крис понял сразу.

Продолжая играть, он подошел к басисту.

— Меня зовут Крис, — сказал он в самое ухо музыканта. — Я из Питера. Серж позвал.

Басист кивнул.

Через несколько минут, полностью исчерпав тему, они остановились.

— Гут, — сказал басист. — Что ты еще можешь?

— Можно блюзы. Стандарт. У нас до концерта сколько? Часа два?

Басист согласно кивнул.

— Я перед вещью говорю тональность, а когда вступать — вы сами врубитесь. Стоп-таймы буду головой отмахивать.

Они играли еще минут двадцать и лишь потом продолжили разговор на языке слов. Общие пристрастия, общие знакомые. Ударник оказался бывшим рокером, когда учился в Москве в Политехе, играл хард, басист же — профессионал, после джазовой школы. Сам Серж так и не появился, лишь отзвонил по телефону и «дал добро»: «Смотри не лажай, музыкант, у меня вечером серьезные гости будут.»

Через три часа Крис сидел на том же вертящемся стуле и наблюдал за входящей публикой. За это время его успели накормить, напоить пивом и переодеть. Джинсы остались, а вместо брезентовой энцефалитки поверх оранжевой «буддийской» футболки Кристофер надел темно-синий пиджак. Судя по тому, что у «мальчика» на входе был такой же, Серж снял его с кого-то из охраны. Несколько столов были сдвинуты вместе, в длинный ряд и накрыты одной скатертью, узоры на которой повторяли узоры на сарафанах официанток.

Крису предстояло два часа игры. Это было блюдо не менее сложное, чем те, которыми потихоньку начал обрастать стол. Одно из них выделялось своей непривычностью — огромный, похожий на горную гряду, осетр. Крисова же программа напоминала винегрет: в традиционные блюзы он подмешал немного рок-н-ролла и даже одну собственную песенку. Правда, мало кто мог оценить это по достоинству.

То ли на столе стояли таблички с именами, то ли каждый проходящий уже знал свое место, но рассаживались довольно организованно. Пока еще многие места пустовали. Наконец, появился квадратнолицый человек под руку с миниатюрной темноглазой женщиной в декольтированном платье с блестками. «Как они ни стараются, все равно выглядят пародией на западную аристократию, — подумал Крис, — повадки, движения, жизнь, наследственность — всё не то...» Человек вел себя, как хозяин, что-то сказал одной девушке, другую шлепнул по попке, и она игриво рассмеялась. Он занял место во главе стола.

— Можно вас, — тихо позвал Крис одну из девиц.

Та подошла к нему. Он был музыкантом, то есть не из толстых, а из тех, кому толстые платят. И здесь она могла сменить дежурную улыбку на более естественное выражение лица.

— Кто это? — спросил Крис.

Девушка печально посмотрела на него.

— Это спонсоры.

— А Крот?

— Это маленький. В бархате.

Она пошла дальше, а Крис принялся разглядывать Крота, крутого авторитета, о котором говорил Серж еще в машине, по дороге к городу. И комплекцией, и одеждой — темным бархатным костюмом — он и впрямь напоминал одноименного грызуна. Маленького роста, с круглым, совсем неволевым лицом, обрамленным курчавой мохнатой бородой, Крот внешне не был похож на «хозяина жизни». И даже сел где-то между центром и краем. Однако по тому, как остальные почтительно расступились и услужливо пододвинули ему стул, по их подбострастным взглядам можно было определить его истинное место. После появления Крота изменилась даже неуловимая психологическая аура зала, она стягивалась к нему, уменьшая хаос среди остальной публики.

Серж пришел одним из последних, когда Крис, почти убрав громкость, и пользуясь шумом голосов как фоном, тянул соло «Июльского утра». Он подошел к Кристоферу и, не здороваясь, проговорил в самое ухо.

— Начнете по моему знаку.

Крис остановился.

Хозяин заведения занял место рядом с Кротом и принялся что-то живо обсуждать с ним. Похоже, они были близкими друзьями. Затем Крот встал.

— Дамы и господа, — произнес он, и бокал в его руке засверкал, словно некая драгоценность, которую Крот собирался продемонстрировать всем окружающим, — я не мастер говорить застольные речи. Как всегда я предлагаю выпить за процветание нашего дела. Надеюсь, мы не раз еще будем собираться за этим

почти круглым столом, как добрые партнеры и друзья. Угощайтесь, пейте, веселитесь, пока не порвалась серебряная цепочка и не разбился кувшин у источника.

«Двусмысленная речь», — подумал Крис. В этот момент Серж бросил в его сторону взгляд и подняв руку, щелкнул пальцами.

После «July morning» пошли блюзы, музыканты действительно знали свое дело. И они не играли там, где чувствовали, что могут слажать. Несколько вещей Крис делал на пару с драм-машиной.

Поначалу он долго не мог войти в то состояние, которое приходило почти на каждом концерте — абсолютно отвязное состояние полета. И дело было не в жующей аудитории, а в некой внутренней несвободе. Помогла картинка на стене — Криса зацепило, он шел по трассе среди желтых полей, шел в единственное место, где всегда чувствовал себя абсолютно свободным — в музыку, в мир, где лишь звук и ритм, где нет ни страха, ни привязанностей, где можно жить вечно, а можно и не жить...

Похоже, слушал (действительно, реально, правильно) лишь Серж, для остальных музыка была только фоном. К концу второго часа к нему подошла одна из официанток.

— Извините, вас Сергей Иванович просит.

Звал Кристофера не Серж. Сам Крот. Он поманил Криса пальцем и указал на пустое место рядом с собой. «Вроде там кто-то сидел, — подумал Крис, — значит, освободили специально для меня». Сказав в микрофон тихое «спасибо» и получив в ответ довольно «густые» аплодисменты, Крис подошел к Кроту.

— Ну-ка, музыкант, давай, не побрезгуй, поешь. — Бородач указал на свободное место. — Голодный небось.

— Спасибо, я ел.

Крис, похоже, попал как раз к очередной перемене блюд. Несъеденную половину осетра, всякого рода заливные и салаты — к некоторым из них гости даже не притронулись — уже убирали со стола, а на их месте появлялись очередные подносы. Такое Крис видел только на картинках в сталинских книгах о вкусной и здоровой пище — целиком запеченные и причудливо убранные по краям

гарниром поросята и зайцы. Одна из девушек положила перед Крисом тарелку, вилку, нож. Без эстетических изысков, все большое, добротное. Но фарфор старинный, Кузнецовский. Оказывается, есть места, где целиком сохранились такие сервизы.

— Не откажись, брат. Вот, смотри, какой зайчик. — Крот указал ножом на лежащего на большом металлическом блюде запеченного зайца с раздутыми боками. — А в зайчике — куропаточки... Или хочешь, рыбки прикажу оставить? Здесь рыбка знатная. Тебя как зовут?

— Крис.

— Прибалт, что ли?

— Нет... это прозвище.

— Погонялово... Это по-блатному. А по-вашему, значит, прозвище?

— По нашему так же. Кликуха. У толкиенутов всяких, сорокаманов — «псевда». То есть, псевдоним.

Бородач одобрительно похлопал его по плечу.

— И как же ты в наших краях оказался?

— Из Алма-Аты по трассе ехал. Да вот попал...

— Ты, брат, смелый человек. Так вот едешь по трассе и никого не боишься? — спросил он Криса.

— Почему. Боюсь.

— Ты хорошо играешь, — встрял успевший нагрузиться Серж. — Классика тебя не испортила. Но зажимался сначала.

— Боялся слажать, — сказал Крис

— Выпьем. — Серж пододвинул Крису винный бокал, наполовину заполнил его водкой, затем плеснул в гораздо меньшие рюмки себе и Кроту.

Крот продолжил манипуляции — водку хозяина он добавил в Крисов бокал.

— Тебе, Сержик, друг мой, хватит, а вот брат-музыкант заслужил. Пей до дна, — сказал он, обращаясь к Крису. — И не стесняйся, ешь все, что хочешь.

Крис выпил, и водка, наложившись на выпитое до и во время концерта, мягко потянула в сторону.

Крот, тем временем сам положил на Крисову тарелку кусок зайчатины, и часть содержимого брюха зайца, оказавшегося не целыми куропатками, как предполагал Крис, а смесью мелко нарезанной птицы и разных овощей.

— Настоящая русская еда. Все натуральное, природное.

— Музыка... — снова начал Серж.

— Давай, музыкант, пей. — Крот снова заполнил бокал Криса.
— А ты Сержик, притормози. Мы с тобой еще говорить будем.

Последняя фраза прозвучала по деловому жестко. А следующая фраза, обращенная уже к Крису, имела совершенно иную, благодушно-доверительную интонацию.

— Как же ты так путешествуешь. Без друзей, один. Родители волнуются небось? Или жена?

— Волнуются, — ответил Крис, — они знают, что по трассе еду.

«Ничего-то они не знают, а надо было позвонить, хотя бы из Ебурга... Свинья ты, Крис, порядочная».

— Впрочем, привыкли. Я каждый год на Восток путешествую, — продолжил Крис.

— Ну и как тебе нравится у нас в гостях? Да ты ешь, ешь.

— Нравится. Богато. Хлебосольно. Только дома лучше.

— Дома лучше. Ты, брат, хорошо поработал. Теперь домой хоть поездом хоть самолетом. — Он вытащил из бумажника сто-долларовую купюру. — Держи.

— Спасибо. — Кристофер сунул деньги в карман.

— Так держать, брат. Если еще будешь в наших краях, поможем.

Он вдруг потерял к Крису какой-либо интерес, и теперь разговаривал лишь с полупьяным Сержом. А Крис отправился на поиски рюкзака.

Теперь он действительно мог ехать на поезде, а мог и выйти на трассу прямо сейчас, прочь из этого кабака, к деревьям и цветам, к свежему воздуху. Но загруженный алкоголем, он просто потерял ориентацию и забрел в служебные помещения.

— Эй, музыкант. — Его вернул в реальность резкий женский голос.

От неожиданности Крис вздрогнул. Затем медленно обернулся. Одна из обслуживающих девиц, похоже, та, у которой Крис спрашивал про Крота, стояла в проеме двери и улыбалась. Крис почувствовал как на его лицо выползает ответная виноватая улыбка. Неправильная улыбка. Он смог защитить сознание, и даже речь от выпитого алкоголя. Но не тело. Тело было пьяным, и не совсем подчинялось Крису. Особенно мышцы лица.

— Что ты здесь потерял? — спросила она.

— Ничего, — ответил Крис, — просто ищу рюкзак.

— Он в гримерной. За эстрадой.

— Ага. Гримерная.

Про гримерную он забыл сразу же, как вернулся в зал. Его больше привлекла лестница с резными перилами и дверь на второй этаж.

— Чего там? — спросил он у официантки. «Не с тобой ли я только что говорил? Вы тут все на одно лицо». Чтобы компенсировать эту мысль, он захотел сказать нечто вроде комплимента, но почему-то испугался своего языка.

— Там... Номера.

— В смысле.

— Девочки. Ну, всякое такое...

— А меня туда пустят?

— Не знаю. Наверное...

Сто долларов в кармане и алкоголь словно приобщили Криса к миру этого заведения. И по лестнице Крис поднимался уже как «хозяин жизни». Дверь была закрыта, но стоило Кристоферу подойти к ней, она распахнулась. Точнее, ее распахнул перед Крисом крепкий парень в местной «униформе» — синем, неотличимом от Крисова, пиджаке. За его спиной — коридор, пропорциями похожий на тот, что внизу. Но пол вместо бетонного был паркетным, сверху лежала темно-красная ковровая дорожка, стены были оклеены тканью, и вместо стандартных люминесцентных ламп, проход подсвечивали укрепленные вдоль стен бра.

— Я туда зашел? — сказал Крис, — я здесь первый раз.

— А вы кто?

Охранник сделал шаг назад продолжая разглядывать Криса.
— Музыкант, — Кристофер старался быть предельно естественным, — почетный гость Крота.

Тот хмыкнул.

— Ну, не знаю. Может и туда. Подождите, сейчас я девчонок позову.

— Нет, нет, спасибо. — Крис жестом руки остановил его. — Я просто... Серж ушел куда-то, а мне с ним поговорить надо.

— Здесь он не бывает. Погодите, девочки высший класс.

«Интересно, сколько они стоят? Того что мне заплатили и на одну не хватит. Боже, что я несу! Мне же рюкзак нужен и куртка а не эти...»

Он вспомнил, как весной они катались на джипе по ночной Москве вместе с приятелем по имени Елычпалыч, превратившимся за несколько лет из питерского нищего физика в богатого московского торговца недвижимостью. Именно Елычпалыч снял студию и спонсировал издание Крисова сидюшника.

— Смотри, сколько. — Он указал на группки девочек, кучкущихся около гостиницы. — А еще сколько в машинах сидят. Сейчас увидишь приколы. Я «маму» сниму.

«Мамой» он называл не проститутку, а звено повыше — диспетчера, предлагающую «девочек».

— Может, не стоит. — Крису было как-то неловко.

— Да ты не бойся, она откажется. В девяносто девяти процентах...

Стоило ему остановиться, как в окно сунулась весьма смазливая и приветливая мордашка. Короткая стрижка, круглое личико. От двадцати пяти до тридцати.

— Сколько? — спросил Палыч сквозь раскрытое окно.

— Двести.

— Садись... — Елычпалыч сделал вид, что тянется к двери.

— Нет, я не могу. Я могу предложить девочек.

— Нет, мне тебя надо.

— Нет, ребята, я не могу, но девочки... Не пожалеете.

— Давай ты... Триста.

— Да я старая, вы посмотрите.

— Четыреста. — Елычпалыч, откинувшись на сиденье, улыбался.

— Нет, поймите, не могу.

— Пятьсот.

— Да вы девчонок не видели.

Еще чуть-чуть, и «мама» готова была согласиться. Но чуть-чуть не наступило. Палыч резко тронул с места.

— А что, если бы села, — спросил Крис, — заплатил бы?

— Нет, я бы не посадил.

— И не жалко...

— Ну, я бы компенсацию заплатил. Двадцатник за базар тоже неплохо.

Крис снова спустился в зал. Крота и Сержа уже не было. Кристофер подошел к своему месту, налил водки, выпил. Затем снова к эстраде. В примерке он скинул тяжелый и неудобный пиджак, натянул куртку и нацепив рюкзак на одно плечо, через зал прошел к выходу. Ноги помнили дорогу лучше, чем голова.

Крис шел быстро, почти бежал по абсолютно безлюдным улицам. Он почему-то был уверен, что идет в нужную сторону. Пятиэтажки сменились деревянными домами с палисадниками. Затем вдоль дороги потянулись то ли пустыри, то ли поля, перемежающиеся какими-то непонятными хозяйственными постройками. «Здесь уже можно поспать. Жаль, ни спичек, ничего...» Крис выбрал одно из зданий, длинное, похожее на ангар или цех. Оно было заброшено — стекла выбиты, вместо дверей и ворот темные проемы. Зато есть крыша. И можно пересидеть до рассвета. Он прошел вдоль стены, подобрал какую-то фанерину в рост человека, и, подстелив ее под себя, свернулся калачиком.

Ему снилась Москва, садик вокруг Патриарших, они сидели с Иркой на скамейке и пили красное вино, мимо проходили какие-то люди, он вдруг вспомнил человека с двумя собаками,

рыжими, кажется, сеттерами, они крутились возле хозяина, затем одна, Крис заметил, что это была сука, подбежала к скамейке, где они сидели, и обежала вокруг. В этот момент, словно резко повернули ручку громкости, — нахлынули звуки. Прошел мужик с тележкой, колеса которой, перескакивая по бетонным шашечкам, отстукивали довольно четкий ритм, ток ток ток, дачник, но откуда дачник посреди города, а собака дышала Крису в лицо, у нее было жаркое дыхание, а Крису вдруг стало холодно, он повернулся к Ирке.

Та сидела, так же, как и он, сжавшись то ли от холода, то ли от звуков, идущих отовсюду. «Я взял ее руку как надкушенное яблоко», — произнес про себя Крис. И провалился в сон.

Он просыпался, но снова засыпал. Наступил рассвет, но Крис по-прежнему не мог выйти из этого дремотного, тяжелого состояния. Он лежал на полу пустого, давно заброшенного цеха, часть крыши которого была разобрана, и под прямоугольниками потолка-неба росли деревья. Крис находился в защищенном от дождя и света месте, на фанерном стенде, выкрашенном зеленой масляной краской, странный большой гриб среди редкой белевой травы, тянущейся под углом по направлению к свету. Мы все тянемся к свету. Банальная истина. Его знобило.

«Мурашки на теле — галактики. Они бегут от боли, холода и неприятных звуков. Кто сказал?» Крис чувствовал себя разлетающейся вселенной и долго не мог встать. Вчерашнее выступление казалось далеким и нереальным.

«А где деньги?» — вдруг пронзила мысль.

«В пиджаке, который я оставил».

«Точно, там! Идиот, почему не положил в ксивник!»

Возвращаться и искать кафе Крис не стал. Дорога, на которую он выбрался, совсем не походила на трассу. Темное бетонное тело мертвого завода, поля.

«Эй!» — окликнул он какого-то утреннего мужика в черном шелестящем плаще, проехавшего мимо на велосипеде. Тот лишь сильнее зашелестел, заскрипел педалями и скрылся в пелене дождя.

Наконец, Крису удалось застопить «москвич». Невыспавшийся, хмурый водитель в кепке.

«Какой-нибудь агроном», — подумал Кристофер.

— На московскую трассу.

— Я на асфальтовый еду.

— А трасса там? — Крис указал в сторону движения драйвера.

Водитель кивнул и добавил.

— Километра два пешком придется идти.

— Конечно, — обрадовался Крис, — только я не заплачу.

— Ладно.

Они проехали километров пятнадцать, и на очередном перекрестке остановились.

— Тебе вперед, — объяснил драйвер, — за ГАИ — московская трасса.

Крис вышел на дорогу. И в пелене дождя, далеко-далеко, по диагонали увидел гаишную будку.

Он решил сократить путь по тропе через низину — сосновым лесом-болотом, поросшим черничником и местами — брусникой. В черничнике стояли желтоголовые, словно наполненные теплым солнечным светом моховики. Кристофер съел горсть ягод и его вытошнило. Чтобы хоть как-то согреться, прийти в себя, он побежал. Ботинки быстро превратились в два ковшика, в которых при каждом шаге булькало и хлюпало, а одежда, и без того влажная, промокла насквозь.

Миновав полосу кустарника и канаву, по колено заполненную водой, Крис выбрался на трассу. Все получилось как он и рассчитывал — будка и перекресток оказались чуть позади.

Он не успел очистить ноги от налипшей в канаве черной грязи, как на дороге появилась машина. Большая БМВха, типа семисотой, Крис определил марку еще издали, по характерному хищному носу.

И она остановилась. Сама. Крис даже не поднимал руки. И как ему показалось, в ней было полно людей. «Почему они остановились? Вряд ли из-за меня». Сидящий рядом с водителем здоровый бритоголовый мужик распахнул дверцу.

«Снова бандюги». Крису было все равно возьмут его или нет, его охватило безразличие, но это не было радостное и легкое состояние просветления, это была усталость, настолько глубокая, что если бы мужик вытащил пушку, Крис ни попросил бы о пощаде, ни побежал. Все равно. Как под наркозом.

Бритоголовый улыбнулся. Улыбка могла означать разное. В данном случае Кристофер расценил ее как приглашение. Он пошел к машине.

Сосед водителя был в ярком спортивном костюме и белой футболке.

— Есть проблемы, брат? — Улыбка не покидала его лица.

Крис кивнул и попытался улыбнуться в ответ. «Странные бандюги». Теперь он видел пассажиров на заднем сиденье — двух таких же здоровых парней и девушку.

— Есть, — ответил Крис. — Мне надо в Рязань.

— Мы можем тебя немного подвезти.

— Но... У вас нет места.

— Сейчас подойдет автобус.

— У меня нет денег.

— Это наш автобус.

«Наш автобус» оказался красным туристским «Икарусом». Пассажиров было немного — человек двадцать.

— Посади, Леш, — сказал бритоголовый водителю, — он в Рязань едет.

И тут наконец Крис понял, что это за автобус и что за «бандиты». На шторке, отгораживающей кабину водителя красовалась надпись: «Бог любит тебя».

«Бог любит меня, — мысленно проговорил Крис. — Баптисты. Какая-нибудь из сект».

— Давай, давай, брат, заходи. Садись. — Пассажиры, крепкие здоровые парни и девицы, наперебой принялись ухаживать за случайным гостем. — Витенька, убери рюкзак, освободи человеку место.

— Далеко едешь? — спросил сосед, имя которого Крис уже знал — Витенька. Он был потщедушнее других, однако покрепче самого Криса.

— Далеко, до самой Москвы.

Крис сжал рукой полу пиджака и потекла вода.

— Чего же мы смотрим, — вдруг раздался сзади, возле самого уха звонкий женский голос, — он же весь мокрый. Как тебя зовут?

— Крис. — Крис не стал говорить своего паспортного имени: Митей звали совсем другого человека, тот был на несколько лет моложе, да и жил в другом времени, в другом мире.

— Не стесняйся. Ребята, дайте ему сухую одежду. Иди в конец автобуса, — девушка обращалась уже к Крису, — переоденься.

«Бог любит тебя» — было написано на футболке, и, переодеваясь, Крис снова повторил про себя: «Бог любит меня».

И тут же память зеркально отразила эти слова, вытащив из своих глубин картинку: клуб «Белый Кролик», пилл, сидящий в коридоре вдоль стены, расписанной весьма нетрадиционными надписями: вместо типичных пацификов, грибочков, цветов, «Нирван» и «Продиджей», красовалось: «Ура, я инженер!», или просто: «Я — Инженер!», или большое, гордое: «МЫ ИНЖЕНЕРЫ» и внизу подписи. К этим инженерам «Белый Кролик» не имел никакого отношения, как и эти инженеры к живой музыке «Белого Кролика» — от мягкого панка до жесткого фолка. И возле этой стены, в пелене сигаретного дыма (курение марихуаны на территории клуба, расположенного в цивильном ДК Связи не поощрялось, и любители травы выходили на улицу, на набережную Мойки, которая сейчас находилась гораздо ближе, не за несколько тысяч километров, в самом сердце Криса, ибо Питер непоправимо вращается в сознание почти каждого живущего в нем, и получается, что не человек живет в городе, а город живет в человеке) кто-то рассказывает анекдот:

«Идет по трассе хипак. Идет, идет — не стопится ничего, хоть тресни. Пустая трасса. Полный голяк. День, два. Неделю. Взмолится чувак:

— Господи, да что ж это такое делается! За что?

Только сказал — выворачивает из-за поворота дальнбой. Огромный, как Родина, теплый, как Битлз, и кайфовый, как крым-

ский портвейн. И сидит в нем за рулем Господь Бог. Подъезжает, притормаживает, высовывается из окна и говорит:

— Ну, не люблю Я тебя, не люблю!»

«Бог любит тебя... Сын у него такой же...»

Воспоминания о Кролике потащили за собой другие воспоминания, заставив Криса улыбнуться, кто рассказывал, он не помнил, но помнил какую-то необычно добрую интонацию рассказчика: «Пришел, значит, старый еврей к своему ветхозаветному Богу, жалуется:

— Беда, Господи, сын в хиппи ушел, совсем от рук отбился, торговать не хочет, волосы, бороду отпустил, бродяжничает, ничего ему, дескать в жизни не надо, лишь любовь...

А Бог сидит, слушает, потом говорит:

— А что я могу поделать? У меня те же проблемы».

Вскоре Крис внешне ничем, кроме комплекции, не отличался от остальных пассажиров автобуса — тренировочные штаны с белыми лампасами, белая футболка и даже кепочка. «Надевай, надевай, у нас много, Бог учит делиться и помогать разным людям». Его же старую одежду повесили на распялки в конце автобуса.

Забота о Крисе этим не кончилась: вскоре в его руках был пластмассовый стаканчик с растворимым кофе и пакет сухой кукурузы. «Полосатая жизнь, то — облом на обломе, то кайфы немеряные». После этой жуткой похмельной ночи кофе действительно казался кайфами немерянными.

А Крис сидел и думал, что все вроде правильно, и забота правильная, но есть нечто неестественное в этих постоянно радостных американских улыбках: «Ах, как все у нас хорошо, и хорошо нам потому, что мы вместе верим в Бога».

«Откуда эта дисгармония. Помогают ли они от сердца, или потому, что так Бог велел? Или помогают и думают, что от сердца».

«Какая разница... Они помогают и это главное».

«Судя по лицам Христа, не свидетели Иеговы. Да, те помрачнее, позажатее будут. Баптисты какие-нибудь. И вроде бы не

очень ортодоксальные. Хотя внешняя свобода может быть от очень сильной внутренней зажатости».

«Кто сказал эту чушь? Что такое внутренняя зажатость? А что такое свобода? Быть над отбором и выбором?»

«Лови волну пока она есть
лови волну по имени свобода
смотри — волна приносит сеть
и утягивает под воду
Фанатики! Фанатики!»

«Кто тебе сказал, что эта песня про них? Человек, твердый в своей собственной вере, еще не фанатик».

«Фанатики фанатики...»

«А вот кто-нибудь из этих добрых людей потащит, как Авраам, на холм своего сына? Если Бог скажет, что надо. Так, господин Кьеркегор?»

«Хреновый Бог, раз такое говорит».

«Авраам-то верил. Плакал, скорбел, но пошел. А ты так не веришь!»

«ТАК я не верю. И никто не просит меня жертвовать своим сыном. Тем более, что у меня его нет».

«Хватит гнать. Твоя вера — рябь на воде».

«Моя вера не в голове. И не в нашей дурацкой беседе».

Пассажиры постепенно рассказали о себе сами. Они бегут с факелом от Владивостока до Калининграда, чтобы нести по Руси весть о Христе. Попутно читают лекции, устраивают концерты. И в автобусе с Крисом ехали спортсмены-проповедники, задержавшиеся в Тольятти, и теперь догоняющие бегущих по трассе братьев.

— Вот-вот, и ты их увидишь, наших ребят, — сказал Крису сосед. — Они сядут в автобус, а Петя и Владик побегут.

Крис не спрашивал, зачем: мероприятие, абсурдное с точки зрения многих, ему таковым не казалось, и он лишь спросил:

— А как же другие конфессии? Православные, католики?

— Мы не против, — ответил сосед, — но если католики и протестанты еще идут на контакт, то православные с нами иметь дела не хотят. Ортодоксы. А мы всех христиан считаем братьями.

«Так вы экуменисты!» Это движение было всего ближе Крису, и он даже немного устыдился своего слишком ироничного отношения к «братьям».

Православная сторона в вопросе Криса, по-видимому, сильнее всего зацепила соседа — он принялся рассказывать об истории прихода своей деревни:

Вот, восстановили церковь, появился священник, приход собрал, а какой приход — несколько старушек, да и сам оказался пьяницей, да и дома сквернословил, а молодые, все кто к нему ходили, с ним пили. И я пил... Хуже того, пил со старостой на церковные деньги... А брат у меня (Крис так и не понял, то ли это брат по вере, то ли по крови, скорее, второе) говорит: оставь ты это, будем другую церковь делать, которая действительно Богу угодна.

— А чего же священника не сменили?

— Да прогнило там все, как ни есть прогнило. Люди к нам стали ходить.

«А нет ли в тебе, брат, гордыни, — спросил Крис, — греха, по христиански не менее тяжкого, чем воровство и прелюбодеяние».

«А вот в тебе, брат, — Крис уже обращался к самому себе, — уж точно есть, раз верующего человека смущать пытаешься».

— Так что, это вы сами решили новую церковь создать?

— Брат мой. Он начал...

— Но автобус какой-то организации?

— Братья арендовали. Автобус обычный.

Крис видел в салоне гитары, одну акустическую, две электрических, судя по кофрам, ничего особенного, комбики, пульт в коробке.

— А зачем вам гитары?

— Так мы с концертами выступаем. Песни поем. Псалмы.

— На русском?

— На русском. И на английском. Какая разница

— Но электрическая музыка... Христианство. Как это сочетается? — Крис был убежден, что прекрасно сочетается, но зачем-то продолжал подковыривать.

— Господь учил: славьте меня на трубах и органах. Песни — разве это плохо? Мы учим людей радоваться. У нас даже танцевальная группа есть.

Крис чувствовал, что во всем согласен с собеседником. И все же что-то в этом добре, в этой радости было не то.

«Где оно, место радости? — Крис смотрел на мокрый серый пейзаж за окном. Все его путешествие больше говорило о печали. Внутри Криса появился звук, тихий, как шелест падающего осеннего листа. — Нет никакой надежды... только одежды дождя...»

Автобус отвернул в сторону и остановился. Пункт ГАИ. Водитель подошел к гаишнику, а в салон вошли двое. С автоматами, в камуфляже.

— Божьи люди, — усмехнулся один, оглядывая салон.

— Христиане, брат. Видели наших ребят с факелом?

Тот не отреагировал. Он продолжал скользить тяжелым и внимательным взглядом по лицам, создавая неприятное напряжение

— Документы у всех есть?

— У всех, — ответили двое или трое.

— Ладно. Пойдем. — Они вышли из салона, два черных ангела, два ворона, ворвавшихся в светлый курятник. «А ведь кто-то на этом пробеге делает деньги, — нехоти подумал Крис, и тут же ответил себе: — Ребята бегут, и им в кайф, так какое тебе дело до этих денег. И почему ты не веришь в искренность всего этого мероприятия? А эти «вороны», кстати, может ищут каких-нибудь террористов».

Вскоре они нагнали факелоносцев. Факел оказался фирменным — заправлялся бензином. «Интересно, какой расход на сто километров?» — подумал Крис с иронией, но спрашивать не стал.

— Мы до ближайшей поселка, — сказали ему. — Это еще километров сорок. Там будем наших ждать. Можешь с нами переночевать.

— Нет, я дальше пойду. Даже не знаю, чем вас отблагодарить. Он посмотрел на гитару.

«Swing low, sweet chariot» — всплыл вдруг в голове голос Эрика Клэптона. Это их не обидит. Может они сами ее поют.

— Разве что песни спеть, — продолжил Крис.

— Ты музыкант?

— Вроде того.

Ему протянули гитару. Как он и ожидал, песня была знакома пассажирам. Подпевать стали сразу, совершенно не комплексуя, в полный голос. Да и голоса были нормальные, никто не фальшивил. Мало того, один из них достал барабан и принялся отстукивать ритм. И лишь в этот момент Крис, наконец, перестал ощущать дисгармонию в «ауре» христианского автобуса. Во время песни все казалось ему естественным.

Глава тринадцатая

Караван

Один человек решил как можно дольше избегать Смерти. Он построил каменный замок, с мощными воротами, рвом, подъемным мостом и башней, чтобы еще издали увидеть Смерть и не пустить к себе. Он перестал общаться с людьми, а чтобы не было так скучно, завел птичку — канарейку. И вот, сидит он в башне, смотрит на дорогу, под ухом канарейка щебечет. Год проходит, другой, десять лет. Не идет Смерть. И вдруг — небо померкло, земля сотряслась, ворота упали, и дверь в комнату распахнулась. Смотрит — стоит на пороге Смерть, все как положено, с косой на плече, но сама почему-то маленькая, не больше мизинца. Побледнел он: как себя ни готовил, а испугался.

А Смерть ему и говорит:

— Зря боишься, мужик, я не твоя Смерть, я за канарейкой пришла.

*Один из вариантов
одного известного анекдота*

Некоторое время Крис сидел на поляне, прикрывшись полиэтиленовым плащом, подаренным христианами. Но он не защищал от холода и влаги, пропитавших воздух. Никакая одежда не могла спасти от них, а костер развести было не из чего и нечем. Криса знобило. Не хватало еще заболеть. «В Москву, в Москву, скорей в Москву!» — Это он повторял про себя весь день, с того момента, как расстался с христианами. Стоп был плохим — короткие переезды и часовые «медитации» на мокрой трассе. «Появляется запара, желание, и начинаются обломы. Это одна из благородных истин. Учись. Это еще простенькое испытание...»

«Но противное...» — ответил Крис сам себе и, дождевав кукурузные хлопья, поплелся по ночной трассе. Единственным, что могло хоть немного согреть, было движение.

Стопить под фонарем, возле пункта ГАИ, за которым его высадил последний драйвер, Крис не стал: без паспорта с ментами лучше не связываться. И он шел по темной трассе — полузавернутая в полиэтилен фигура, изменяющая свои очертания при малейшем порыве ветра. Капли воды на плаще являлись своеобразным катафотом, свет дальних фар преломлялся и отражался самым причудливым образом. Но если какая из машин и притормаживала, то лишь для того, чтобы не сбить Криса. Сажать никто не собирался.

«В такую погоду идти по трассе все же лучше, чем сидеть, околевая от холода, — успокаивал себя Крис. — Вот я уже и согрелся, а скоро вообще высохну». Однако прошел час, а Крису высохнуть так и не удалось: наступило некоторое динамическое равновесие — одежда не высыхала и не намокала, она была слегка влажной, но не холодной... Крис уже ни на что не надеялся, ничего не воспринимал — он шевелил ногами, махал рукой и плыл в безумном потоке: свет фар за спиной, уменьшающаяся тень впереди на трассе, ветер и водяная пыль от пролетевшей мимо машины, красные габаритные огни — глаза темного лица в желтом светящемся ореоле... И затем снова: свет фар за спиной, уменьшающаяся тень Кристофера, водяная пыль и ветер...

Один из дальнобоев пролетел так близко, что ветер с силой ударил Кристофера, отбросил на самый край обочины.

Некоторое время Крис ничего не видел. Потом понял, что машина остановилась и ждет его. Он подбежал к машине. То ли от радости, то ли от быстрого бега, у него заложило уши — он не слышал ни звука двигателя, ни шелеста полиэтилена, ни даже собственных шагов. Впрочем, и видел он немного — лишь мелкие капли дождя, клубящиеся в свете фар, да длинный темный борт машины.

Крис принялся искать ручку, но водитель сам изнутри распахнул дверь. Две ступени наверх, и Кристофер оказался в совсем ином, теплом и сухом мире. Сразу вернулись и зрение и слух. Слабый зеленый свет приборной доски, красные лампоч-

ки, бахрома висящих под верхней полочкой выпелочков — такая кабина, а ночью почти каждая кабина выглядела подобным образом, напоминала Крису о далеких временах, когда ему еще нравилась зима, и в дом под Новый год отец приносил елку, ее украшали стеклянными шарами и лампочками, а затем гасили верхний свет и включали гирлянду. Детей укладывали спать, но гирлянду не выключали. Митя мог смотреть на елку бесконечно.

«В те минуты я был цельным, я ничего не боялся, ни о чем не думал».

«А сейчас пытаешься анализировать, почему такой кайф доставляет тебе вид кабины».

«Анализ — не самая плохая вещь, но в такой кабине я готов ехать куда угодно».

Гладко выбритое, узкое, немного лошадиное, но с орлиным, «индейским» носом, лицо водителя казалось вырезанным из дерева. Он сидел лицом к дороге и не смотрел на Крису.

— Куда едешь? — одними губами спросил драйвер.

— Вперед, — ответил Крис.

Он вдруг понял, что сейчас ему действительно все равно, куда ехать, лишь бы ехать в этой уютной теплой кабине, а не вбирать в себя холод всей трассы.

Ответ Кристофера явно удовлетворил водителя. Он толкнул рычаг передач, и машина легко стронулась с места.

— Хорошо идет, — сказал Крис.

Водитель пожал плечами.

Впереди, в свете фар, блески дождя, темная трасса и больше ничего. Вскоре они нагнали такой же большой темный грузовик. Крис видел только темный прямоугольник кузова, в углах которого светились габаритные огни.

— Это тоже ваши?

— Тоже наши, — ответил водитель.

«Доброжелательный молчун». Кристоферу был знаком такой тип водителей, они редко разговаривают, чаще всего заняты собой и своими мыслями, но в то же время не создают никакого напряжения. Они берут стопщиков не для того, чтобы те раз-

влекали их в дороге, а из простых и весьма человеческих соображений: если стоит человек на трассе, значит ему надо куда-то ехать. И коли в машине имеется свободное место, то почему бы не взять....

Водитель принялся напевать. Крис сразу узнал мелодию. Это была та самая, услышанная недавно на трассе и плотно приросшая к Крису песня без слов. Правда, драйвер пел ее чуть быстрее.

«Или мне кажется?»

— Что это за песня? — спросил Крис.

— Так, песня... — Водитель снова пожал плечами. — Не мешает?

— Нет, нет, пойте ради Бога. Просто я ее слышал. На дороге. Казах пел. Только медленнее. — Крис пропел небольшой фрагмент. — У нее слова есть?

— Может. Зачем в дороге слова? — Водитель снова тихо запел, и звук его голоса вскоре слился со звуком мотора.

«Зачем в дороге слова...» Глаза Криса слипались. Он пытался цепляться взглядом за клубящийся вихрь дождя впереди, за капли на стекле, по мере движения они соединялись друг с другом в большую слезу, и она сползала вниз, оставляя за собой мелкие водяные следы, которые снова становились каплями, которые соединялись... Во всем этом была некая глубокая истина, некий всеобщий простой закон, но выявить его у Криса уже не было сил.

Когда Крис открыл глаза, уже светало.

— Ой, извините, заснул, — сказал он.

— Ничего, ничего... — Драйвер улыбнулся.

— Мы всю ночь ехали?

— Всю ночь.

За окном тянулся типичный среднерусский пейзаж. Зеленые заросли ивы и ольхи вдоль трассы, в которых иногда вспыхивали ярко-красные рябиновые гроздья, поля, перемежающиеся то осиново-березово-еловыми, то сосновыми перелесками. Впереди трассу закрывал фургон. Крис не мог определить принадлежность машины — номер заляпан грязью, да и разглядеть его повнимательнее не удавалось — очки были слишком слабыми.

Отступление двадцать второе: Об автомобильных номерах

По номеру очень часто можно определить, далеко ли идет машина. Для неавтомобилистов и нестопщиков поясню: каждому региону нашей необъятной страны нынче соответствует определенный цифровой индекс (раньше, во времена СССР — двухбуквенный), например Москва — 77 (раньше — МК, ММ, МН и т. д.), Питер — 78 (раньше — ЛД, ЛЕ, затем с переменной имени на Санкт-Петербург — СР), Псков и Псковская область — 60 (раньше — ПС).

И если ты стоишь на трассе Одесса–Петербург, где-нибудь между Одессой и Киевом, и едешь в сторону Питера, и останавливается машина с киевскими номерами, то, как правило, она идет в Киев, с красными белорусскими — есть вероятность, что тебя довезут по крайней мере до Могилева, с Псковскими — до Пскова и т. д.

— Не могу разглядеть номера, — сказал Крис, — вы далеко идете?

— Вперед. — Водитель смотрел на дорогу.

— По трассе? До Москвы?

— По трассе...

— А Пензу мы еще не проехали? — Крис выглянул в окно, надеясь увидеть километровый столбик.

— Не проехали. — Водитель снова улыбнулся. — А ты разве в Пензу едешь?

— Нет, в Москву.

— А потом... Так и останешься в Москве?

— Нет, в Питер поеду.

— А в Питере? — продолжал спрашивать водитель. В его голосе одновременно чувствовалась доброжелательность и ирония.

— В Питере у меня дом.

— А что такое дом?

— Дом, это то место, куда приятно вернуться.

«Чего ты гонишь? Где у тебя дом? — Вопросы водителя словно разбудили внутри сознания Криса множество беседующих друг с другом Крисов: Криса мудрого и Криса рассудочного, Криса сомневающегося, Криса ироничного и Криса убежденного. — Мой дом это дорога». — «Это ты сейчас, в тепле говоришь, а вчера что пел? В Москву, в Москву, осточертела эта трасса».

Они никого не обгоняли, но их тоже никто не обгонял, машина, идущая впереди, словно на невидимой резинке то притягивалась почти вплотную, то уходила вперед, становясь темным серым прямоугольником на фоне цветного пейзажа. Совершенно неожиданно появился пробел в облаках и цвета осеннего леса стали еще ярче, солнце отражалось в каждой капле, наполняя окружающий мир тысячами алмазов. «Это ненадолго, — почему-то сказал себе Крис. — Через час либо солнце зайдет в тучи, либо дорога и лес высохнут».

Но часа не прошло, как колонна остановилась. Небольшой поселок, одноэтажные деревянные дома за деревьями, в низине, судя по всему, речка.

— Мы здесь надолго, — сказал драйвер, — можешь пойти погулять.

Крис вышел, огляделся по сторонам. Что-то необычное было в окружающем мире, таком прозрачном, что казалось, он лишь мираж, висящий в воздухе.

«После дождя...» Крис прошел взглядом по машинам. И он узнал их. Это была колонна, испугавшая Галку, тот самый караван, чье приближение сопровождалось странным гулом. На этот раз дождь прибил пыль, и тенты смотрелись как кожа гигантских рептилий, только что вылезших из воды. Он еще раз отметил, что все машины разные — от каких-то не очень старых, но потрепанных тяжеловозов-иномарок до ветхого зеленого «газончика». Крис почему-то воспринял караван как должное, без всякого удивления.

«Словно во сне...»

«Во сне и есть, — ответил он сам себе, — но тогда где же пастух? И почему, когда я садился, то не слышал никаких похожих на гул звуков?»

«Но когда я заснул?»

«Разве это важно».

Крис вдруг увидел того, кого искал. Он стоял в стороне от водителей и крутил палочку вокруг руки. Занятие могло бы показаться неподходящим для дядьки довольно солидного возраста, но он делал это так изящно и виртуозно, что Крис некоторое время стоял и смотрел, не решаясь подойти. Эти упражнения были похожи на одну из древних китайских гимнастик, какую конкретно, Кристофер вспомнить не мог. Он чувствовал, что это упражнение нечто сродни суфийской медитации в танце, только танец немного другой.

«Зачем тебе к нему подходить? Найди лучше своего драйвера».

Однако Крис подошел и поздоровался.

Пастух кивнул в ответ.

— Не знаете, мы здесь долго будем стоять? — спросил Крис.

— Это зависит от тебя. — Бородач хитро посмотрел на Кристофера.

— Почему? Я лишь попутчик. Пассажир.

— Здесь нет пассажиров.

«При чем здесь я? Я сплю, сплю», — несколько раз повторил про себя Крис и под конец, похоже, сказал это вслух.

— Ты почти всегда спишь, — утвердительно произнес пастух.

— Но когда я заснул?

— Разве это важно?

Диалог, разыгранный Крисом внутри себя, теперь происходил снаружи.

— Как?

— Кто-то говорил, времени не существует.

— Но мы пользуемся. Чтобы ориентироваться.

— В чем?

— В своей... — Крис хотел сказать жизни, но нашел более подходящее разговору слово, — своих иллюзиях.

— Так чего же ты хочешь? — спросил пастух.

«Вот, блин, разговор ученика с просветленным. Не хватало еще сказать, что, дескать, мол, хочу обрести истинную природу Будды». Крис так не сказал.

— Не знаю еще.

— Поищи. Может, вспомнишь.

Крис прошел через деревню, к низине, где была река. «Откуда я знаю, что там река?» Он знал не только это, он помнил проселочную дорогу, ведущую к старому каменному мосту, и на другой стороне — холм, поросший темным густым ельником.

Крис даже знал, что с одной стороны мост имеет некое подобие перил, широких, из скрепленных цементом круглых камней, на которых удобно сидеть и наблюдать за рыбами, стоящими в зеленых, извивающихся водяных волосах — водорослях.

Но мост был уже занят. Долговязая фигура, широкополая шляпа, большая сумка рядом. Всплыла картинка из читанной-перечитанной в детстве книжки: «Снусмумрик, сидящий на мосту». Но это был вовсе не книжный персонаж, а человек, знакомый Крису еще по Питеру, — Витя Банджо.

Крис бегом слетел вниз.

— Вот так встреча! — Он пожал Вите руку. — Ты-то здесь какими судьбами?

— Я сюда иногда приезжаю, — улыбаясь, ответил Витя. — Я люблю сидеть на этом мосту. Приходят очень простые мысли. Ведь посмотри, вот эти, скажем, штаны, — он указал рукой на брюки, в долгих странствиях потерявшие свой истинный цвет и ставшие просто серыми, — ведь это кто-то придумал, что вот так, а не иначе выкроить и сшить... А кто-то придумал ткань. А ботинки — посмотри, какое это сложное сооружение, за каждой из этих вещей стоят люди. Не один, не два человека — десятки, сотни людей. И мост, — Витя похлопал рукой по камню, — ведь тоже кто-то изобрел. Это просто, но это ли не чудо?

Витя свел перед лицом две ладони, на мгновение они закрыли его глаза, осталась лишь узкая темная щель, затем развел руки.

И Крис вдруг вспомнил Витины рассказы о смотреии через щель.

Тогда они сидели в керамической мастерской, где стояли ванны с белой и зеленой глиной, и школьные муфели, и длинные столы в белых и зеленых следах, и совершенно особенный запах, и стеллаж во всю стену, полный фигурок, — Светка вела кружок керамики и многие работы дети оставляли в мастерской. В углу лежала груда черных папок — наследство то ли съехавшей, то ли разорившейся конторы, выброшенное во двор и подобранное хозяйственными художниками.

Банджо взял две черные папки и закрыл ими лицо, оставив лишь узкую щель.

«Когда смотришь сквозь щель, — прокомментировал Крис, — зрение обостряется»

«Так можно и путешествовать», — сказал Банджо.

«Как?»

«Создавая щель и резко распахивая ее...»

— Ты оказался здесь так? — Крис повторил жест Банджо. С точки зрения логики ничего не должно было произойти, но была некая необъяснимая внутренняя уверенность, что Витя мог путешествовать таким способом.

— Можно и так. Путешествовать можно по-разному. Я, например, хотел предложить батутную дорогу до Москвы. Ты куда едешь?

— Не знаю. Теперь не знаю. Здесь все так непонятно.

— Ничего непонятного. Ты у шаманов спроси...

— Каких шаманов?

— Да у тех, что из Сааремаа, Волоса, Махмуда.

— Но они остались в Ебурге.

— Послушай. — Витя поднял глаза к небу. Но там не было ничего, кроме птиц и облаков. Но вдруг где-то на холме, в еловом лесу «тум-теке-тум-теке-тум...»

— Они здесь?

— Они с тобой. Это ли чудо?

— Нет, — сказал Крис, — головой это не охватить. Не может быть такого количества совпадений. И не говори мне о других реальностях, я сюда по трассе приехал.

— Палки на тебя не хватает, — сказал Витя Банджо, — стукнуть как следует.

Витя свел ладони перед лицом оставив только узкую щель, затем раздвинул их. И его лицо изменилось. Описать суть этих перемен было невозможно, казалось, изменился сам угол падения солнечных лучей, лицо потеряло свой внутренний свет, тень от шляпы закрыла глаза.

— Видишь, — сказал Витя и посмотрел в сторону холма, — не ее ли ты ищешь.

Крис перехватил его взгляд. «Алиса!» Сомнений не было, она шла по тропинке к лесу. Кристофер побежал вдогонку. Но через десяток шагов обернулся, вспомнив, что забыл попрощаться с Банджо. Того на мостике уже не было.

И на этот раз Крис догнал ее. У самой кромки леса.

— Алиса, стой...

Некоторое время она внимательно смотрела на приближающегося Криса, затем на ее лице появилась, точнее, проступила, как на фотографии, опущенной в проявитель, улыбка. Внешне вполне естественная улыбка, но Крис почувствовал за ней нечто одновременно жуткое и завораживающее. Это была не та Алиса, которую он встретил на трассе.

Она поманила его рукой, затем словно поплыла через лес. Крис узнал его — сон, начавшийся в доме Боба, продолжался: «Я сплю и попадаю в продолжение».

«Он может спать по шестнадцать часов», — вспомнил Крис чью-то реплику, услышанную сквозь какой-то из снов. Спать, чтобы попадать в продолжение своих снов. Алиса, белое пятно впереди, вела его за собой. Вот и поляна. Она остановилась и снова улыбнулась.

Происходили какие-то плавные изменения света и пространства — солнце исчезло еще по дороге и постепенно стемнело. Дорога, которой следовало остаться по другую сторону реки, видимо, сделала петлю и теперь была за спиной Алисы. Или это была другая дорога. Там стояли машины, много машин — желтые, красные огни. Предчувствие чего-то страшного не оставля-

ло Криса. «Сад расходящихся тропок» заканчивался, путей становилось все меньше.

Крис почувствовал холод, бесконечный, пронизывающий насквозь. Кроны деревьев смыкались над ним, образуя тоннель, колодец, в котором светлое пятно — луна или ее лицо, фары машин или звезды?

Алиса смотрела на него и постепенно отдалялась. И все ярче и ближе становилась дорога за лесом.

«Что это за дорога?»

— К тебе домой, — услышал он откуда-то сбоку голос пастуха.

— Но у меня нет дома.

— Есть, не обманывай себя. И тебя там ждут. С твоими песенками и телегами...

Крис вдруг понял, что полностью потерял Алису из поля зрения.

— Где она. Алиса! — позвал Крис.

— Пора возвращаться, — услышал он снова голос пастуха.

— Но я не могу без нее.

— Помнишь, что тебе сказала одна женщина. Каждый сороковой встретившийся нам странник — ангел. Только мы не можем его узнать.

— Так она, что ли, мой ангел? — Крис иронически улыбнулся, преодолевая холод, стянувший лицо, — и я, значит, провел такую... прекрасную ночь с ангелом?

— Прекрасную ночь ты провел с женщиной по имени Алиса. Разве можно увидеть лицо ангела? Каждый сам придумывает ему лицо. Ты придумал.

«Но почему Алиса? Проснись, Крис, быстрее проснись».

«Ты так любишь то, что называешь своей жизнью, ты цепляешься за соломинки, когда тебя несет по реке, но ты слишком долго смотрел в этот поток. И теперь ты снова висишь над пропастью».

— Возвращайся, — сердито повторил пастух, — и хватит болтать.

— Но где сама Алиса? Не ангел, человек? Я не хочу ее терять.

— Как можно потерять то, что еще не нашел?

— Но я хочу знать... — Кристофер почти кричал, — что с ней. Она здесь?

— На тебя, действительно, палки не хватает, — произнес пастух с интонацией Вити Банджо. — Почему ты здесь!?

Где-то далеко за лесом залаяла собака. От холода Крис уже не чувствовал своего тела. Но он еще мог видеть и слышать. Видеть, как мерцает свет за деревьями, слышать знакомый нарастающий гул. Караван уходил.

— Я... — Кристофер, наконец, повернулся в сторону пастуха, но вместо уже знакомой фигуры, перед ним оказалась пуста. Кристофер, не удержавшись, полетел вниз. Заболела нога. А Крис все падал. Он почувствовал, что вся левая половина тела намокла. И вкус крови на губах. Словно воздух пропитан.

Вдруг Кристофер услышал звук. Мотор. Тормоза. Хлопок дверцы. «Посреди леса. В яме, куда я падаю. Откуда?» Хлюп-хлюп-хлюп.

— Юлька, это же человек! — раздалось совсем рядом.

— Пьяный наверное.

— Вон, смотри, кровь. Сшиб кто-то. И рюкзак.

— Эй, парень!

Крис открыл глаза. И этим остановил падение. Белое плывущее пятно. Оно быстро превратилось в лицо. Молодое, испуганное, оно продолжало плыть над Крисом.

— А? — сказал Крис и пошевелился. Он лежал на обочине, на мокрой трассе.

— Ты живой? — спросило лицо. Вопрос был абсурдным, но Крис этого не почувствовал. Он пока плохо понимал, что происходит.

— Не знаю. — Крис сел.

И его тело проснулось. Появились ощущения — шум, боль, холод. Крис чувствовал песок и кровь во рту — губа была разбита, болела нога, бок. Но вполне терпимо. И голова была пустой.

— Что с тобой? — спросил парень. Теперь Крис видел — перед ним молодой парнишка в черной кожаной куртке. Рядом,

чуть в стороне — светловолосая девчонка. Чуть поодаль — красные огоньки легковухи.

— Сам не знаю... — сказал Крис, — не помню.

— Сейчас мы тебя в больницу. Встать сможешь. — Парень протянул ему руку.

— Погоди... Крис встал и оглядел себя. Мимо пролетела какая-то машина. Где я?

— Мы недалеко от Кузнецка.

«Во занесло. На Украину».

Через мгновение до Криса дошло.

«Это же Кузнецк, а не Донецк. Похоже, я действительно никуда не уехал. А как же караван? Алиса. И христиане?»

«Христиане были... Вот футболка».

Крис чувствовал, что в его рассуждениях что-то не так, но дальнейшим анализом заниматься не хотел.

— В больницу не надо, — сказал Крис. — Я вообще-то в Рязань ехал.

— Мы не торопимся. Можем подкинуть до больницы.

— Нет, не надо. До поворота с трасы довезете, спасибо скажу.

— Смотри... У тебя и лицо разбито. И трясет всего.

— Боря, у него шок.

— Тебя тошнит?

— Нет, не тошнит. А трясет от холода, — пояснил Крис.

— Надо все-таки в больницу.

— Нет. — Крис окончательно пришел в себя. — Вот воды бы.

— Юля, принеси воды.

Крис умылся, прополоскал рот и сделал несколько глотков.

Его усадили на заднее сиденье. Теплое мягкое заднее сиденье «единички». Это было чудесно. И боль немного поутихла. «Нам даются некайфы, чтобы получать затем великий кайф от самых простых вещей — тепла, мягкого сиденья, горячего чая из термоса, неторопливой беседы».

Дальше начался нормальный добрый разговор. Крис рассказывал о себе, о людях Радуги, о жизни на Алтае, о музыке... Недавние бредовые приключения, где некто, находящийся внутри-

снаружи, показывал Крису, что и то, и другое — лишь иллюзии, остались далеко позади. Кристофер, наконец, унял дрожь — ему нравилась эта очередная иллюзия в виде старенькой копеечки с приятными собеседниками.

Через несколько часов пути судьба Криса на ближайшие два дня была предопределена: «Мы едем к хорошим друзьям на свадьбу, и ты едешь с нами. Оттуда мы довезем тебя до Иванова. И посадим на поезд». «А деньги?» «Деньги — это пыль». «А эти ваши друзья? Они-то меня не знают». «Узнают».

Борис вел машину до рассвета, затем его сменила Юля, они заезжали за продуктами, подарками, сначала в одно, затем в другое место. И в гости к молодоженам прибыли в середине дня. А дальше были баня и водка. Крис смог рассмотреть повреждение — здоровенный синяк на боку и на ноге.

Затем жених принес гитару. «Мендельсона сможешь? Еще Колька-гармонист подойдет». «Сделаем, — сказал Крис. — Были бы ноты». Колька-гармонист оказался весьма врубчивым и умелым музыкантом «из народа». Для выпускника районной музыкалки он играл весьма круто. «Везет мне на хороших музыкантов». Он быстро сошелся с Крисом, они нашли то, что оба знали в совершенстве — битлов, плюс гармонист знал кое-что из попсы, а Крис мог подыграть ритм. Они пели, и свадьба подпевала, они пили и снова пели, теперь уже было неважно, если иногда кто-то лажал, всем было все равно.

Гуляли и на следующий день. А потом был город Иваново, и пьяный Крис, видимо, воодушевленный свадьбой и какой-то древней телегой, типа — «Иваново — город невест», сватался из окна машины ко всем «невестам», на вокзале он выключился, и в поезд Криса упаковали без его участия. Очнулся он на верхней полке: «Как это я не упал?» Потом пошли алкогольные измены: «Я не хулиганил?» — спросил он бабушку с внучкой на нижней полке. «Нет, нет, вы только стонали». «Хорошо, что не блевал», — подумал Крис. Его тошнило. Тук-тудук, тук-тудук — вагон-кузнечик. И еда на столе пробудила рвотный рефлекс. Туалет был свободен. Криса несколько раз чистило. Затем он прополоскал

рот водой из-под крана. И, не удержавшись, сделал несколько глотков. У воды был вкус железа.

В памяти Криса всплыли пьяные телеги, которые, как ему казалось, он нес на свадьбе. «Алкаш!» Он забрался на полку. Внизу ели куру. А Кристофер, преодолев, наконец, похмелье, снова вернулся к разговору с пастухом, к тому, что происходило по «другую сторону», в мире куда отвез его этот странный караван. Ангел... Крис вдруг смог соединить Алису на трассе и последующую аварию, Алису в джипе и бандитов, Алису в его собственных снах... «Значит, пастух прав, эта Алиса совсем иное создание, на которое я, как одежду, надел образ и имя реальной Алисы».

«Но где она, реальная Алиса, которая не ангел? И как тебе теперь во всем этом разобраться?»

«Проехали».

«Но когда ты смотришь в окно, и рядом трасса, не ждешь ли ты что на ней снова появится этот странный караван?»

— Молодой человек, угощайтесь...

Это снизу. Реальные люди, реальный хлеб, реальная кура.

— Спасибо, я, может, позже.

А за окном снова дождь. И в вагоне не душно. Наверное, на улице по осеннему холодно. Но в отличие от погоды, голова постепенно прояснялась. «Приеду, пойду к Дэгэ. Поживу у него... Или у Жука на мансарде... А ты их спрашивал? Опять планируешь. Хорошо бы на дачу. На хутор к Голованову. Все хорошо...»

— Бабушка, смотри, таракан, — услышал он снизу звонкий голос. — Почему в поезде тараканы?

«Почему в поезде тараканы?» — спросил себя Крис. Бабушка внизу ответила:

— Им тоже нравится ездить, ходить пешком надоело.

«Бабушка врубается, а ты нависаешь над этим миром на верхней полке, и снова смотришь на дождь за окном, здесь ты уже пассажир, а пассажиры особенно остро чувствуют осень. Осы осени, желтые косы смерти... Но поезд остановится, и пассажир умрет, превратившись в гостя, провожающего, встречающего и встречаемого, превратившись, наконец, в путешественника».

Глава четырнадцатая

Менты и заявки

Медвежонок говорил, говорил, а Ежик думал: «Все-таки хорошо, что мы снова вместе». И еще Ежик думал о лошади. Как она там, в тумане...

Ю. Норштейн

Дэгэ жил в понтовом кооперативном доме с домофоном внизу. Крис долго топтался возле пульта, выполняя инструкции «Нажмите на большую кнопку, затем на маленькую с номером квартиры». Безрезультатно. Пульт мигал красными лампочками, но не открывал.

Тогда Крис пошел кричать под окна. И вскоре вниз спустился сам хозяин, очкастый, заросший волосами и бородой, крепкий человек неопределенного возраста в драном голубом восточном халате, вельветовых штанах и тапочках на босу ногу.

— Опять не работает. — Он протянул Крису большую и горячую ладонь. — Долго кричал? Случайно тебя слышали. Вчера Вовка Блюзмен ночью пришел, на гармошке играл под окнами, так ему сразу открыли.

— О, он у тебя? Я поговорить... Поиграть с ним хотел. Моя гитара приехала?

— Вот, сразу, гитара. Спросил бы лучше: «Махмуд, Волос».

— Значит, приехала, — сказал Крис.

— Давно. А ты где тормозил?

— О, это такая история, — сказал Крис, — хоть книгу пиши.

Крис сбросил роюкзак и стянул куртку.

— «Бог любит тебя», — прочитал надпись на футболке Дэгэ. — Ну и как, любит?

— Наверное, раз доехал.

— А Махмуд говорил, вы с Галкой до Ебурга нормально до-
брались, — сказал Дэгэ. — Он, может, завтра зайдет.

— Извини, что я не предупредил. Я ведь всем сказал, что ин-
формация обо мне у тебя будет. У тебя дома всегда кто-нибудь
есть.

— Это уж точно. Не парься, все нормально.

Они вошли в квартиру. Криса встретили шумно и весело все,
кто сидел на кухне за большим круглым столом: Вовка Блюзмен,
Ленка-Ленка, просто Ленка, Пит и восьмилетняя дочка хозяина
Ника.

— Ты как раз к столу, — сказала Ленка-Ленка, — есть, навер-
ное, хочешь?

Ему накидали тарелку риса, и другая Ленка подала некий яр-
ко-рыжий плевочек на отдельной тарелке.

— Что это?

— Эта приправа, — ответила Ленка-Ленка, — Надя делала.

— Называется «лисий яд», — пояснил Дэгэ. — Национальная
китайско-русская приправа. Она такая ярко-рыжая для выяв-
ления лис. Это как доктор Вебстер против дискет, зараженных
вирусом. Человек приходит, ты даешь ему этой приправы. Если
он — лис, то сразу же проявляется.

— Как?

— А ты поешь, и мы тебе скажем, — рассмеялся Вовка Блюзмен.

— Рассказывай, — шутливо попросил Дэгэ, — как ты дошел
до жизни такой?

— Ох. Сам не понимаю. Кому расскажешь, в дурку сдадут.

— Мы всякое слышали. И в дурку никого не сдавали, — сказал
Дэгэ, но вдруг поправился, — нет, грешен, сдавал я раз в дурку
одну тетку.

— Когда это? — спросила Ленка-Ленка.

— Давно. Она у нас некоторое время жила. Но у нее крыша
капитально съехала. Знаете на чем? На Пушкине. Себя Ольгой
считала, мою жену Татьяной, а я дескать, ни больше ни мень-
ше — Онегин. С булдыганом по комнате ходила, обещалась за
Ленского отомстить. Но дело не в этом, она не спала трое суток.

Ну мы сыну ее позвонили, тот приехал, говорит, вызывайте быстрее дурку. Дурку вызвали, а сами ушли. Скорая приехала — без хозяев не берут. Пришлось возвращаться. А она, пока мы тусовались, поспала чуть-чуть и уже нормальным голосом говорит. «Я им надоела, вот они меня и сдают». До сих пор неприятный осадок, словно предал. Правда она и до нас часто в дурку попадала.

«Охотник за вниманием, блин», — подумал Крис. Он вспомнил весенние телеги своего приятеля Яна: «Мы все — охотники за вниманием, — говорил тот, — любим ловить чужое внимание своими рассказами о себе и своем окружении. Это своего рода вампиризм... Рассказчик выговаривается, и качает твою энергию. В обмен на пустые слова». «А концерты?» — спросил тогда Крис. «Ну, концерты совсем другое дело». После этого, через несколько месяцев у Криса появилась песня «охотник за вниманием».

Однако «охотник за вниманием» остановил словоизвержение и посмотрел на Криса:

— Рассказывай.

— Ну вот, до Ебурга доехали мы с Галкой, значит, вполне нормально. А потом. Потом концерты были, я сто баксов заработал и потерял тут же, потом машина сбила, потом на свадьбе гулял...

— В общем, обычный стоп, — расмеялся ДэгЭ.

Крис рассказывал историю своего путешествия довольно долго: он вспоминал гораздо больше, чем проговаривал, но, раскладывая путешествие по полочкам под названием слова, Кристофер вдруг начинал выявлять все больше тайных связей между событиями и «снами», он мысленно ставил слово «сны» в кавычки, ибо по-прежнему некая его часть, не разум, не сердце (эти-то давно признали равноправие этой и той реальности), желала разделять по типу: это — сновидение, а это — действительность. «Ты разделяешь, поскольку сам разделен. Будь наконец цельным. Ведь иногда же тебе, то-есть мне, это удается».

— Деньги, сто баксов — это чепуха, вот Пит все документы потерял, — сказал ДэгЭ, — теперь ему в ментовку идти, паспорт восстанавливать.

— Заявление написать заставят, — добавил Кристофер.

— Когда к ним обращаешься, они помогают.

— Раньше менты злей были. — Дэгэ почесал бороду. — До-тошней, что ли.

— А тут у меня в кармане при шмоне обнаружили коробку транков, — начал рассказывать Пит, но Вовка его перебил.

— Транки это не наркотики.

— Не наркотики, но все же. Взяли, осмотрели, коробку вернули. Лекарства, говорят, не в нашей компетенции.

— Да, теперь менты человечнее стали. — Вовка Блюзмен смотрел в чашку чая, словно увидел в ней нечто необычное. — И винтилова меньше. Если идут на разговор, считай, отмазлся. Я как-то в Летнем саду сiju... Уже после закрытия. Подходят двое, документы берут. «А знаете, — говорят, — что вы сразу два закона нарушили. Первый, о том, что в Питере без вида на жительство не можете находиться, а второй, что находитесь на охраняемой территории государственного памятника». То есть чуть ли не в Эрмитаж забрался, чтобы картину украсть...

Вовка рассмеялся, сделал глоток и продолжил.

— А меня тут на телегу растащило, что, дескать, земля, она об-щая, а почему же нет равноправия, почему в одном месте мож-но сидеть, а в другом нельзя, а я, может, специально приехал на скамейке посидеть, Летним садом полюбоваться. Ну, мент сидит, сидит, протокол составляет, а я гоню и гоню. Наконец он допи-сал, посмотрел вот так, — Вовка изобразил взгляд мента, пол-ный тоски и безнадежности, — и порвал... «Иди, — говорит, — с Богом». А потом, когда я уже в дверях их конторки был, крикнул мне в спину: «Только все равно все это демагогия!»

— А нас один раз с другом вообще смешно взяли, — неспеш-но произнес Дэгэ, и Крис понял, что этот рассказ затянется на-долго.

«Все его повествования подобны здешнему дождю, — подумал Крис, — моросит, моросит и никак не кончается».

— Правда, давно это было, — продолжил Дэгэ. — Пошли мы к приятелю в гости с моим другом Коляном. Ну а нашего одно-

классника дома не оказалось. А этот одноклассник в новостройках на Ваське тогда жил. Ну вот, пришли мы туда, а у нас в запасе бутылочка портвешку. Сеня говорит, что слово портвешок они с Костей Зверем придумали, но я уверен, это не так, портвешок слово народное, ласковое. Сели, значит, на крышу. — Слово «портвешок» спровоцировало какие-то народные нотки в интонации Дэгэ. — Любуемся ночным городом, выпили. Значит, пришло время спускаться. Тут Колян у отлить вздумалось. Сначала он хотел с крыши, но я его не пустил, тогда он пошел вниз, на чердак. А там торчат вентиляционные трубы. И слышны сквозь них все разговоры на кухнях, все запахи. Ну, он увидел, послушал чуть-чуть, а затем туда и отлил. А дальше, пока я тормозил, он где-то нашел ведро с водой и вылил туда. «Спустить, — говорит, — за собой надо». А на лестнице нас встретили мужики с дубинами — у них из решеток для вентиляции вода потекла. И пока ментовка не приехала, нас не выпускали.

Дальше началось. Колян, пока мы в машине ехали, протрезвел окончательно, смотрю, сидит весь красный и в кармане какую-то бумагу мнет. А мне смешно. Привезли нас в отделение, ну мы рассказали, дескать, к другу шли, в такой-то квартире живет, дома не оказалось, полезли на крышу — ждать, обратно спустились, ведро случайно задела, оно на трубе стояло, вот и вода из решеток. Ну, они позвонили Колянову однокласснику, выяснили у родителей, что действительно живет такой-то, в такой-то квартире, мент гад, мной представился. А нас еще обыскали. У меня пачку колес от кашля нашли, с травой термопсиса, копеечных, совершенно безобидных. Фигня, не то что транки, — Дэгэ посмотрел на Пита, — так они специального человека вызвали. Я остался, на меня специальный протокол составляли, а Коляна почти сразу отпустили. А потом спрашиваю: «Что это ты в кармане рвал?» Оказывается, ментовские повестки. Он в дружине от универа был, тогда еще были такие дружины по охране общественного порядка, и из ментовского сейфа спер целую пачку повесток, заполнил на всех своих друзей и собирался разослать. Эдакий сюрприз.

— А менты?

— Менты не нашли. Во-первых, он разорвал, во-вторых, в подкладку засунул.

Крис вышел из кухни в комнату — место, чистое от людей и разговоров, потому что туда отправили спать Нику, и она уже лежала в постели, играя с разноцветным меховым ежиком.

Постелью назывался пружинный матрас без ножек, их у Дэгэ было три: днем, сложенные друг на друга, они служили диваном, а вечером становились тремя полнотными кроватями. Интерьер комнаты Дэгэ, как и саидовской в Алма-Ате, был весьма лаконичен: кроме этих матрасов, телевизора на каталке и ковра, мебели не было. Все шкафы были встроены в дальнюю от окна стену. На одной из стен висели картины — какие-то акварельные пейзажи, натюрморт со светящимися яблоками и восточным кувшином, выполненный крупными масляными мазками, и весьма забавный рисунок с тремя фигурами под названием «Собиратели хвороста».

На длинной стене даже разнородные работы не мешали друг другу. Другая стена была вообще пустой. А третью целиком занимало окно и дверь на лоджию.

— Ты еще не спишь? — спросил Крис.

— Еще рано. Никто не спит.

— Так это взрослые. Дети уже спят.

— Ты сказки умеешь рассказывать? — Ника хитро посмотрела на Криса.

— Есть такое дело. А мне говорили, что ты тоже умеешь.

Крис почувствовал, что и сам засыпает.

— Есть такое дело, — тоном Криса произнесла она.

— Так расскажи мне на ночь сказку

— Тогда я тебе сказку про молоко расскажу.

— Ну, давай про молоко.

— Жила в одной старой избушке хорошая-хорошая тетя. Женщина, у которой было три ребенка, а отца у них не было. И прокормить тоже ничем... не было. Один сын, старший, был очень-очень высокий, второй пониже, а третий совсем маленький. Один умел

петь под балалайку и колоть дрова. Тот, который старше. Другой — водить машину. А третий, маленький, рисовать на бумаге и играть на гитаре. Мать вообще-то любила двух сыновей. Маленького и большого. А среднего не любила. И вот, когда она состарилась, старшему было двадцать восемь, а младшему двенадцать.

— А среднему?

— А среднему восемнадцать. И вот однажды, когда они сидели на большой зеленой скамейке под деревом, состоялся разговор. Разговор состоялся оттого, что мама должна пойти на ручей, чтобы вымыться и обедать. То есть она уже ушла. А вообще-то в это время продают молоко. А самый средний был самый глупый, а большой был средним по уму. И вот средний говорит: «Пора пойти за молоком». Когда мама подбежала к красивому синему ручью, она вспомнила о молоке. А младший уже взял молоко. Тогда она бросила бидон на траву и громко крикнула с восклицанием «Ах». Тут она услышала громкие звуки и увидела старика и мышь. И она начала бить их и кричать.

— Зачем? — спросил Крис.

— А они очень сильно шумели. А в это время идет младший сын и свистит в свой любимый зеленый свисток. И она начала утихомиривать старика. А он почесал в затылке и говорит: «Чего вы меня то хвалите, то ругаете?»

А мать их, лучше я буду называть ее по имени, скажем Марфа. Пусть Марфа, ладно?

— Ну, Марфа так Марфа.

— А Марфа говорит: «Чего ты кричишь?» Младший сын снова засвистел в свой свисток, и все стало ясно. И наконец, они уехали за стол и начали пить молоко с самым вкусным в мире салатом. А потом все уехали в Голландию, может, кто-то в Голландию, а кто-то в Америку, лишь младший сын остался дома, и впереди у него было много разных приключений.

— Ну, какие, например?

— Например, он вышел и поехал за принцессой, чтобы жениться. Он ехал по дороге и свистел в свой зеленый свисток. И всем все становилось ясно.

«Мне бы такой зеленый свисток», — подумал Крис.

— Ладно, хватит, теперь ты расскажи.

— Хорошо, только сейчас у меня все сказки грустные.

— Расскажи грустную.

— А ты плакать будешь. — Кристофер прекрасно понимал, что все эти сказки, а тем более разговор для нее лишь игра, ничуть не менее интересная, чем сама сказка, ему же в эту игру играть не составляло никакого труда.

— Не буду... Я что, маленькая совсем?

— Про кого тебе рассказать?

— Ну... — Ника задумалась, — про человека и про ежа.

— Ну вот, слушай, — медленно начал Кристофер. — Однажды в одном лесу звери решили преподнести друг другу подарки. Стали выбирать того, кто подарки разносить будет. Медведя сразу отменили, потому что он, неуклюжий, не мог и слова связать, да и подарки мог перепутать, волк — слишком злой, да и хулиган порядочный, лиса — хитра, подарки ей даже доверить нельзя. В итоге выбрали ежа. Еж взвалил на спину мешок и поперся по лесу. Ползет, листьями шуршит. Подползает к дороге, видит человек идет. Остановился человек, на ежа смотрит:

«Чего, еж, тащишь?»

«Да вот, подарки зверям».

«Давай я тебе помогу».

Положил человек ежа в карман и пошел сам разносить подарки. Но звери перепугались человека и попрятались. Так никто подарков и не получил.

— Неправда, — звонко произнесла Ника.

— Почему же это неправда?

— А еж колючий и в карман не влезет.

— Ну, у того человека были специальные карманы и специальные рукавицы. Знаешь, такие большие, ежовые. С той поры и говорят, когда человек что-то крепко держит: держать в ежовых рукавицах.

— Все равно неправда. Он принес подарки.

— Ну, раз ты знаешь, расскажи мне сама.

— Ежик приполз в лес и принес подарки.

— И что же он подарил?

— Медведю — мед, — начала перечислять Ника, — волку конфету, лисе... новую кофточку.

— А зайцу?

— А зайцу — куклу. Он маленький, любит в куклы играть.

Ника засыпала. И утаскивала за собой Криса.

Проснулся Крис от храпа. Ника так громко храпеть не могла. Храпел Пит в другом углу комнаты. Он спал на полу, под лампой, в голубом спальнике, на котором словно крыша лежала книжка, а рядом с ней торчал длинный Питов нос, видимо, и производивший эти страшные звуки.

Крис подполз и аккуратно, рукавом лежащей рядом рубашки заткнул его. Тогда Пит выволок из спальника руки, несколько раз хлопнул себя по лицу, пробормотал что-то невнятное, развернулся и храпеть перестал. А Кристофер, выключив лампу, выполз на кухню. Там вокруг стола, на котором горела, словно на спиритическом сеансе, свеча — те же. Плюс приехавший на велосипеде Ян. Лишь Дэгэ сидел в стороне, возле окна, перед попискивающим компьютером.

«Хорошо иметь большую кухню. Хорошо иметь такой дом. Жить в нем, принимать гостей и никуда не ездить. Музыку играть, книжки писать».

— Ты, Крис, навел меня на одну интересную мысль, — сказал Дэгэ, оторвавшись от клавиш и развернувшись к гостям. Я же тут новую книжку делаю. Про пипл. Уже три листа написал. А тут решил, дай-ка я ее «Буквице» продам. Или «Гоблину».

— Думаешь, купят?

— То-то и оно. Чтобы издательство схавало, рефлексии не нужны. Им, однако, динамика нужна, экшен. Или хотя бы заявку написать, чтобы экшн был. А главного героя назову твоим именем. Представляешь, едет чувак по трассе, знакомится с герлой, а та заражает его. Каким-нибудь хитрым вирусом из секретной лаборатории. Пусть она будет дочкой какого-нибудь исследователя. Исследователя убили. И за ней тоже идет охота. Как за единственным носителем.

— Ну и...

— А дальше само пойдет.

— Что само? – спросила Ленка.

— Трупы, погони, горящие машины, и прочие прибабасы. А в конце, конечно же, хэппи-энд.

— Как в стандартном американском боевике. Ниже среднего. Скучно.

— А чтобы не скучно было, надо особенный вирус придумать. Например, пусть это будет полезный геновирус, делающий человека суперменом. И передается только половым путем. Как вам название «Хиппи-Ниндзя». Или «Промой мне мозги».

За столом рассмеялись.

— Кроме названия все весьма заурядно, — сказал Ян.

— Ну хорошо. — Дэгэ оторвался от клавиш и облокотился на спинку стула. — Пусть это будет вирус, нет бактерии, которые позволяют человеку переваривать целлюлозу. Представляете, его ловят, а он уходит из ментов, прогрызая дверь. Он питается только древесиной. Мебель ест. Обои. И все, кого он заражает, тоже. Это же решение продовольственной проблемы! «Пожиратели деревьев». Они спасают мир от голода.

— Дима, и ты это будешь писать? – спросил Ян, сделав ударение на слове «это».

— Вряд ли. А что я буду писать, одному Богу известно. Они требуют от меня гибрид Керуака и Бушкова. Это все равно, что помидор с настенным зеркалом скрещивать. К тому же я есть я, и они меня знают.

— Крутой, однако.

— Наоборот. Они меня знают не с хорошей, а с плохой стороны. «Пиф-паф» у меня не очень получается. Но иногда почему-то на него заносит. Абсолютно естественным образом, без всякого заказа.

— Мне вообще про вирус не нравится, — сказала Ленка.

— А мне все равно. Мечта у меня есть, — вздохнул Дэгэ, — покетбук. Наши издатели дурные какие-то — все в картоне издают. А книга должна быть гибкой и маленькой, чтобы в карман влезла

ла. Я готов «Дзен выращивания свеклы» писать, лишь бы покет-бук сделали. Да и чтобы обложка тоже моя была.

— «Дзен и искусство ремонта мотоциклов», между прочим, хорошая книга, — сказал Ян.

— А у тебя есть?

— На английском. Ее никто не переводил.

— Так переведи, — сказал Дэгэ, — а мы попробуем продать.

— Нет, я сейчас Дао Винни-Пуха перевожу.

«То Дзен, то Дао, только чего? А Дао — есть Дао, путь. Лао-Цзы ушел на Запад, Бодхидхарма пришел с Запада... Или Юга? Дзен это Чань, а Чань — это чай. Вот и мне обрезали веки, чтобы вырастить чайные цветы...» — Крис вдруг почувствовал некую волну, и, отобрав у принтера несколько листов бумаги, снова вернулся в комнату, где при свете ночника и посапывании Пита, принялся записывать проходящий, точнее, проходящий сквозь голову текст.

Глава пятнадцатая

Фотография

«Один дзенский монах, известный в народе своей просветленностью, поняв, что миссия его на этом свете заканчивается, пошел на городскую площадь и начал у людей накидку или одеяло спрашивать: «Сегодня, — говорит, — я у Северных Ворот умру, дайте какую-нибудь накидку, чтобы мой труп укрыть».

А у этого монаха, кроме посоха с колокольчиками да пустого мешка, ничего не было. Ну, раз такое дело, ему не то что накидку — гроб настоящий подарили.

И все пошли к Северным Воротам смотреть, как просветленный умрет. А он посидел, полежал в гробу.

«Нет, — говорит, — сегодня звезды не так расположены, лучше завтра у Южных Ворот умру».

Завтра та же толпа, только чуть поменьше, потащила гроб к Южным Воротам. Монах снова потусовался в гробу, на небо посмотрел: «Погода что-то к смерти не располагает, завтра у Восточных Ворот помру».

На следующий день ученики отнесли гроб к Восточным Воротам. И снова старик их надинамил: «Завтра у Западных...» К Западным Воротам его уже никто не сопровождал. Даже гроб самому нести пришлось.

Поставил он гроб у дороги, сидит в нем.

Мимо пипл какой-то идет.

«Эй, — говорит монах — сейчас я умру! Заколотите гроб, ладно». И умер.

Прохожие заколотили гроб, пришли в город, рассказали. Народ помчался к Западным Воротам. И тут начались всякие измены. Типа «А вдруг не умер!» Решили крышку поднять.

Открыл гроб, а там — пусто. И вдруг, в воздухе, над головами: «Дзинь, дзинь, дзинь». Словно тот монах идет и колокольчики на его посохе звенят.

*Древняя дзенская притча
в современном пересказе*

Крис возился с бумажками всю ночь, перемещаясь то на кухню, превратившуюся в избу-читальню, то снова в комнату. А утром, едва рассвело, за стенкой снова началось «бу-бу-бу, бу-бу-бу», Крис вышел на кухню. Там не осталось и следа от вчерашних посиделок: посуда вымыта, полы подметены, чашки и одинокая ваза с крекерами на столе. Только сейчас Крис заметил, какой он большой.

— Доброе уторо, — сказал Крис.

— Бодрое. Как раз чай закипел. Ну вот, — продолжил свой рассказ Дэгэ — приходим мы с ним на совершенно цивильный флэт, у меня какое-то дело к хозяевам было. Я-то ничего, слегка пьян, тогда пива мало пил, а он и пива, и сиднокарба, и еще какой-то дряни. В общем, крыша сдвинута изрядно. Приходим, а ребяташки к экзамену готовятся. Два весьма продвинутых чувака, Влад и Дрон, они тогда на филфаке учились. Ну, Транк сидит на кровати, тихо бормочет что-то про себя, никого не трогает, однако напряжение создает неимоверное. Ребята чай поставили, со мной о чем-то базарят, Транка стараются не замечать, будто бы все нормально. И вдруг, во время одной из пауз, он тихо встает, подходит ко мне и делает вот так, — Дэгэ встал, положил руки на шею Ленки и принялся сдавливать, Кристофер даже испугался — не слишком ли рассказчик вошел в роль, — а затем спрашивает, — Дэгэ резко опустил руки и плюхнулся на табуретку, — «Дима, а ты умереть не боишься?» У ребят шары на лоб, а я и ответить-то не могу, ручищи у Транка о-го-го какие. Однако мне проще, я все эти приколы Костика знаю, и поэтому даже не сопротивляюсь, себе дороже, только хриплю: «Боюсь, Костик, конечно боюсь».

Ну, он отпустил, а я ему сразу телегу про умереть и умирать, вы знаете все это, про монаха, что гроб по городу таскал и так далее. Ну, Транк обратно на кровать вернулся. И тут кто-то из хозяев встал, Влад, кажется, чтобы чайник принести. А Костя Транк тут как тут, вытаскивает из-за пояса уgomонитель, это он так аварийный молоточек для разбивания стекол, что однажды из нового Икаруса спер, называет, и поигрывает им.

«А ну-ка сел!» — говорит.

Влад, естественно, садится.

«Костя, там чайник кипит».

«Знаю я твой чайник. Дурку вызвать хочешь, сука!»

«Там, действительно, чайник кипит», — встречаю я, но Транк уже меня не слышит.

«Они отсюда не выйдут!»

Мои зайчики молчат, на молоточек в руках Транка косятся.

«Костя, послушай, — говорю, — даже если бы они хотели, они не смогут дурку вызвать. У них телефона нет».

«Не гони. Ты сам ничего не знаешь».

Делать нечего. Сидим, на кухне чайник кипит.

Наконец, говорю:

«Слушай, Костя, ты мне доверяешь?»

Тот подумал минуту.

«Тебе доверяю».

«Давай я их подержу минут десять, а ты за это время уйти успеешь».

И, представляете, прокатило.

«Молоток дать?» — спрашивает.

«Да я справлюсь».

«Ну, смотри».

Он ушел, я, естественно, подождал минуту и за ним вдогонку: как бы не натворил чего. Выбежал, смотрю, он уже посреди Малого, длинный как каланча, над машинами возвышается, руками размахивает, тачку ловит. Окликнуть не успел, уехал. А художник он классный. Да ты видела, я тебе показывал, — Дэгэ посмотрел на Ленку, — каталог с его выставки. Он вообще, странно работает — берет ведро пива, пьет и заедает сиднокарбом. Карб стимулирует, пиво тормозит — получается нормальное состояние.

— А почему нельзя в нормальном состоянии просто, без пива и карба? — спросил кто-то.

— Не знаю, не прет, наверное.

— Я вообще по пьяни или по укуру работать не могу, — сказал Крис, — а Волос, наоборот, дунет, и вперед.

— Кого как. Меня по-разному. Когда-то давно, когда мы были депрессионистами, придумали метод Рембо. — Дэгэ сделал ударение на последнем слог. — Разумеется, поэта Артюра Рембо. Это пить, торчать, не спать, в общем, доходить до умопомрачения, а потом работать. На переходе от кайфов к некайфам. Знаешь, с похмелья как вставляет? Только момент надо поймать. Три часа полной ясности. Когда «уух», как сказал бы Фантом.

— Этот метод, сударь, задолго до вас применяли. Моррисон, например, — вставила Ленка, — или Джоплин.

— Нет ничего нового под солнцем. Но с такой энергетикой они и сгорели в одночасье. Моррисон ведь себя с кометой сравнивал.

— Все торчки долго не живут.

— Не надо. Есть исключения. Вон Берроуз, на чем только не сидел — от винта до черного, а прожил сколько. А один столетний пьяница знаешь какую надпись на будущую свою могилу заказал? — Дэгэ улыбнулся, — «Он был так страшен в своем пьянстве, что сама смерть боялась к нему подходить». Транк тоже страшен. Забавно, но почему-то все его запои совпадают с моментом выплат. Причем начинает он пить еще до получения денег. Я как-то прихожу в издательство, а Транк для них обложки рисовал, и еще на лестнице слышу тук, затем шаги, затем снова тук. Поднимаюсь, а это Костик в дверь нож кидает. Здоровенный, похожий на мясницкий. Дверь уже вся покоцанная. Говорю ему:

«Костя, что ты делаешь?»

«Если денег, суки, не заплатят, сегодня это полетит в Чернова».

А Чернов — это художественный редактор.

И снова с размаху нож в дверь.

«А если ты промахнешься?» — спрашиваю я.

«Не промахнусь».

«Ну а вдруг?»

Тогда Транк расстегивает плащ и смеется так:

«Ха-ха-ха!» — Дэгэ попытался изобразить зловещий смех. — Я смотрю, у него за поясом еще четыре таких тесака.

— Ну и как? — спросил Крис.

— А ничего, вроде денег дали. Через час, вижу, сидят с Черновым на лавке, пиво пьют. Два великих дестроя.

— Почему два?

— Чернов тоже. — Дэгэ взял бутерброд, и, откусив половину, продолжил, причем каша, перемалываемая во рту, не мешала продвижению очередной телеги. — Как-то раз прихожу в издательство, а оно на третьем этаже домписа было, где вся парадная лестница портретами знаменитых советских писателей увешана, смотрю, что-то странное с портретами случилось, одни на полу валяются, другие из рамок вышиблены, вдоль стен стоят, третьи на одной ниточке болтаются. Уцелело, кажется, штуки три. «Что случилось?» — спрашиваю. А мне говорят: «Чернов прошел». А внизу тепленького его менты и забрали. Причем вахтер до последнего терпел, но когда Чернов ему рамку от одного из портретов на шею повесил, вызвал ментов-таки. Не захотел быть знаменитым писателем.

Крис, стараясь не разбудить спящий в комнате пипл, вышел проветриться на балкон. Пустая площадка, сломанный шкафчик, корм для птиц на тарелке. Внизу, перед домом, огромное футбольное поле. Трамвайная остановка, цветные фигурки людей. И, ближе к дому, под еще зеленым тополем, старый грузовик с продавленной крышей — окна выбиты, двери отсутствуют, колес тоже нет. Осень уже успела разукрасить его опавшими листьями.

Крис вдруг вспомнил, что похожий грузовичок, только целый, был в том караване, в том странном бреду, оставшемся далеко позади, на трассе, где-то между Рязанью и Самарой.

Но побыть в одиночестве Кристоферу не удалось — на лоджию вышел хозяин.

— Давно у тебя внизу этот грузовик? — спросил Крис.

— Давно. Очень давно.

— Прикольный. Весь в листьях.

— У меня про него стихотворение есть. Без рифмы. Сейчас.

Дэгэ убежал в комнату и через минуту вернулся с пачкой листов, сшитых скрепкой. Почитай. Взгляд Криса выхватил строчки:

«...грузовик зеленый без дверей и колес,
словно лист тополиный
последний,
придавленный снегом,
но если приглядеться
можно увидеть как он едет...»

Крис постоял несколько минут на балконе, пытаясь унять некое волнение, возникшее где-то внутри. Не от стихов, от грузовика, так похожего... «С глаз долой — из сердца вон». Кристофер вернулся на кухню, где происходил разговор о вещах, знакомых ему уже с десятков лет — о стопе.

— Есть штаты, где очень легко застопить, скажем, у бензоколонки, а тут стою и не прет. А на хайвэй выходить, — Ян рассказывал о Штатах, — как и в Европе, запрещено. Как правило, первая машина, которая стопится — полицейская. А тут вышел, и первая же машина остановилась. Так вот и доехал...

— А в Индии стоп другой, — встрял Дэгэ, — там люди вообще не врубаются, что значит ехать стопом. Очень поезда дешевые. Есть, конечно, фест-класс, типа купейного, но это дорогой, есть секонд-класс — это как наш общий вагон, только раза в два дешевле, чем у нас, и «дженерал плэйс». Общее место. «Дженерал плэйс» вообще ничего не стоит. Меня полис на «дженерал плэйс» посадил. Представьте наше плацкартное купе на шестерых, куда забились больше тридцати человек. И так целых два дня. Классно. Потненько. Вонько. Разносчики еды по головам ходят. В прямом смысле. Зато никаких билетов не спрашивали. Тем более, что у меня с бабками полный облом был. Только на рис и на взнос в аэропорту оставались. Под конец как нищий садху был, весь ободранный, лишь рюкзак фирменный. Как с рюкзаком по городу идешь, за европейца принимают, кричат: «Рикша, баба, рикша!» А без рюкзака — обычный индийский баба, никто не обращает внимания, за своего считают. Баба — это все равно как бабай, борода-то за два месяца отросла ого-го-го какая. А когда маленькая была, кричали: «Сэр, сэр, рикша!» Бабаем не называли.

— Ты про стоп хотел, — сказал Ян.

— Так вот, — продолжил Дэгэ, — поезд в Индии дешевый-дешевый, автобус тоже, поэтому люди не врубаются, зачем стопом ехать. Тем более, зачем европейцу стопом ехать. Не бывает такого, чтобы у белого человека не имелось денег. Ну, а выйдешь на трассу, в точности как раньше у нас на востоке, останавливаются.

— Как и сейчас, — добавил Крис, — по-моему ничего не изменилось.

— Может быть. Давно я на нашем востоке не был. Года четыре. Но у нас там хоть по русски понимают. А они по английски — ни бум-бум. Я просто говорю название города и потом «но мани, но мани». А вот сказать «Ай кэннот пэй», уже не поймут. И названия городов, скажем, на хинди или на бенгалоре отличаются от тех, что на карте. Но это простые драйверы. А если хозяин машину сопровождает, тот пообразованнее, на английском нормально балакает. Лучше меня, как правило. Кстати, у них в машину влезает человек пять. Машина типа нашего «КамАЗа», «ТАТА» называется. Кабина в ней намного просторнее. Сиденье буквой «Г» расположено. И на крыше сидеть разрешено. Так вот, хозяин часто машину сопровождает. И, как правило, спрашивает, чего не на поезде. «Денег нет, — говорю, или, — вашу прекрасную страну из окна поезда разглядеть трудно». В зависимости от состояния. И на «денег нет» хозяин отвечает: «Я дам тебе денег на поезд».

— И дает?

— Дает. И чуть ли не на поезд сам сажает. Очень доброжелательный народ.

— Это везде так.

— Верно говоришь, Крис. Но у нас народ позлей будет. Может, из-за водки. У них другие кайфы.

— Мне надоели телеги о траве, — сказал Ян, — Маккену здесь все читали.

— А я не собираюсь о траве. Я об индийском народе. Меня там сикхи прикололи. Недаром их всех к касте кшатриев причисляют. То есть воинов...

Крис тихо покинул кухню и, сняв с вешалки куртку, направился в ванну — стирать. Его не доставала эта кухонная болтовня.

«Телеги есть телеги — не хуже и не лучше моих собственных». Но вдруг неожиданно захотелось оставить эту гостеприимную теплую квартиру, чай, и рвануть куда-нибудь далеко, в те места, которые и Дэгэ, и Сурья считают чуть ли не своей исторической родиной, туда, где за окном — снежные вершины, а за ними волшебная страна Шамбала.

Прежде чем опустить куртку в воду, Крис вывернул карманы. Как и предполагалось, они были пустыми, только из одного выпал маленький прямоугольник из плотной бумаги. Крис поднял его.

«О, Господи!»

Это была фотография. Именно ее Крис безуспешно искал много лет, ее подарил Кристоферу Рыжий, не «наяву», во сне, уже после своей смерти, о ней Крис рассказывал Галке на трассе. Но теперь Крис видел, что это вовсе не Джим Моррисон, это — «пастух» из той, другой реальности, человек с палкой, сопровождающий караван.

Крис выскочил из ванной с фотографией в руке.

— Знаете, кто это?

Он протянул фотографию Ленке. И вдруг почувствовал, что это открытие важно лишь для него самого. Однако ответ поразил Криса еще больше, чем сама находка...

Ленка внимательно посмотрела на фото, затем на Криса, затем снова на фото...

— Знаете, сударь, что я скажу. Этот человек так похож на вас, что либо это ваш отец, либо вы сами, лет эдак через цать...

Головоломка начинала складываться в новую картинку. «Берег еще далеко, Крис, он удаляется со скоростью твоего бега». Крис вдруг полностью отключился. Перед ним была степь, трасса, воздух дрожал над горячим асфальтом, и там, где взгляд скользил по дороге, образовывались солнечные блестящие лужи. Вдруг далеко, на самом горизонте, появилась размытая точка. Постепенно она приобрела форму, распалась на несколько, по трассе шел караван, и Крис знал, что это за караван, и знал, что его возьмут, стоит поднять руку. И он вдруг почувствовал необычайную легкость — оттолкнешься ногами и можешь лететь.

Вернул Криса назад телефонный звонок. Но ощущение легко-сти осталось. Дэгэ снял трубку.

— Здравствуйте... Да, я у телефона... Нет, я другой Митя. Вам, что ли, Кристофер нужен?

Он посмотрел на Криса.

— Тебя, — сказал он тихо, — герла какая-то.

Он протянул трубку.

— Алле.

— Здравствуй, Крис, — донеслось оттуда. — Ты меня узнал?

Крис узнал, но не мог поверить.

— Чего ты молчишь? Ты меня слышишь? Это Алиса.

Отступление двадцать третье

Типа эпилога и словаря

Вы спросите: «А что дальше?» Жизнь идет, и, как сказала Ника в своей сказке для Криса, «...впереди у него было много разных приключений». И не только у Криса. Махмуд, например, стал работать штатным шаманом в одном из питерских институтов. Камлает понемногу и учится. Пока я писал книгу, в среде народа Радуги выросли Карниплоды — они снимают на видео бесконечные Карниплодские хроники и активно прорастают в виртуальную реальность — в Интернете есть их страничка. Один из московских «веселых проказников» основал Дзен-Православную Эфиопскую церковь и всех записывает в нее: кого святым, кого юродивым, кого патриархом, кого инквизитором. Любому есть место и должность. Я работаю над словарем, но сейчас, когда вы читаете эти строки, наверняка уже занимаюсь чем-нибудь другим: может быть, пишу мелодраму, а может, чай пью. (Ах как легко с помощью письма перекинуть себя в будущее!) Словарь же — полусубъективный, значения некоторых слов растолкованы мною и моими друзьями, а некоторых — авторами энциклопедических статей.

Аджа иб Ад-Дунийя (чудеса мира) — арабская географическая книга XIII века.

Акут — один из видов тонического ударения в некоторых языках.

Анаша — см. *марихуана, ганжа, трава, конопля индийская, канабис, план, дурь*.

Аскашь — (от английского ask), просить что-либо. Чаще всего — *прайс*. Как правило, типичный аскающий *гонит* какую либо *телегу* типа: «Мы приехали из (Тарту, Минска, Таллина — варьируется в зависимости от времени и места), отстали от родной рок-группы, деньги потеряли, а билет на поезд надо, дайте сколько-нибудь, оставьте адрес, мы вышлем, вернем. Чаще всего телега гонится с соответствующим акцентом и деньги никогда не возвращаются. Мне несимпатично это занятие. В застойные времена я знал человека по прозвищу Прайс, нааскивавшего за день столько, что вечером мог сводить в ресторан целую армию пиплов (человек десять, не меньше).

Ашрам — религиозное поселение в Индии.

Баба — на Востоке уважительное обращение к *олдовому*.

Баррет Сид — психоделический музыкант, один из основателей группы Pink Floyd.

БГ (БеГе) — Борис Гребенщиков, лидер группы «Аквариум».

Безбашенный — безголовый, дурной.

Бездник — день рожденья.

Безмазовый — безмазовый и есть безмазовый. Безмазовый человек — неудачник, с ним не стоит иметь дел. (На блатном языке слово «маза» имеет несколько значений — заступничество, выручка, учитель.)

Беловодье — волшебная страна, находящаяся на Востоке от России. Часто отождествляется с *Шамбалой*.

Берроуз — американский поэт, писатель, музыкант, художник по жизни, один из *битников*.

Битники — beat generation, молодежное движение конца 1950-х — начала 1960-х годов, за нестяжательство, бродяжничество, свободу от социума, *фрилав*. Многие битники считали себя людьми *Дзен*. Хиппи появились после.

Бо Цзюй И — китайский поэт эпохи Тан.

Бодхи — лиственное дерево, помедитировав под которым, Гаутама обрел просветление. То есть стал Буддой. В символике буддизма символ просветления.

Бодхидхарма — дзенский патриарх. Пришел с Юга (то есть из Индии) в Китай. Принес учение о дхьяне (чань — по-китайски, дзен — по-японски) — медитации. Его имя связано со множеством легенд. Вот одна из них: «Однажды Бодхидхарма, сидя в медитации, начал засыпать. Слипаятся глаза — и все тут. Тогда он выхватил бритву, обрезал себе веки и отбросил их. И больше уже не спал. А веки, упав на землю, проросли. Так появился чай». Поэтому Дзен(Чань)-буддисты говорят: «Чань и чай имеют один корень».

Бум шанкар — эти слова произносятся всякий раз перед ритуальным выкуриванием *марихуаны* или *гашиша*. Относительно этого клича существует следующая телега: «Идет по Тибету большая тусовка монахов. Длинной такой цепочкой растянулась — первый последнего едва видит. Наконец один из монахов кричит: «Бум Шанкар!» Что значит «До конца!». Ну, все останавливаются, собираются вместе, курят». Есть еще один клич — «Бум баринат!» Типа — «До победы!»

Бушков — современный автор популярных боевиков.

Бэг — рюкзак.

Валгалла — по представлениям скандинавов, рай, куда отправляются души умерших воинов.

Ван Вэй — китайский поэт, чань-буддист эпохи Тан.

Варган — музыкальный инструмент, состоящий из металлической пластинки (подковки) с прикрепленным к ней металлическим же язычком. При игре прижимают к зубам.

Велимир — здесь — Хлебников Велимир (1885–1922), русский поэт. Имя Гуль-Муллы (Священник Цветов) он получил во время скитаний по Иранскому нагорью.

Вендерс Вим (род. 1945) — немецкий кинорежиссер, автор фильмов «Париж-Техас», «Алиса в городах» и др.

Винт — распространенный наркотик. Действующее начало — первитин.

Винтить — арестовывать.

Влом — с большой неохотой.

Вмазываться — вводить в вену что-либо.

Вписчик — смотри отступление двенадцать.

Вулф Том — американский писатель, журналист, автор книги «Электропрохладительный кислотный тест», переведенной на русский Виктором Коганом и изданной в серии «Азбука, Библиотека Иностранной литературы» в 1996 году.

Ганжа — см. *марихуана, анаша, трава, конопля индийская, канабис, план, дурь*.

Гастрит — 1) болезнь, 2) кафе на Невском проспекте, существовавшее в семидесятых — восьмидесятых, место где можно было дешево поесть. Кофе пили в «*Сайгоне*». Гастритовская кас-сира действительно была толстой.

Гауя — река в окрестностях Риги, на ее берегах когда-то (в семидесятых — восьмидесятых) собирался разный *нипл*.

Гаш — см. *гашиш*.

Гашиш — наркотик, выделяемый из *индийской конопли*.

Герла — девушка.

Глюки — галлюцинации, псевдогаллюцинации.

Гопник — это слово, как некогда рассказывал мне дедушка, произошло от ГОП — Государственное Общество Призрения, то есть раньше гопником называли нищего бомжа. Теперь же, гопники — это агрессивные дворовые подростки-обыватели. Это не шпана и не урла, первые немного эстетизированы в своей злобе, вторые слишком криминализированы. Гопники — тупая агрессивная масса пьяных подростков.

Гроф Станислав — ученый-психиатр. Занимался *ЛСД*-терапией. Многие его книги переведены на русский язык.

Гуль-Мулла — см. *Велимир*.

Дабл — туалет.

Дальнобой — тяжелый грузовик, идущий на дальнейшее расстояние.

Дао — так же как и дзен, трудно определить словами. Мне кажется наиболее близким следующее: «Дао — Путь, которым следует все сущее».

Даос — человек, придерживающийся *Дао*.

Джа — единый Бог, источник позитивных вибраций и всех жизненных благ в религии *Растафари*.

Джамбей — африканский деревянный барабан.

Джатаки — сказания о перерождениях Будды. Сюжетная основа — басни, притчи, исторические предания.

Джеф — наркотик на основе эфедрина, изготавливают из *солитана*.

Джоинт — см. *Косяк*.

Дзен (Чань) — говорят, произошло от индийского — дхьяна — медитация. Я же определять дзен словами не берусь. Человек, познавший суть дзен, несомненно, просветленный человек. Есть одна общеизвестная красивая притча: «Один профессор, изучавший дзен, пришел к одному просветленному монаху, чтобы тот растолковал ему, что же такое дзен. «Расскажите, уважаемый, о сути дзен», — попросил профессор. «Ладно, — говорит монах, — но давай сначала чаю попьем». Принес монах чашки, поставил, начал наливать профессору чай. Чашка уже до краев наполнилась, а монах все льет. Чай уже через край потек. «Погодите, куда же вы льете, — закричал профессор, — моя чаша полна!» «Ваша чаша полна, — подтвердил монах, — как же я могу объяснить вам суть дзен?» Думаю, комментарии не требуются.

Дзен-буддизм — одна из ветвей буддизма.

Дзенский — от *дзен*. Дзенский монах — монах дзен-буддийского (в Японии) или чань-буддийского (в Китае) монастыря. Дзенская притча — больше чем просто рассказ или история, это ступень, а иногда и трамплин, которым можно воспользоваться на пути к просветлению.

Дианетика — весьма популярное учение фантаста Рона Хаббарда, приведшее к образованию одной из современных «тоталитарных сект».

Динамитель — вероятно, от блатного «динамо» — мошенничество, обман. Здесь — обманывать. «Продинамить стрелку», например, означает «Не прийти на встречу».

Долбиться — 1) то же что и *вмазываться*; 2) *трахаться*.

Дрэд (дрэд-локс) — прическа *растамана*, состоящая из множества крученных (не плетеных) косичек. По словам Волоса, имитирует львиную гриву.

Дубак — сильный холод.

Дурь — см. *марихуана, ганжа, трава, конопля индийская, канabis, план, анаша*. А можно смотреть шире: дурь — то, что дурманит, т. е. делает дураком, как в хорошем, так и в плохом смысле.

Запара — навязчивая проблема.

«И-цзин» — древнекитайская великая «Книга Перемен». Очень нужная и своевременная книга.

Кабадастр — зажим для грифа гитары, повышающий строй.

Кайф — это кайф, что еще сказать.

Канабис — *индийская конопля*.

Каннабиотиды — группа соединений, содержащихся в листьях, цветах и плодах *индийской конопли* (в основном — тетрагидроканнабинол).

Карб — см. *сиднокарб*.

Кастанеда Карлос — ученик дона Хуана, писатель-этнограф, то ли ставший магом, то ли притворившийся. Впрочем, это не имеет никакого значения.

Керуак — поэт, прозаик, один из *битников*. Книги переведились и издавались в России.

Кислота — ЛСД или его аналоги.

Колесо — таблетка.

Комбик — усилитель с колонкой в одном корпусе.

Конопля индийская — однолетнее растение семейства коноплевых, считается наркотическим растением.

Конфуцианский — как бы «правильный». Конфуций, он закон и порядок любил.

Косяк — *штакет*, забитый травой.

Кризанулся — сошел с ума.

Ксива — документ.

Ксивник — нагрудная сумочка для *ксив*, авторучки и прочих мелочей.

Курехин Сергей — незаурядный музыкант, оставивший след во многих областях музыки и театра, патриарх российского перформенса.

Лаж — чушь, ошибка, фальш. Лажать — ошибаться, фальшивить.

Лао-цзы — главный китайский даос. Написал книгу Дао-Дэ-Цзин и ушел на Запад.

Ли-Бо — (701–762) китайский поэт. Даос. После 762 года стал Бессмертным.

ЛСД — диэтиламид лизергиновой кислоты. Психоактивное соединение.

Маккена Теренс — американский ученый и философ, один из создателей теории влияния психоактивных веществ на эволюцию человека. Автор книги «Пища Богов» и др.

Манда — платформа мироздания, живописное или графическое изображение схемы Вселенной в буддизме.

Марихуана — см. *ганжа, анаша, трава, конопля индийская, канабис, план, дурь*.

Мачо — от испанского macho, самец, воплощение мужского начала.

Машина — шприц.

Ницше Фридрих — (1844–1900), нем. философ, автор книг «По ту сторону добра и зла», «Так говорил Заратустра» и др.

Ништяк — многозначное слово. В зависимости от контекста. Например, если кто-то спрашивает: «Как дела?» А ему отвечают: «Ништяк!» Это значит — все хорошо. «Полный ништяк!» — отлично. Но «ништяком» называют также остаток еды или курева, какую-либо небольшую часть. Например, «пойти в столовку, пройтись по ништякам» означает «доесть недоеденные остатки». Говорят, что первоначальное, но уже забытое значение слова «ништяк» — расстояние между заднепроходным отверстием и влагалищем у женщины.

Обдолбиться — сильно заторчать.

Олдовый — опытный, старый.

Олдовый-преолдовый — очень опытный, очень старый.

Омар Хайам — Гийас ад-Дин Абу-л-Фатих Омар ибн Ибрахим Хайам, суфийский мастер, ученый и поэт. Жил в XI веке.

Отмазка — причина, способ, ксива, освобождающая от чего-либо. Отмазываться — уклоняться.

Отморозок — человек без всякой внутренней и внешней морали.

Падмасана — одна из асан в хатха-йоге.

Парвати — жена *Шивы*. Добрая и весьма красивая тетенька. Но она же ужасная Кали — богиня смерти. Точнее, это два начала в одном теле, суровое и беспощадное — Кали, нежное и милостивое — Парвати. Существует множество имен, которые скорее являются эпитетами жены Шивы: Дурга — Трудноодолимая, Амбика — Великая Мать, Чандика — Гневная. Каждая имеет свой неотличимый облик, хотя все вместе воплощены в одном. Точнее, в одной. Женщина, однако, — сказал бы какой-нибудь шаман.

Пионер — молодой, неопытный.

Пипл — народ. Иногда: человек, образ жизни которого близок к хипейному.

План — см. *марихуана, ганжа, трава, конопля индийская, канabis, анаша, дурь*.

Повинтить — арестовать.

Покоцать — повредить, порезать, побить, поломать.

Понт — высокое самомнение. У блатных — наглое вранье с пафосом, создание шума при совершении кражи, выгода, прибыль.

Прайс (прайсы) — деньги.

Приговоренные тексты — тексты, похожие на творения Пригова Дмитрия Александровича, известного московского поэта-концептуалиста.

Прик — мужской член.

Прикол — забава, шутка.

Приколоться — происходит от слова прикол, но имеет гораздо более широкое и глубокое значение. «Приколоться к кому-(чему)-либо» — привязаться, увлечься, полюбить.

Проказник веселый — особый тип людей, описанный Томом Вулфом. У нас проказники немного другие — люди типа Володи Сорокина (не московского, питерского, сайгоновского) или Сергея Курехина.

ПСП — дешевый наркотик, по формуле и действию отличающийся от ЛСД, но, видимо, благодаря некоторым общим чертам воздействия того и другого, попадающий в группу соединений, называемых в народе «*кислотой*».

Пыль — один из продуктов, получаемых из *конопли индийской* — уже не *травы*, еще не *гашиш*.

Раскумарить — как для легализованных наркоманов (алкоголиков) — опохмелить.

Растаман — (раста — брат), последователь *Растафарианства*.

Растафарианство — первоначально религия чернокожего населения Ямайки, появившаяся в начале двадцатого века в результате синтеза местных верований с христианством. В семидесятых идеи растафарианства вместе с музыкой *рэггэй* были подхвачены хиповым народом. Растафарианство включает в себя курение *марихуаны* как ритуал и фатализм как основу мировоззрения (*Джа даст нам все*).

Рубаи — четверостишия такие... *Омар Хайам* писал.

Рэггэй — музыка *Растафари*. Отличается переносом акцента на слабую долю.

Сайгон — кафе на углу Невского и Литейного, имеет долгую историю, теперь там магазин компакт-дисков.

Сесть на хвост — прицепиться к кому-либо, раскрутить на еду, на деньги.

Сиднокарб — лекарство, психостимулятор.

Сквот — см. отступление шестнадцатое.

Слайд — металлическая трубочка, надевающаяся на указательный палец левой руки, с цель извлечения из гитары особо кайфовых звуков.

Солутан — лекарство, исходный продукт для получения *джефа* и др.

Спунфул (Spoonful) — известный блюз Вилли Диксона.

Стопник — атлас автомобильных дорог.

Стоунхендж — каменные плиты и земляные валы, выложенные концентрическими кругами. По мнению ученых, созданы

две тысячи лет до н. э. Его создание приписывают друидам, а порой и самому волшебнику Мерлину.

Стремный — опасный.

Суфий — последователь суфизма — с точки зрения энциклопедий — мистическое течение в исламе, а с моей точки зрения — Пути, более широкого, чем ислам и какая-либо другая конфессия.

Табла — индийский ударный инструмент.

Табула раса (tabula rasa) — психиатрический термин, дословно — чистая доска.

Телега — какая-либо история, придуманная или реальная — не имеет принципиального значения, главное — рассказанная, ведь рассказывая, мы создаем реальность. Это и означает — «гнать телегу».

Трава — см. *марихуана, ганжа, анаша, конопля индийская, канabis, план, дурь*.

Трахаться — вступать в половую связь.

«Три шага в бреду» — название фильма по трем новеллам Эдгара По. Режиссер экранной версии последней новеллы — Фредерико Феллини.

Туфта — чушь, чепуха, неправда.

Урел — от урловый. Приблатненный хулиган.

Фенечка — это красивая носильная штучка. Чаще всего — бисерный браслет.

Флэт — см. отступление двенадцать.

Флэш-бэк — постприход. Типа: вроде бы кайф уже кончился, а вдруг как поперет.

Фрилав — свободная любовь. Ты мужчина, я женщина, и если есть взаимное желание, почему бы и не утолить его.

Хавка — еда.

Хайр — волосы.

Хиок — см. отступление пятое.

Чань Э — по древнекитайским представлениям, женщина, сосланная на луну. Часто изображается в виде жабы. Она на луне не одна — там есть еще заяц, толкущий порошок бессмертия, и дерево, из которого этот порошок получается.

Чернушник — 1) наркоман, употребляющий «черный», то есть опиаты, героин; 2) человек с негативными вибрациями.

Чуфут-Кале — остатки средневекового (осн. V–VI вв.) карaimского города в Крымских горах.

Шамбала — волшебная страна, которую искали и ищут многие, но находит не каждый. По преданиям, расположена в районе Гималаев и Тибета.

Шива — один из индуистской троицы: двое других — Брахма и Вишну. Грозный бог разрушения, но одновременно и животворящее начало. Его танец — воплощение космической энергии.

Шизгара (She's Goddess) — песня под названием Venus группы Shocking Blue.

Шузы — ботинки.

Экуменизм — течение, призывающее к единению христианских церквей.

Экшн — действие.

Эльф — кафе на Стремянной улице в Петербурге.

Энцефалитка — специальная куртка с капюшоном, предохраняющая от укусов насекомых.

Санкт-Петербург, 1997–2012

ГОСПОДИН ВЕТЕР

(Поэтическая версия)*

СОБИРАТЕЛИ ГОЛОВОЛОМОК

Я — ветер.
Собиратели головоломок
складывают мою жизнь,
рассыпанную как пыль
с крыльев старой бабочки:
— Сюда — кленовые листья, —
говорят они,
— сюда — яблочные зерна,
сюда — пепел.

Собиратели головоломок
склоняются надо мной,
они показывают мне дождь,
сложенный из миллиона капель,
и я пожимаю их руки
водяные холодные осенние.

Собиратели головоломок
пахнут канабисом и дорогой,
они показывают мне девушку в зелёном.
— Но где остальные детали
этой картины? — спрашиваю я,
— сложите хотя бы Солнце
или Луну в тёмно-синем небе,
для меня, пожалуйста.

А они:
— Мы уже сложили,
мы закончили работу,
мы сложили все головоломки на свете,
и нечего теперь придумывать
и ломать голову,
господин Ветер.

* Публикуется по изд.: Д. Григорьев. Господин Ветер. — М.; СПб.: Борея-Арт, Публицерс, 1998.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Летучие мыши разрезают небо,
чёрными молниями слетаются к луне,
а днём висят на чердаке вверх ногами,
пряча под крыльями звезды.

У них есть песок смерти,
у них слишком много лунного порошка,
и если попросишь как следует —
время будет в твоих руках.

А пока его пьют мальчики,
а пока его пьют девочки,
что любят друг друга вечером,
на диване со злыми пружинами,
под стропилами, где голубиные
гнезда и песни и пыль
словно млечный путь.

* * *

Все слова, что ты слышишь —
только слова пока дышишь,
только выдох и вдох,
лишь иногда — вздох,

все слова, что ты скажешь —
просто слова и даже
слово Любовь и Бог —
только выдох и вдох.

* * *

Птицы улетели, они-то знают:
зимой надо улетать
и лишь весной возвращаться...

Думаю и смотрю
на зиму из окна,
словно и не живу в ней,
словно она
нарисована каким-нибудь новым Брейгелем:
люди на остановке,
дети на стадионе,
тёмные талые следы на бледно-голубом фоне,

а в переплетении колеи и тропинок —
грузовик зелёный без дверей и колес,
словно лист тополиный
последний,
придавленный снегом,

но если приглядеться
можно увидеть как он едет,
увидеть на его крыше
ворону-голубя-воробья,
и ясно, что птицы не улетали,
просто надо смотреть выше.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В печали своей словно в лодке под крики ворон,
или в радости как на коне над тенью змеи,
каждый идет со своей стороны домой,
и я тоже из их семьи.

Хрустят под ногами ветки, хлупает вода,
листья рисуют тени на каждом лице,
у моего пра-пра-дедушки серебряная борода,
он ждёт на большом и пустом крыльце

дома с колоннами, где двери в рай,
куда возвращаются те, что ушли
в печали своей словно в лодке на самый край,
в радости как в дорожной пыли...

ЛЕТО

И я, именуемый выписчик и переписчик,
а также собиратель цветов зверобоя,
или смотритель холмов, облаков и деревьев,
или путник охваченный синим огнем переливницы
крыльев,
или пересекатель путей муравьиных, полётов пчелиных
и прочих,
дегустатор малины, или смятитель луны на озерах и
лужах,
или штамповщик следов на коричневой глине дороги
или на чёрной и влажной земле у ручья,
или слушатель звуков стрекожущих ровно звенящих
пылающих знойных прозрачных и пыльных,
или носитель песка в башмаках и репья на штанинах,
или летнего времени житель —
осколок цветного стекла,
что играет на солнце
радостно и беззаботно.

НА СУНДУКЕ

Сию на сундуке как на троне,
стучу ногами под песню «Пусть Будет Так»,
смотрю — ворона вороне
с провода на провод подает знак.

Они вырезают голос из ветра,
друг другу бросают кар кар кар,
а я на сундуке красного цвета
пыль поднимаю словно пар:

мой поезд едет на край света,
я бессменный его кочегар,
и свисток паровозный трубит:
let it be , let it be, let it be!

СЧАСТЬЕ

Я вёз тебе камень с дыркой,
но зачем тебе каменное счастье,
оно теряется в пыли под небом
и в дырку никогда не заходит солнце,

Я нашел в пути полподковы —
в ней, говорят, полсчастья,
но зачем тебе половина —
лучше бросить ее подальше,

в поле, усеянное цветами:
клевером четырехлистным
и ромашками с белыми лепестками,
как ни гадай на которых
всегда получается «любит».

ГОЛЫЕ ЛЕЖАЛИ

Голые лежали
на траве под ногами ветра,
в запахе пота и поля,
голые лежали
на жаре,
розовые как цветы,
шевелили лепестками
отгоняя шмелей и мошек,
голые лежали
словно небо держали,
словно солнце катали
по синей сковороде,
голые лежали
на земле без времени,
в шёпоте травы
справа и слева,
голые потные
вялые блестящие
как большие куколки
из которых вот-вот появится
нечто чудесное
летающее...

* * *

Опустела голова.
На небо высыпали звёзды.

* * *

Стихов не бывает,
просто ветер по губам пробегает
свободный.

БОСХ

Ты всё гонишь телегу
про охотника на пластмассовых уток,
про разбитую бутылку кефира,
про полную сена повозку,
про жёлтые волосы Бога,
про зелёную тину в глазах,
про людей под колесами и
две руки по краям картины —
на одной рай на другой ад:
хлопнешь в ладоши — птицы летят
зайцы бегут, растёт трава,
и когда на ладонях краска,
дорога жизни хорошо видна
и дорога любви прекрасна...

А ты всё гонишь телегу
полную жёлтого сена,
похожего на костёр
посреди ночного холста...

СМЕРТЬ АДМИРАЛА

Море прилипает к вёслам,
они словно гири в руках гребцов:
адмирала везут умирать
на чужой остров,
где нет деревьев и нет крестов,
где нет золотых индейцев,
только идолы на берегу,
над белой пеной прибоя
в синих тряпочках ветра
надменно стоят и смотрят
как несут адмирала
умирать на землю...

— Чайки, одни лишь чайки, —
говорит корабельный доктор,
— чайки не едят пададь...
— Оставьте меня в покое —
адмирал отвечает,
— выключите море, потушите небо...

И, словно жёлтый идол,
адмирал один остается:
его кости найдет туземец
заплывший на остров после удачного лова
серебряной рыбы с человеческими зубами...

* * *

Скоро мы переедем, людям свойственно
переезжать,
потекут вещи по невидимым рекам,
а руки такие слабые — в них надолго нельзя
удержать
ни песчинку, ни облако, ни человека...

* * *

Твой дом перестал быть домом на берегу,
его легко перепутать с другими,
твоего соседа вылечили,
ветер не поднимает птиц в его голове,

далеко-далеко отодвинулся берег,
и такие высокие вокруг новостройки,
что небу не дотянуться до твоей двери,
лишь чайки порой опускаются на помойку,

да закат падает на последний этаж,
твой дом перестал быть домом на краю земли,
вымыли окна, и словно пыль смели
землечерпалку в оранжевом море
и корабли.

УМЕРЛА МАМА

Над жёлтой больницей
небо шелушится,
осыпается цветами
сиреневое небо...
Зима прошла,
а на балконе
еще осталось
мамино варенье...

* * *

Последние листья дождём прибывает к земле,
и в доме пахнет сырой травой,
проходит декабрь, роняя тень
женщины с запрокинутой головой,

ветви деревьев в моем саду
лезут в небо, цепляются за облака,
за декабрем в полутьме бреду
с тонкой свечой в руках...

Ветер и дождь летят на огонь,
крыльями бьют, нагоняя жуть...
А я словно крышу держу ладонь,
чтоб не смогли задуть...

* * *

Вот и большие черновики в колючках чертополоха,
в крапиве и лебеде,
и маленькие беловики,
в которых белым-бело,
и стройные красновяки, бегущие своей красы,
и кровавые красняки, заходящим солнцем над бездною,
и зеленовяки, расширенные зеляки-зенки,
и зеленяки, конечно же, полные гусениц и травы,
и желтяки, подобные отмели неба,
и фиолетовяки, следы, разбросанные по белому полю,
где летом — колючки чертополоха,
крапива и лебеда...

МОЯ РАБОТА

Я бездельник
и божественное время трачу даром...
Трачу его и трачу, так что порой самому стыдно,
вот возьму завтра и скажу: гости,
я собираюсь работать — уходите из моей жизни...

А какая же у меня работа?
Божественное время тратить даром
больше ничего и не умею...

* * *

...Ты будешь бегущей водою, будешь самую изменой,
шелестом будешь будить этот мир поутру,
ты будешь звездой: ты будешь звездой непременно,
когда для тебя в этом поле травинки-лучи соберу
и в небо подброшу, в такое шершавое небо,
что можно подняться и долго летать в облаках,
я знаю дороги сквозь ветви рябины и вербы
тонкие гибкие в мягких как листья руках...
А мы, несомненно, с тобою мы очень похожи
на пепел на тёмных ступенях, где все мои дни,
на этих людей, что толпятся в небесной прихожей,
смотри — ведь мы тоже стоим среди них,
и к нам выйдет ангел с большой громовой трубою,
что сверкает на солнце и золотом бьет по глазам,
и он протрубит, и тогда побежим мы с тобою
по щеке земляной как звезда и большая слеза.

* * *

Пиши: далек Господин Небо...
Пиши: красна Госпожа Боль,
красные паруса поднимает,
красные как огонь...

Еще напиши о страхе —
душной, черной волне,
и о том, что некуда падать,
если уже на дне...

А потом о Любви только
о ней на всех языках,
пока не сотрётся грифель,
и крылом не станет рука...

Содержание

Предисловие автора к новой версии	3
От автора	5
Глава первая. Кое-что о смерчах и о любви	7
Глава вторая. Ружье	21
Глава третья. Птица Абу Харун	45
Глава четвертая. Города мертвых	57
Глава пятая. Авария	76
Глава шестая. В сторону Кустаная	102
Глава седьмая. Хиппи, гопники и менты	121
Глава восьмая. Сны, сказки и телеги	139
Глава девятая. «Волшебный автобус»	159
Глава десятая. «Гомосекс»	178
Глава одиннадцатая. Бандиты	190
Глава двенадцатая. Концерт	200
Глава тринадцатая. Караван	219
Глава четырнадцатая. Менты и заявки	234
Глава пятнадцатая. Фотография	245
Господин Ветер. Поэтическая версия	265

Литературно-художественное издание

Дмитрий Анатольевич Григорьев

Господин Ветер

Верстка Е. Касьяновой
Корректор В. Ганчурина

ООО «Свое издательство»
199004, Санкт-Петербург, ул. Репина, 41
Тел.: 8(812) 966-1691
Интернет: <http://isvoe.ru>
E-mail: editor@isvoe.ru

Подписано в печать: 12.12.2012
Гарнитура Myriad Pro. Печать цифровая.
Формат 60×84 1/16